

МИНОБРНАУКИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

На правах рукописи

Аленичева Наталья Владимировна

**Эволюция массовых настроений в городах Саратовской губернии в период
Великой российской революции**

Специальность 5.6.1. - Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Юрий Владимирович Варфоломеев

Саратов, 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ВАЖЕЙШИЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ МАССОВЫХ НАСТРОЕНИЙ В ГОРОДАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914- 1918 ГГ.....	34
1.1. Терминологические и хронологические особенности исследования массовых настроений населения в переломную эпоху.....	34
1.2. Динамика изменения состава населения городов Саратовской губернии к 1917 г.	49
1.3. Факторы, влиявшие на эволюцию массовых настроений в Саратовском Поволжье в революционный период.....	62
Глава 2. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ЭВОЛЮЦИЮ НАСТРОЕНИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТИХИИ 1917-1918 ГГ.....	93
2.1. Деятельность политических сил в Саратовской губернии в период двоевластия 1917 г.	93
2.2. Инструменты воздействия советской власти на массовые настроения населения в период установления большевистской диктатуры.....	116
Глава 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ СОБЫТИЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ ГОРОЖАНАМИ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914-1918 гг. .	136
3.1. Восприятие населением городов Саратовской губернии Первой мировой войны и начала демократических преобразований после падения монархии.....	136
3.2. Процесс изменения массовых настроений городского населения Саратовской губернии в период установления большевистской диктатуры 1917-1918 гг.....	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
Список использованных источников и литературы	191

ВВЕДЕНИЕ

После Февраля 1917 г. в России произошли переломные исторические события, изменившие политическую систему и оказавшие влияние на все стороны жизни российского общества. Важнейшие аспекты изменений были связаны с ликвидацией монархического режима, кризисом переходного периода, Гражданской войной, изменением экономики, позже – провозглашением курса на создание социалистических форм хозяйствования, и вместе с тем, это сопровождалось изменением социального и культурного климата в обществе. Этот период был ознаменован борьбой за властные ресурсы, распадом старых и созданием новых органов государственной власти, обновлением векторов коммуникации между обществом и политическими институтами.

Революция и последующие события сыграли важную роль в эволюции системы государственной власти в России XX в. Эхо революционных преобразований в 1917-1922 гг. отразилось и на событиях в России в конце прошлого столетия.

Актуальность изучения темы в настоящее время обусловлена рядом причин. Во-первых, она обоснована необходимостью изучения взаимосвязи масштабных социально-политических трансформаций и общественных настроений в период революционных потрясений. Во-вторых, представляется весьма актуальным исследование современных научных трактовок и научное осмысление событий Великой российской революции, являющихся точкой отсчета и основой происходящего в России на протяжении XX в., в частности, в Саратовском регионе. Безусловно, сложившиеся в прошлом веке властные, идеологические и экономические механизмы трансформировались, а затем получили развитие и в современной России.

История регионов, изучение ее отдельных аспектов позволяет дать более широкую оценку историческим событиям и процессам,

происходившим в России в годы Великой российской революции. Судьбоносные и решающие события вершились в столичных городах, в то время как на периферии, отголосок этих событий приобретал иную форму и выражался иначе, чем в самом «эпицентре» событий. Поэтому важным является изучение региональных аспектов крупнейших исторических событий, которые позволяет более глубоко осмыслить их сущность.

В последнем десятилетии прошлого века в отечественной исторической науке обозначились новые исследовательские тренды в изучении различных граней процесса социокультурных и политических трансформаций позднеимперской России. Вместе с тем, обозначились и новые концепции в исследовании революционных событий 1917 года. В частности, более привлекательными стали научные изыскания в области социальной истории и антропологии, которым не уделялось должного внимания в советской историографии.

В настоящее время большой популярностью пользуется точка зрения, что революционные процессы первой трети прошлого столетия происходили, в первую очередь, в сознании людей. В рамках направления социальной истории, предполагающей использование методов смежных социально-гуманитарных дисциплин, рассматривается проблема отношения к происходящему «обывателя»: крестьянина, рабочего, солдата, студента и т.д. Ментальные, социокультурные, социо-психологические характеристики разных социальных слоев стали распространёнными сюжетами современных научных исследований. Исследования истории массовых настроений в обществе, мировоззрения, ментальности в последние десятилетия пользуются особой популярностью, как в среде исследователей, так и среди читателей.

В данной работе исследуется эволюция массовых настроений именно городского населения Саратовской губернии. Городская среда начала XX в., испытывавшая приток крестьянства из деревень, представляла собой конгломерат разных социальных групп и традиций, в большинстве с

отличными друг от друга мировоззренческими установками. Поэтому рассмотрение эволюции массовых настроений городского населения дает более комплексное понимание этого процесса, а также факторов, повлиявших на трансформацию взглядов.

Объектом исследования являются массовые настроения населения городов Саратовской губернии период Великой российской революции.

Предметом исследования выступает процесс формирования и эволюции массовых настроений населения городов Саратовской губернии в период Великой российской революции, а также факторы, повлиявшие на изменение массовых настроений городских жителей Саратовской губернии, определившие их особенности в условиях Великой российской революции.

Хронологические рамки исследования охватывают 1917-1918 гг., что определяется спецификой развития и хода революционных событий в Саратовской губернии. Однако в контексте изучения отдельных аспектов процесса эволюции массовых настроений уделяется внимание предреволюционному военному периоду, в особенности, с момента преломления вектора патриотического подъема и начала роста антивоенных настроений 1916-1917 гг., который «подготовил почву» для последующих революционных событий в России в 1918 г.

Территориальные границы исследования ограничены пределами Саратовской губернии по состоянию на 1917 г. К началу революции, административно-территориальное деление Саратовской губернии выглядело следующим образом: в состав губернии входили 10 уездов, 10 городов и 1 посад (в Царицынском уезде). Административно-территориальные изменения в последующие годы перекроили границы Саратовского Поволжья: в октябре 1918 г. часть территории губернии была включена в состав новообразованной автономной области немцев Поволжья; в 1919 году часть Камышинского и Царицынский уезды переданы вновь образованной Царицынской губернии; в состав губернии вошли из Самарской губернии

Николаевский уезд и не вошедшая в автономную область немцев Поволжья часть Новоузенского уезда.

Степень изученности проблемы. На протяжении целого столетия среди исследователей завидной популярностью пользовались различные вопросы, связанные с проблематикой революционных событий в России начала XX в.

В советские годы особое внимание историков привлекало рассмотрение событий 1917 г. и их трактовка в рамках марксистско-ленинской теории о всемирной пролетарской революции и классовой борьбе.

В отечественной историографии советского периода данная тема в такой постановке и в рамках вышеобозначенной проблемы не являлась предметом специального исследования, хотя отдельные аспекты ее и конкретные события затрагивались и изучались в контексте развития Октябрьской революции в Поволжье и России в целом.

Распространенной темой в работах советских авторов, в основном, была проблема взаимоотношений большевиков с другими политическими партиями. В этом контексте в исторической литературе превалировал достаточно односторонний подход в оценке роли других партий в революции, исходя из ленинской классификации политических партий России. Между пролетарской большевистской партией и другими «непролетарскими», возводилась преграда, так как большевики представлялись носителями неоспоримой истины, а планы других партийцев были обречены на провал. Альтернативные мнения в исторической литературе, как правило, исключались, так как осмысление истории революционных событий носило партийно-идеологический характер.

Однако за советский период была проделана по-настоящему объемная и глубокая работа по изучению событий Великой российской революции 1917-1922 гг. В научный оборот был введен огромный фактический материал, извлеченный из архивов, как общегосударственного, так и регионального уровней. Революционные события в России рассматривались с точки зрения борьбы большевистской партии с политическими

противниками. Также преимущественно рассматривался военный аспект событий Гражданской войны 1918-1922 гг.

События 1917 г. и Гражданской войны в Поволжье стали исследоваться в первые годы Советской власти, по «свежим следам». Важным изданием стал трехтомник «Гражданская война 1918-1921 гг.»¹.

С середины 1930-х гг. и до конца 1950-х гг. на исследовательскую литературу о революционных событиях и Гражданской войне влиял постулат о недопустимости альтернативного толкования исторических фактов.

В 1930-е гг. «Краткий курс РКП(б)» надолго внедрил в историческую науку догматические критерии изучения исторических событий. В 30-50-е годы прошлого века резко сократилось количество публикаций о революции в Поволжье, тема партийно-политической борьбы, по существу, оказалась закрытой и неоспоримой. В 60-80-е годы прошлого столетия советская историография стала проявлять большой интерес к истории политических партий в России. Появились обобщающие работы, монографии об эсерах и меньшевиках. С начала 20-х гг. до 1964 г. в СССР опубликовано на русском языке более 5000 книг, брошюр, статей, документальных сборников и мемуаров по истории Гражданской войны².

После XX съезда КПСС, к 50-летию Октября 1917 г. в Поволжье были изданы сборники архивных документов. В областных центрах были опубликованы очерки по истории партийных организаций, монографии, воспоминания. Социально-экономические преобразования в поволжской

---

¹ Гражданская война, 1918-1921 : в 3 т. / под общ. ред. А. С. Бубнова [и др.]. - М. : Военный вестник, 1928-1930.

² *Шерман И.Л.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920—1921). Изд. Харьковского университета, 1964, стр. 15; *Шелестов Д. К.* Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 23.; *Шатагин Н.И.* Организация и строительство Красной Армии в период военной интервенции и гражданской войны. М., Воениздат, 1954.; *Найда С.Ф., Наумов В.П.* Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР. «Очерки по историографии советского общества». изд. «Мысль», М., 1965. *Наумов В.П.* «Летопись героической борьбы», М., 1972. и др.

деревне в конце 1917-1918 гг. исследованы И.М. Ионенко, Е.И. Медведевым, В.К. Медведевым, П.Г. Сумериним, М.И. Романовым и др.³.

Поволжские историки также шли в русле общих тенденций, развивая тему партийно-политической борьбы. В региональной историографии прорыв был сделан в конце 1950-х гг. с выходом в свет монографии Е.И. Медведева. В ней содержались сведения о левых эсерах и их влиянии в губернских органах власти.

Обобщающий характер носила также работа А.Ф. Засова. В ней отмечалось, что большевики проводили тактику «раздела власти» с левыми «мелкобуржуазными» партиями, а сложившийся блок облегчал борьбу с правыми эсерами и меньшевиками.

Статьи Д.С. Точеного были посвящены деятельности социалистических партий в Поволжье, а также левому флангу революционной демократии⁴.

В работах о строительстве Советской власти в Поволжье, политической борьбе в Советах отмечалось, что соглашение большевиков с левыми эсерами сыграло в целом положительную роль, что на Волге блок советских партий был более прочным и длительным⁵.

---

³Медведев Е.И. Аграрные преобразования в деревне в 1917 — 1918 гг. Куйбышев, 1958; он же. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958, т. 1; он же. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев. 1970; он же. Организация комбедов в прифронтовых губерниях Восточного фронта. «Ученые записки Куйбышевского гос. пединститута», вып. 41; Медведев В.К. Поволжская деревня в период комбедов. Изд. Саратовского ун-та, 1966; Сумрин П.Г. Комбеды в Пензенской губернии. Пенза, 1960; Дорожкин М.В. Установление и упрочение Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957; Романов М.И. Средневожские партийные организации в годы гражданской войны. Йошкар-Ола, 1966; Кибардин М.А., Шишкин А.А., Медведев Е.И. Октябрь в деревне. Казань, 1957; Октябрь в Поволжье, Саратов, 1967; Селунская В.М. Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968.

⁴Точеный Д.С. Советская новейшая литература о банкротстве мелкобуржуазных партийных организаций в Поволжье // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье. Куйбышев. 1984. С.92.

⁵Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 г.). Саратов, 1966; Герасименко Г.Л., Рашитов Ф.А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов, 1972; Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья а 1917 году. Саратов, 1977.

О массовых настроениях в Саратове, преимущественно военных масс, отмечалось лишь в контексте развития революции и гражданской войны в Поволжье. Историк И.М. Ионенко писал о событиях революции в Поволжье, в том числе о совместной борьбе большевиков и левых эсеров за солдатские массы⁶.

В 1960-1980 – е гг. издается несколько работ, подробно освещавших революционные события в Нижнем Поволжье, среди них труды Г.А. Герасименко⁷, Е.И. Медведева⁸, С.А. Соколова⁹. Так, например, Г.А. Герасименко и Д.С. Точеный в книге «Советы Поволжья в 1917 г.»¹⁰ приводят подробное повествование о формировании советских структур власти после февральских революционных событий на протяжении 1917 г. на территории Поволжья. Большая часть работы посвящена событиям в Саратовской губернии. Авторы подробно описывают ход политического противостояния партий и действия большевиков в борьбе за влияние масс.

Неоспоримой заслугой историографии советского периода стало издание статистических сборников, мемуаров, дневников, посвященных событиям 1917-1920 гг. В 1990-е гг. спектр вопросов, связанных с изучением революционных событий расширился. Как зарубежные, так и отечественные историки с пристальным вниманием обратились к пониманию революционных событий, в том числе, с точки зрения, социальной истории, т.е. через обращение к истории «обывателя», «маленького человека», к истории «повседневности». В канун 100-летия революции появилось

---

⁶ *Ионенко И.М.* Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть Советов (По материалам Поволжья и Урала). Казань, 1976; *Он же.* Солдатские массы в Октябрьской революции. (По материалам Поволжья и Урала), Казань, 1982.

⁷ *Герасименко Г.А.* Низовые крестьянские организации в 1917 - первой пол. 1918 г. Саратов, 1974; *Герасименко Г.А., Семьянинов В.П.* Советская деревня на первом этапе Октября. Саратов, 1980.

⁸ *Медведев Е.И.* Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1964; *он же.* Гражданская война в Среднем Поволжье 1918-1919 гг. Саратов, 1974.

⁹ *Соколов С.А.* В канун великого почина (хозяйственное строительство в Поволжье в 1918 г.). Саратов, 1974.

¹⁰ *Герасименко Г.А., Точеный Д.С.* Советы Поволжья в 1917 г.: борьба партий, большевизация советов, октябрьские дни. Изд-во Саратовского ун-та, Саратов, 1977.

значительное количество работ, посвященных различным аспектам Великой российской революции.

С течением времени обозначились различные, подчас противоположные подходы к трактовке событий 1917 г. Дискуссионность оценок определяется как различными методологическими подходами исследователей, так и субъективным взглядом на прошлое страны.

С конца прошлого столетия в отечественной историографии появились работы, авторы которых на общероссийском и региональном уровне рассмотрели восприятие событий Первой мировой войны и Великой российской революции буржуазией, дворянством, крестьянством, солдатами, интеллигенцией, рабочими, таким образом - различными стратами населения¹¹.

На протяжении последних двадцати лет появилась значительная часть авторов, которые посвятили свои работы изучению динамики общественных настроений в регионах, отмечая их трансформацию от традиционалистских до оппозиционных, а затем аполитичных¹².

---

¹¹*Васильева Е. И.* Первая мировая война, расстановка политических сил в 1917 г. и позиции интеллигенции г. Рыбинска // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 2.; *Купцова И.* Художественная интеллигенция России в годы первой мировой войны. М.: ИТРК, 2007; *Майорова А. С.* Саратовская ученая архивная комиссия в годы Первой мировой войны // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие: мат. науч. конф. «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2004 г.). Саратов, 2006; *Смирнов Н. Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война: мат. межд. науч. коллоквиума. СПб., 1999.; *Смирнова А. М.* Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 2 *Голубин Р. В.* Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии: Организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2003; *Он же.* Процесс мобилизации общественных сил Нижегородской губернии для нужд фронта в 1914– начале 1915 гг. // Вестник Нижегородского университета. Сер. «Международные отношения. Политология. Регионоведение». 2004. Вып. 1 (2); *Гущин Ф. А.* Военно-промышленные комитеты в период Первой мировой войны (На материалах Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004; *Салова С. В.* Буржуазия России в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.: историко-региональный аспект – Самарская, Симбирская, Саратовская губернии. Самара, 2005.

¹²*Кижяева Т.А.* Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): дис... канд. ист. наук. Барнаул,

Одним из первых и фундаментальных трудов, посвященных психосоциальным аспектам революции в России, стала монография В.П. Булдакова «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия»¹³. Историк соотносит революцию с теорией модернизации, указывая, что в основе психосоциальной динамики революции скрывались последствия реакции традиционалистского типа с процессами модернизации. Решающую роль в формировании факторов революции 1917 г. В.П. Булдаков отводит участию России в Первой мировой войне, которая усилила социокультурное распадение общества на «город» и «деревню», тем самым активизировала маргинализацию значительной части населения.

Февральские события 1917 г. В.П. Булдаков называет государственным переворотом, который привел к эскалации «красной смуты» - началу Гражданской войны. Поэтому главное место в событиях 1917 г. автор отводит именно февральским событиям.

Среди особенностей российской революции В.П. Булдаков выделяет стихийность, беспартийность, так как, по его утверждению, все сделали «революционерами», а также наличие признаков всеобщего погрома: рост

2006; *Вахрушева Н. А.* Непролетарские массы трудящихся Поволжья и Приуралья в период подготовки Октябрьской революции (социально психологический аспект революционной борьбы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1977; *Федюк В. П.* Пролетариат Верхнего Поволжья на выборах в городские думы и Учредительное Собрание в 1917 году // Рабочие Центрального промышленного района России в борьбе за победу и утверждение завоеваний Великого Октября: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Горький, 1989; *Казаковцев С.В.* Первая мировая война в письмах вятичей // Военно-исторический журнал. 2007. № 4. С. 51–54; *Серов Д.В.* Цензура почтовой корреспонденции из действующей армии в годы Первой мировой войны (письма как показатель настроений солдатской массы) // Новый век: история глазами молодых: сб. науч. тр. аспирантов и студентов историч. фак. СГУ. Вып. 1. Саратов, 2003. *Журавлева М. Д.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны: общественное сознание и социальное поведение: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001; *Кижяева Т. А.* Указ. соч.; *Поршнева О. С.* Российский крестьянин в первой мировой войне (1914 – февраль 1917) // Человек и война (Война как явление культуры): сб. статей. М., 2001; Самохин К. В. Трансформация крестьянского менталитета в годы Первой мировой войны (на материалах Тамбовской губернии) // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2006. № 5 (23). *Юдин Е. Е.* Русское дворянство накануне и в период первой мировой войны: проблемы социального развития и политической деятельности сословия: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

¹³*Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. - изд. 2-е, доп. – М., 2010.

случаев хулиганства, грабежа лавок и магазинов, провокаций по отношению к полиции и т.д.

Б.И. Колоницкий¹⁴, один из крупнейших современных историков, изучающих период революции 1917-1922 гг., рассматривает систему революционных символов и их использование в целях политической идентификации и мобилизации. Автор называет российскую революцию с февраля до октября 1917 г. «революцией символов». Роль политических символов, по утверждению Колоницкого, возрастает в период социальных и культурных катаклизмов, в период «архаизации» массового сознания. В такие периоды борьба за символы является важнейшим элементом борьбы за власть, так как властные символы порой и воспринимались как сама власть. При этом в работах историка рассматриваются, в том числе с позиций семиотики, проблемы восприятия различными группами населения представителей власти и самого императора, его семьи. Колоницкий рассуждает о причинах и ходе процесса десакрализации царской власти, идеологического кризиса, в том числе церковного. Значительная часть материала, на который опирается автор в исследованиях, посвящена событиям в Саратовской губернии в период с 1917 по 1922 гг.

Авторство одной из последних работ, посвященных массовым настроениям в период Первой мировой войны и революции, принадлежит В.Б. Аксенову¹⁵, который также рассматривает события 1914-1918 гг. не как политический феномен, а как период социально-психологических потрясений. Формирование специфических особенностей революционного сознания, по его мнению, возвысили эмоциональный уровень восприятия

---

¹⁴Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. 350 с.; *Он же*. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994; *он же*. «Демократия» как идентификация. К изучению политического сознания Февральской революции // *Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению*. М., 1997; *он же*. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы первой мировой войны (слухи и массовая культура) // *Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению*. М., 1998.

¹⁵Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914-1918. М., 2020.

происходящих событий населением над рациональным. Поэтому особенно важным для понимания периода 1914-1918 гг. является изучение ментальных процессов. Первая мировая война, изменившая вектор развития всего европейского мира, стала «колыбелью» революционных событий в России.

Объемной по содержанию монографией, посвященной повседневной жизни российской провинции в годы российской революции, является работа историка из Челябинска И.Б. Нарского¹⁶. Автор приводит фактический материал о жизни населения Урала в годы революции, рассуждает над особенностями, повлиявшими на социально-экономические процессы в регионе. Самыми важными из них, по мнению автора, были удаленность региона от центра России, и частый переход власти от красных к белым, от белых к красным.

Нарский приходит к выводу о том, что то самое пассивное большинство – «маленький человек», зачастую рассматриваемый как жертва революции, с точки зрения социального катаклизма, являлся его творцом. Обстоятельства развала, хаоса и бесчинств можно было пережить, лишь руководствуясь примитивными животными инстинктами, что провоцировало продолжение хаоса, последствия от которого растянулись на десятилетия истории советской России. Монография И.Б. Нарского ценна в рамках темы диссертации еще и тем, что выводы автора позволяют увидеть, как история повседневности способна послужить частью обобщения воззрений о причинах социально-политических явлений, происходящих в обществе.

Диссертация О.В. Оленьевой¹⁷ посвящена изучению повседневной жизни городского населения Ярославской губернии в 1917 г., изменений в быту и морали, и их влияние на поведение городского обывателя в период революции. Оленьева разделяет точку зрения о процессе архаизации массового сознания в период революции, проявившийся в настроениях

---

¹⁶ *Нарский И.Е.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001.

¹⁷ *Оленьева О.В.* Повседневная жизнь провинциального города в 1917 году (по материалам Ярославской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005.

горожан Ярославля. В результате революционных изменений, когда перестали действовать большинство правовых норм, на авангардные позиции при определении модели поведения стали выходить пещерные законы. Преобладания страха в повседневной жизни приводили к апатии и равнодушию к политическим переменам и массовому абсентеизму на выборах. Страх порождал и резкий подъем агрессивности, проявлявшейся в любом массовом действии в период революции.

Первой реакцией обывателя на революционные изменения стала попытка приспособления к ним. Ожиданием от революции было улучшение жизни, однако она принесла обратное – ухудшение качества жизни. Последствием этого стало разочарование в революции, так как для обывателя бытовая составляющая была намного важнее политической. Крушение надежд вело к поиску виноватых, что так же можно считать признаком архаизации массового сознания, которое в провинции шло гораздо быстрее, чем в столице. О.В. Оленьева отмечает, что на первый взгляд жизнь в провинции на первых порах революции «сохраняла инерцию мирного времени»,¹⁸ политическая борьба коренным образом отличалась от столичного накала, однако в такой тишине провинция дичала, обособливалась и теряла связь с цивилизацией быстрее, чем центр. По мнению исследовательницы, обыватель – жертва революции, при всей своей незащитности и безобидности, мотивируемый стремлением приспособиться к изменениям, превратился в безликую силу, способствовавшую нарастанию кризиса.

Продолжила эстафету изучения повседневной жизни провинциального города в годы революции и выявления ее основных характеристик М.А. Бравина¹⁹. Исследователь выявляет взаимосвязь бытовых проблем,

---

¹⁸ Оленьева О.В. Повседневная жизнь провинциального города в 1917 году (по материалам Ярославской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005. С. 169.

¹⁹ Бравина М.А. Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и гражданской войны: 1917-1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары. 2008.

появившихся в период революционных изменений, повседневных практик, ментальности и психологических стереотипов с катастрофическими условиями существования. М.А. Бравина утверждает, что «разруха в головах» стала источником системного кризиса и вызвала резкое нарастание социальной девиации. Быт стал «катастрофичным» и постепенно приучил людей к лишениям, терпению ради будущей счастливой жизни и такое мировоззрение сохранится на протяжении всей советской истории.

Отмечает тесную взаимосвязь повседневных настроений горожан, в том числе в провинциальных городах Российской империи, в период революции и политико-экономической ситуации Д.С. Рязанов²⁰. Переживания городских обывателей, по мнению автора, являлись одними из важнейших факторов влияния на их сознание и восприятия окружающей действительности и формировали модель политического поведения.

Социально-психологическое восприятие военной действительности в провинциальном обществе с 1914-1917 гг. рассматривает А.А. Казанцев²¹, при этом исследователь анализирует динамику общественного мнения и массовых настроений указанного периода. Автор выделяет два промежуточных этапа: с 1914-1915 гг. – период патриотического подъема и доверия государю, и с 1915 по 1917 гг. – время радикальных изменений массовых настроений в обратном направлении. Территориальные рамки исследования ограничиваются Пензенской, Самарской и Сибирской губерниями, ввиду их схожести в географическом и социально-экономическом отношении.

Казанцев уделяет большее внимание динамике настроений солдатской и крестьянской масс, также отдельно рассматривает положение национальных меньшинств в трех губерниях Среднего Поволжья. Среди

---

²⁰Рязанов Д.С. Повседневные настроения городских «обывателей» России в 1917 - 1920 гг.: По материалам Центральной России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов. 2006.

²¹Казанцев А. А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005.

факторов трансформации массовых настроений автор выделяет противоречие идеологической практики Российской империи и потребностей общественного развития. Крестьянство, как основная часть российского общества, оставалось носителями патриархального сознания, и оставалось приверженцем монархических взглядов. Первая мировая война, по мнению Казанцева реанимировала у общественности традиционную систему ценностей, которая стала изменяться после событий Первой русской революции. Самоидентификация «свои» – «чужие» в условиях военного времени активировала интеграционные процессы в системе социальных связей, чем автор объясняет патриотический подъем, выражавшийся в демонстрации единения власти и общества. Усугубление социально-экономического кризиса, затяжная война развеяли социальные ожидания и надежды, сломали прежнюю систему социально-психологического восприятия обществом происходящих событий. Искренне единение общества и патриотических подъем в начале войны, согласно концепции патернализма, сменился антивоенными выступлениями и погромным движением.

В последние десятилетия появились и крупнейшие исследования, посвященные мировоззрению и массовым настроениям горожан Поволжья в годы Первой мировой войны. Так, монография Е.Ю. Семеновой²² содержит богатый фактический материал, характеризующий ситуацию в губернских и уездных центрах всего Поволжья. Семенова указывает на взаимосвязь социально-экономических, политических факторов с процессом формирования системы «картины мира» и моделей поведения людей в период революционных потрясений, их реакцию на происходящие события. Е.Ю. Семенова отдельное внимание уделяет рассмотрению религиозного и национального состава населения, миграционным процессам, вызванным Первой мировой войной, бытовые аспекты жизни, политику «чрезвычайных мер», анализируя их взаимосвязь с изменениями в представлении горожан о

---

²²Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 - начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

власти, патриотизме, церкви, а также с процессом формирования мировоззрения отдельных групп городского населения.

Различные аспекты, связанные с взаимоотношением власти и общества на провинциальном уровне в период российской революции отражены в работах Н.Н. Кабытовой. Автор подробно рассматривает систему становления новых советских институтов власти в условиях революции, социально-политические процессы, происходившие в Поволжье в тот период, взаимоотношение центральных и региональных политических сил.²³

Один из исследователей Гражданской войны в Саратовском Поволжье А.В. Посадский в своих работах²⁴ представляет обширный архивный и мемуарный материал, характеризующий настроения крестьянства в период российской революции. Автор рассматривает положение крестьян, исследуя различные аспекты крестьянского вооруженного движения 1918-1922 гг., антибольшевистских вооруженных выступлений на территории Саратовской губернии и деятельности КомУча в Поволжье. А.В. Посадский анализирует структуру крестьянского протеста, указывая на превалирование в мотивах крестьян решить задачи самозащиты от разорения и бесчинств. Отдельное

---

²³ *Кабытова Н.Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: Учебное пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. - 324 с.; *Она же.* Общественно-политические организации Поволжья в 1914-1917 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 193-200; *Она же.* Социальнопсихологические аспекты аграрного движения в Поволжье в 1917 г. // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Самара. 2007. С. 274-280.; *Она же.* Организация Российской государственности в революции 1917 г: от демократии – через охлократию – к диктатуре // Российская государственность: от истоков до современности: материалы Международной научной конференции, приуроченной к 1150-летию российской государственности. Поволжский филиал Института Российской Истории РАН, Министерство образования и науки Самарской области, Самарский Научный центр РАН. 2012. С. 86-89 и др.

²⁴ *Посадский А.В.* Зеленое движение в гражданской войне России в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. Новейшие исследования по истории России. М., 2018; *Он же.* Социально-политические интересы крестьянства и их проявление в 1914–1921 годах (на материалах Саратовского Поволжья): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 1997; *Посадский А.В., Булгаков А.О., Виноградский В.Г.* Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов. 2-е изд. Саратов. 2018 и др.

внимание автора обращено к сформировавшемуся образу зеленых в глазах белого и красного движения.

Результаты исследования и выводы автора ценны для изучения массовых настроений городского населения, так как в период 1914-1918 гг. активизировавшиеся миграционные процессы размыли границы сельского и городского населения. Приток крестьян в городское пространство сделал их одними из главных действующих лиц в революционных событиях российского провинциального города.

Посадский указывает на важную особенность крестьянства в революционных событиях – массовость, которая являла значительную величину. Их потенциальная, а порою, и реальная самостоятельность вызывала беспокойство основных акторов гражданской войны, что заставляло их добиваться ликвидации и вливание крестьянства в свои вооруженные структуры. Посадский отмечает важность наблюдения и отслеживания крестьянских настроений органами ВЧК, политотделами РВС и фронтов РККА еще с 1918 г., однако подчеркивает неоднозначность рубрики настроений в документах делопроизводства того периода, поэтому настаивает на дополнительных разъяснениях для каждого конкретного случая определения обозначенного настроения, ее сиюминутных и долгодействующих мотивов.

Отражение Первой мировой войны в политических процессах, проблемы установления советской власти в Саратовской губернии и отношение к большевикам местного населения представлены в исследованиях Ю.В. Варфоломеева²⁵. В частности, рассматривает так

---

²⁵ *Варфоломеев Ю.В.* Саратовская «молодая адвокатура» на политических процессах в годы войн начала XX века // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Материалы научных конференций «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в Николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2005 г.). – Саратов, 2006. *Он же.* Первая мировая война в отражении политических процессов (По материалам деятельности «молодой адвокатуры») // Доклады Академии военных наук. 2006 № 5(23). С. 227-232.; *Он же.* «Обещан мир, а теперь “рабоче-крестьянское” правительство грозит уже войной всему миру...»: На пороге Гражданской войны - январь

называемый процесс «триумфального шествия» социалистической революции и установления большевистской власти в России, в том числе в Саратовской губернии. Ю.В. Варфоломеев исследует политические и морально-психологические процессы, особенности «узурпации» власти большевиками в Саратове и городах губернии после событий октября 1917 г.²⁶

Ряд монографий и публикаций, посвящен событиям 1914-1922 гг. в уездных городах Саратовского Поволжья. Например, монография А.О. Булгакова²⁷ содержит подробный фактический материал, посвященный событиям революции и Гражданской войны на территории Балашовского уезда. Кроме событийной истории, автор описывает социальные и политические процессы, происходившие в Балашове и социально-экономическое положение уезда на протяжении периода Великой российской революции.

У современных авторов не менее популярной остается проблематика Гражданской войны в России и, в частности, в Поволжье, среди таких работ следует выделить исследование саратовских ученых А.В. Гончарова и В.Н. Данилова²⁸. Военный аспект Гражданской войны на территории Поволжья подробно раскрывается в работах саратовского историка А.А. Симонова²⁹.

1918 г. в Поволжье (по материалам служебной переписки Старшего председателя Саратовской Судебной Палаты) // Гражданская война на Востоке России: материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25-26 ноября 2008 г.) / Пермский государственный архив новейшей истории. – Пермь, 2008. С. 35-38 и др.

²⁶ *Варфоломеев Ю.В.* «Эти башибузуки среди местного населения пользуются достойной ненавистью», или обратная сторона «Триумфального шествия советской власти в Саратовском Поволжье // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 531–536.

²⁷ *Булгаков А.О.* Балашов в кольце фронтов. 1917–1921. М., 2019.

²⁸ *Гончаров А.В., Данилов В.Н.* Саратовское Поволжье в период Гражданской войны (1918 – 1921 гг.). Саратов, 2000.

²⁹ *Симонов А.А.* Баулинцы: районный Липовский отряд Красной гвардии // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и мат-лов / под ред. А.В. Посадского. М., 2015. С. 273-294; *Он же.* Борьба с «бандитизмом» в Саратовском Поволжье (1920-1922) // Саратовский

Вышеперечисленных авторов опередил в изучении социального измерения революции в России, в том числе и в Саратове, Дж. Рейли³⁰, работы которого до сих пор не потеряли актуальности. Д. Рейли можно считать одним из ученых, которые подтолкнули отечественных авторов обратиться к изучению «человека толпы» в провинциальном городе в период революционного лихолетья. Американский ученый, советолог предпринял попытку воссоздания динамики революции на локальном, саратовском уровне. Через социальное измерение Д. Дж. Рейли рассматривает поведение и взгляды рядового человека. Он изучает предреволюционную обстановку в Саратовской губернии, характеризует деятельность политических сил во второй половине 1910-х гг., а также перечисляет факторы, повлиявшие на формирование взрывоопасных настроений саратовцев и жителей губернии накануне революции. Дональд Рейли показывает, как программа В.И. Ленина и петроградские события влияли на настроения и мировоззрения жителей Саратовского Поволжья.

Таким образом, тема эволюции массовых настроений населения и их влияния на политические, и социальные процессы в период Первой мировой войны и революции в последние десятилетия привлекает внимания исследователей, в том числе, изучающих региональный аспект проблемы. Однако в исследовательских работах еще не предпринималась попытка представить периодизацию эволюции массовых настроений горожан в период Великой российской революции, а также рассмотреть процессы трансформации мировоззрения и настроений городского населения Саратовской губернии в указанный период.

Целью исследования является выявление эволюции массовых настроений в городах Саратовской губернии в переломный период Великой российской революции.

краеведческий сборник. Вып. 2. Саратов, 2005; *Он же*. Красная Армия Саратовского Совета (весна 1918 г.) // Новый исторический вестник. 2009. № 3(21). С. 57-65;

³⁰Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.

Цель достигается с помощью решения конкретных **задач**:

1. Рассмотреть факторы, влиявшие на настроения населения городов Саратовской губернии накануне и в годы Великой российской революции;
2. Оценить взаимосвязь Первой мировой войны и процесса изменения массовых настроений городского населения Саратовского Поволжья в период революционных событий;
3. Охарактеризовать противостояние политических сил в Саратове в период двоевластия 1917 г., как фактор, повлиявший на трансформацию мировоззрения населения городов Саратовской губернии в период Великой Российской революции;
4. Рассмотреть главные инструменты, используемые большевиками в борьбе за влияние на массовые настроения горожан в период Великой российской революции;
5. Выявить главные детерминанты, повлиявшие на трансформацию взглядов и настроений населения городов Саратовской губернии к периоду установления большевистской диктатуры и эскалации Гражданской войны;
6. Показать основные этапы эволюции массовых настроений городского населения Саратовской губернии в течение 1917-1922 гг.

Методология исследования. Изучение массовых настроений предполагает определение форм их выражения, что имеет особенное значение в исторической науке, так как позволяет уточнить источниковую базу работы. Так, настроения могут иметь ментальные формы, выражаться в символических продуктах творческой деятельности (устные, письменные, визуальные тексты), а также непосредственно проявляться в социальных действиях, поступках (жестах) людей. Поэтому помимо исследования непосредственно ментальных элементов массового сознания (идеи, образы, символы) внимание уделено и действенным формам выражения настроений как акции протеста, манифестации (верноподданнические или

оппозиционные), погромы и пр. Источниками восприятия служат – слухи, образы, эмоции. Слухи, своего рода – типичный источник информации в условиях информационно-политического кризиса, который способствует формированию искаженных образов, альтернативных официальной пропаганде картин внутренней ситуации в империи, что приводит к ярко выраженному общественному недовольству, эмоциональным всплескам, аффективным действиям, особенно ярко проявившимся в российской революции 1917 г.

Элементы рефлексии массового сознания в большой степени зависят от объема и достоверности информации о тех или иных событиях. В этой связи очевидным представляется недостаток информации у населения российских городов в 1917-1918 гг. ввиду закрытия немалого количества изданий периодической печати, в том числе, провинциальной, и нехватки, а также дороговизны газет, продолжающих печать. Так, осенью 1917 г. в Саратове местная печать находилась под большевистским запретом, при этом московские газеты, такие как: «Русское слово», «Русские ведомости», «Утро России», «Раннее утро», продавались «по рублю – два, а то и три за номер»³¹. Из-за недостатка информации, черпаемой из официальных источников, порождались сплетни и слухи. Например, блуждающие слухи по Саратову в конце октября 1917 г. содержали информацию о том, что «уже повесили Ленина и Троцкого, а большевиков успели задержать на московских вокзалах»³².

Источниковедческий потенциал документов позволяет изучить слухи, эмоции и настроения населения, однако, необходимо обозначить методологические особенности работы с данной источниковой базой.

Ввиду различных обстоятельств, связанных с особенностями цензурной политики в тот или иной период времени (цензуры в Российской империи, бесцензурный 1917 г. и период новой цензурной политики с

---

³¹Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. В 2-х томах. Т. 1. Саратов, 2016. С. 67-68.

³²Там же. С. 57.

1918 г.) изменяется использование и трактовка исторических источников. До 1917 г. массовые настроения отражаются в документах судебной-цензурной системы (судебные дела, доносы, перлюстрация), в революционный 1917 г. - освобожденная периодика стала более информативной по отношению к массовым настроениям, позже, с 1918 г., после введения новых цензурных ограничений стали появляться донесения, журналы ВЧК и других карательно-надзорных инстанций.

Особенности источниковой базы обусловили методологические и концептуальные характеристики диссертации. Её основой стал принцип историзма, предполагающий рассмотрение эволюции массовых настроений горожан Саратовской губернии в период революционных событий 1917-1920 гг.

Вместе с тем проблематика диссертации, её цели и задачи сделали необходимым обращение к принципам «истории повседневности», черпающей идеи у таких родственных направлений как социальная история, историческая (культурная) антропология, гендерный, микроисторический, социокультурный, политико-правовой подходы.

Особенностью данного исследования является сочетание исследовательской «оптики» «снизу» и «сверху», со стороны «маленького человека» и со стороны власти. Поэтому, помимо методов «микро-истории», в работе используется дискурс-анализ. Последовательно применяются при анализе источников семиотический подход и методики реконструкции языковой картины мира и языковой личности.

К изучению и использованию некоторых источников применялся количественный анализ для характеристики динамики настроений.

Источниковая база исследования состоит из широко круга письменных и визуальных документов. Некоторые из них являются массовым источником, то есть позволяют изучать настроения большей части населения: это многочисленные материалы перлюстрации, протоколы дознаний обвиняемых в оскорблении представителей правящей династии,

плакаты, журнальные иллюстрации, в том числе карикатуры. Изучение визуальных образов предполагает обращение к изобразительным источникам.

Источниковая основа работы представлена обширным кругом материалов. В научный оборот впервые введены материалы нескольких фондов 5 архивохранилищ страны: одного центрального – Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), двух региональных – Государственного архива Саратовской области (далее – ГАСО), Государственного архива новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО), а также архивный материал из фондов музеев Саратова – ГУК «Саратовский областной музей краеведения», и МУК «Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского». Наряду с этим в работе исследуются источники личного происхождения – воспоминания участников и очевидцев событий, дневники и письма современников тех событий, статистические и справочные сборники.

В диссертационной работе, обобщая, можно выделить несколько групп источников: 1) законодательные и нормативные акты центральных и местных органов власти, 2) делопроизводственную документацию, 3) статистические и справочные материалы, 4) источники личного происхождения (воспоминания, дневники, заметки, письма, именные и анонимные записки – жалобы и доносы), 5) материалы периодической печати.

Делопроизводственная документация: нормативные и законодательные акты центральных и местных органов власти содержатся в Государственном архиве Российской Федерации³³, а также в двух региональных архивах. В ГАСО наибольший интерес по теме исследования представляют фонды Саратовского губернского жандармского управления, Канцелярии губернатора, сыскных и полицейских управлений, Саратовского окружного

---

³³ ГАРФ. Ф. 102. Департамент Полиции МВД; Ф. 6281. Коллекция документов периода Первой мировой войны и Временного правительства; Ф. Р 6978. Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов 1-го созыва и др.

суда, Саратовской судебной палаты и Саратовского охранного отделения. В материалах этих фондов содержатся документы, иллюстрирующие массовые настроения городского населения губернии и их эволюцию в годы Великой российской революции³⁴. Постановления, отчеты и переписки местных органов власти после 1917 г. содержатся в ГАНИСО – в фондах Саратовского губернского комитета ВКП (б), уездных комитетов РКП (б) в Саратовской губернии, районных комитетов партии г. Саратова³⁵.

Делопроизводственные материалы включают обширный комплекс различной документации. Его важная составляющая – отчетная документация представителей власти, в том числе донесения и рапорты чиновников жандармерии – начальников губернских жандармских управлений на имя губернаторов и главноначальствующих, в Департамент полиции Министерства внутренних дел (Далее – ДП МВД), их помощников, жандармских унтер-офицеров, вахмистров (на имя начальников ГЖУ). Данные материалы содержатся в фондах региональных архивов (фонды губернских жандармских управлений, фонды канцелярий губернаторов, фонды помощников начальников ГЖУ). В их числе – рапорты и обзоры с подробной характеристикой настроения общества не только в общественно-политическом, но и в социально-экономическом контексте.

---

³⁴ГАСО.Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора. Оп. 1. Т. 3.; Ф. 2. Саратовское губернское правление. Оп. 1. Т. 9.; Ф. 3. Саратовская городская дума. Оп. 3.; Ф. 53. Саратовское губернское жандармское управление. Оп. 16.; Ф. 54. Помощник начальника саратовского губернского жандармского управления в Саратовском и Аткарском уездах. Оп. 3; Ф. 57. Саратовское охранное отделение. Оп. 4.; Ф. 59. Саратовское городское полицейское управление. Оп. 4. и др.

³⁵ГАНИСО. Ф. 27. Саратовский губком ВКП(б), Саратовской губернии. Оп. 1.; Ф. 200 Аткарский уком ВКП(б) Саратовской губернии. Оп. 1.; Ф. 212 Покровский уком РКП(б) Покровского уезда Саратовской губернии. Оп. 1.; Ф. 1388 Городской райком РКП(б) г. Саратова. Оп. 1.; Ф. 138 Волжский райком КП РСФСР г. Саратова. Оп. 1,2.; Ф. 1327 Кировский райком КП РСФСР г. Саратова Оп. 1-3.; Ф. 81 Октябрьский райком КП РСФСР г. Саратова. Оп. 1-2; Ф. 136 Фрунзенский райком КП РСФСР г. Саратова. Оп.1-2; Ф. 199. Саратовская областная комиссия по собиранию и изучению материалов истории партии большевиков Истпарт. Оп. 2-3.

Отдельное внимание заслуживает двухтомный труд А.В. Кумакова и А.А. Симонова³⁶, пользующийся большой популярностью у историков, изучающих революционные процессы в Саратовском Поволжье 1917-1919 гг. Данный сборник вобрал в себя документы о событиях, которые происходили в Саратовской губернии с октября 1917 до конца 1918 гг. Архивные материалы, статьи из периодических изданий, отрывки из воспоминаний и дневников, собранные авторами отражают взгляды, настроения и эмоции представителей различных социальных групп населения и участников политических движений. Важной характеристикой этого издания является акцентирование авторами фактов, мало освещенных или еще не встречающихся в историографии. Приведенные в книге документы отражают видение обывателей на происходящие вокруг политические и социально-экономические процессы. Авторы не делают выводов в своей работе, предоставляя эту возможность исследователям и читателям, но богатый архивный материал придает особую ценность этому сборнику.

Источники личного происхождения: воспоминания участников и очевидцев событий, дневники современников позволяют сопоставить личностное, персонифицированное восприятие действительности. Данный комплекс материалов представлен, в основном, ранее опубликованными материалам³⁷. Среди них, как и прежде, внимание привлекают воспоминания

---

³⁶Кумаков А. В., Симонов А. А. Пролетарская революция, какой мы её не знаем : в 2 кн. Саратов, 2016.

³⁷Февраль: Сборник воспоминаний о 1917 г. Гос. издательство. Саратов. 1922 г.; СМК 26571/2. Воспоминания Филиппова А.П., участника гражданской войны. 1967 г.; СМК 6571/4. Воспоминания Филиппова А.П., участника гражданской войны. 1967 г.; СМК 22605/13. Рукопись статьи в газету «Коммунист» с воспоминаниями Бабкиной О. Н. о налете банды Попова на Хвалынский. 1957 г. СМК 22605/9. Рукопись Целовальникова М.А. «Мои воспоминания» об участии в установлении Советской власти в селе Красный Кут. 1957 г.; СМК 22605/21. Воспоминания Гранкина Василия Герасимовича «Первое боевое крещение» о вступлении в отряд В.И. Чапаева весной 1918, 1957 г.; Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. Гос. издательство. М., Л., 1925 г.; 1917 год в Саратове // За власть Советов: Воспоминания участников революционных событий 1917 г. Саратов, 1957.; Октябрьская революция в Саратове // Победа Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. воспоминаний. М., 1958 и др.

В.П. Антонова-Саратовского³⁸, одного из ключевых участников революционных событий в Саратове. Антонов подробно освещает февральские и октябрьские события 1917 г. в Саратове, характеризует настроения и деятельность большевистской партии в период двоевластия. С точки зрения лидера саратовских большевиков, Антонов-Саратовский описывает события установления советской власти в губернии и борьбу с другими политическими силами за поддержку крестьянства в регионе.

Воспоминания саратовского меньшевика И. Гольца³⁹ содержат яркий и эмоционально насыщенный материал о революционных событиях в Саратове, о противостоянии политических сил в городе. Гольц дает личную оценку своим политическим оппонентам и приводит примеры инструментов воздействия партий на населения.

На первый взгляд субъективным, но, учитывая возможности сопоставления с данными других источников, вполне репрезентативным источником являются анонимные и именные жалобы и доносы горожан, направленные представителям местной и центральной власти, хранящиеся в региональных архивах в фондах полицейского управления, губернского жандармского управления, канцелярии губернатора. В них выражена критика существующей спекуляции, дороговизны цен и недостатка продовольствия, содержатся угрозы применения насилия в адрес торговцев и собственно структур власти, обвинения в адрес некоторых жителей города в «германофильстве».

Также при рассмотрении массовых настроений в городах Саратовской губернии одним из ключевых источников стала периодическая печать, преимущественно региональная. В работе использовались материалы периодики, подцензурные – издававшиеся до революционных событий 1917 г.: частные газеты – ежедневная общественно-политическая газета «Саратовский листок» с буржуазно-либеральным направлением, частная

---

³⁸ *Антонов-Саратовский В.П.* Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. М., Л., 1925.

³⁹ *Гольц И.* По дорогам и ухабам жизни (Последний меньшевик). Иерусалим, 2003.

литературно-политическая газета «Саратовский дневник», газеты «Саратовский вестник», «Саратовские губернские ведомости», «Известия Саратовской городской думы», «Саратовские губернские ведомости», «Саратовские епархиальные ведомости», «Аткарский уезд», а также издания переходного периода и подцензурная периодика, выпускаемая после установления власти большевиков: ежедневная беспартийная газета «Голос народа», «Известия», «Социал-демократ».

Разнообразный ряд документов, отражающих события революции в Саратове, находится в фондах ГУК «Саратовский областной музей краеведения» (Далее. – СОМК). Листовки, плакаты и воззвания Саратовского Совета солдатских и рабочих депутатов, профсоюзные листовки, телеграммы в Саратов из Петрограда, листовки с призывом к выходу на митинги и борьбе с белогвардейцами.⁴⁰

Уникальными документами, прежде неопубликованными располагают фонды МУК «Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского» (Далее. – МНГЧ). Собранные упоминания о Н.Г. Чернышевском в прессе, в том числе в период революции и Гражданской войны, содержат упоминания о городских событиях революционной эпохи и позволяют увидеть восприятие

---

⁴⁰СМК 52240 Листовка послание патриарха Тихона 25 октября 1918 г. По поводу годовщины владычества большевиков; СМК 548/3. Плакат. По-прежнему звучит наш революционный набат: Рабочие, крестьяне, трудящиеся к новым битвам и новым победам. 1919 г.; СМК 47293. Листовка «Саратовский Совет солдатских и рабочих депутатов. Приказ» об устранении от власти Временного правительства. 1917 г.; СМК 53027. Листовка «Воззвание французских рабочих к русскому народу о введении международного языка». 1920 г.; СМК 16926/2. Листовка о назначении общего собрания всех членов профессионального союза служащих конторского труда. 1917-1918 гг.; СМК 20963/110. Листовка телеграммы «Саратовского вестника» с речью Керенского в Совете рабочих и солдатских депутатов. 1917 г., 28 марта. СМК 20963/107 Листовка «Товарищи, рабочие и солдаты! И вы, - все угнетенные и поработанные!», с призывом выйти 1-го мая на митинги. 1917 г.; СМК 20963/109. Листовка с 2-мя экстренными телеграммами «Саратовского листка» от 2-го марта. 1917 г. СМК 20963/111. Листовка. 2-е экстренные телеграммы «Саратовского вестника» с декларацией Временного правительства. 1917 г.; СМК 38127. Листовка Саратовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Товарищи солдаты, рабочие и крестьяне!» с призывом подняться на борьбу с мятежным астраханским казачеством. 1917 г. и др.

политическими силами образа оригинального мыслителя и использование его в конструировании идеологической системы новой властью⁴¹.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые в отечественной историографии подготовлено обобщающее исследование проблемы эволюции массовых настроений населения и их влияния на политические и социальные процессы в период Великой российской революции на региональном уровне – по материалам Саратовской губернии. В исследовании представлена периодизация эволюции массовых настроений горожан Саратовского Поволжья в период революции, а также рассмотрены процессы трансформации мировоззрения и настроений городского населения Саратовской губернии в указанный период. Глубокое и всестороннее изучение вновь обнаруженных данных, сопоставление их с ранее приводимыми сведениями, позволило сформулировать оригинальный подход по ряду вопросов, связанных с изучением важнейших факторов изменения массовых настроений в городах Саратовской губернии в 1914 – 1922 гг., а также трансформации восприятия событий войны и революции городским населением Саратовского Поволжья.

Положения, выносимые на защиту:

1. Первая мировая война и сопутствующие ей процессы миграций, мобилизации, приток беженцев в Саратовскую губернию, погромы и насилие, устраиваемые солдатами и дезертирами, дороговизна и чрезвычайные меры являлись раздражителями для городского населения. Одним из главных последствий военного периода стало разрушение привычных жизненных ценностей, война стерла привычные нормы и модели

---

⁴¹ МНГЧ.Ф. 3842.1205. Газета «День», 1916 г.; МНГЧ.Ф. 3842.1206 № 1013. Общественный фельетон. 1916.; МНГЧ.Ф. 3842.1216. газета «Голос Руси» 1916.; МНГЧ. Ф. 3842.976. Дело народа. Петроград 1917 г. 19 мая № 53.; МНГЧ. Ф. 3842.976. № 2595. Памятник Н.Г. Чернышевскому; МНГЧ.Ф. 3842, 1037. № 1104 «Земля и воля» 1917 19 мая. Не забывайте! (Памяти Н.Г. Чернышевского); МНГЧ. Ф. 3847.1040 № 1139 Саратовские Вести 1917; МНГЧ. Ф. 3842.990 № 1134; Верхнеднепровская газета 1917 г. № 22.; МНГЧ. Ф. 3842.969. Волжский день (Самара) 1917 г.; МНГЧ.Ф. 3842. 971. «Волжское слово» (Самара) 1917 6-5; и др.

поведения, рамки дозволенного, что повлияло на активизацию насилия различных форм уже в послевоенное время.

2. Период с 1914 – февраль 1917 гг. – является первым и наиболее «военноцентричным» этапом эволюции массовых настроений городского населения Саратовской губернии в период Великой российской революции. Безусловно, вопрос о мире будет играть большую роль в борьбе политических сил на протяжении всего 1917 г., однако до февральских революционных событий именно военный вопрос и связанные с ним процессы внутри российского общества, формировали массовые настроения обывателей.

3. Период с 1914 – февраль 1917 гг. характеризуется сменой патриотического подъема лета 1914 г. недовольством мобилизацией, чрезвычайными мерами, введенных в губернии в связи с Первой мировой войной, дороговизной и обострения продовольственного вопроса. В этот период в Саратовской губернии активизируется забастовочная деятельность рабочих, усиливается критика правительства со стороны солдатской массы, происходит рост оппозиционных настроений среди студентов-киевлян и саратовцев, среди которых активизируется работа эсеров и социал-демократов. Влияние политических партий на горожан Саратовской губернии в этот период было незначительным;

4. Массовые настроения горожан Саратовской губернии в кризисный период следует рассматривать не только как объект воздействия политико-идеологических конструкций, но и как фактор, оказывающий влияние на сами политические партии. Именно большевистская партия смогла выявить основные желания и мотивы масс, на которых и выстраивала партийную агитацию и к 1918 г. станет главной политической силой на территории Саратовской губернии.

5. Хаос революции, грабеж и насилие нагоняли страх на обывателей, и постепенно приводили к октябрю 1917 г. к формированию надежд и психологической потребности на установление порядка, ожидание

стабильности и спокойствия. В критической ситуации именно большевистское властное начало вселяло надежду на наведение порядка. Большевизм к концу 1917 г. представлялся в сознании масс возможной панацеей от смуты, происходящей в стране;

6. Большевистская партия оказалась единственной партией, которая смогла в переломный период с февраля по октябрь 1917 г. оперативно реагировать на изменения настроения масс и использовать массовое сознание для достижения своих партийных целей. При этом центральная линия в детальности партии оказывала влияние на работу местных партийных органов;

7. Романтические революционные настроения, активизировавшиеся после февральских событий 1917 г. у части населения, к октябрю 1917 г. сменились апатией и стремлением к порядку, довлевшим над всем остальным. В период с октября 1917 – конца 1918 гг. массовые настроения городского населения Саратовской губернии характеризуются усилением равнодушия городских низов к политическим событиям, усталостью от хаоса, что приводит к стремлению к порядку, довлевшим над всем остальным.

8. Образ сильной власти, способной покончить с революционным хаосом и ростом преступностью начинает ассоциироваться с большевистской партией, провозгласившую советскую власть в Саратове. Большевики на данном этапе смогли установить собственную монополию на насилие, путем создания отрядов Красной Гвардии, революционной охраны и ЧК. Последовавшие события Гражданской войны в России изменили факторы формирования массовых настроений, главным критерием в складывании мировоззрения населения становится вооруженное противостояние различных политических сил. Обстановка, в которой происходила маргинализация общества, насилие, красный и белый террор изменила представления о революции среди народных масс.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и определёнными в соответствии с ней задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования получили отражение в материалах региональных, всероссийских и международных конференций: XI Международная научно-практическая конференция студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей «Права человека в современном мире: концепции, реальность, будущее» (Саратов, Юридический факультет Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, 6 декабря 2019 г.); XI Международный Конституционный Форум «Система конституционного права современной России: ценности, принципы, институты и нормы» (Саратов, Юридический факультет СГУ, 10-12 декабря 2019 г.); III Всероссийская научная конференция «Историческая наука и судьбы историков» (Саратов, ИИиМО СГУ, 22 ноября 2019 г.); XIII Международная научная конференция к 75-летию Великой Победы «Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики обучения истории» (13 февраля 2020 г. ИИМО СГУ); XLII Международные научные чтения «Н.Г. Чернышевский и его эпоха» (к 100-летию Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского) (23-24 октября 2020 г.); LXIII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Новый век: человек, общество, история глазами молодых» посвященных 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (22-31 октября 2020 г.); Круглый стол «Немцы в России и традиции благотворительности» 23 апреля 2021 г. г. Санкт-Петербург; Всероссийская научная конференция «Троицкие чтения», посвященная 90-летию со дня рождения Николая Алексеевича Троицкого (17-18 декабря 2021 г.); XI городская конференция «Памятники истории, культуры и архитектуры города Саратова» Саратов, 14 апреля 2022 года. Тема доклада «Массовые

настроения саратовского городского населения в переломную эпоху (1914-1918 гг.)».

Результаты исследования отражены в 8 публикациях общим объемом 4,6 п.л. (74 с.), в том числе трех статьях в изданиях из перечня ВАК⁴² – объемом 1,8 п.л. (29 с.). Статьи были опубликованы в следующих изданиях: Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения; Система конституционного права современной России: ценности, принципы, институты и нормы: материалы XI Международного Конституционного Форума, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского: сб. науч. ст. (10-12 декабря 2019 г., Саратов); Научно-практический журнал Базис; Тейтелевские дни в Саратове: сб. науч. мат. Всероссийской междисциплинарной гуманитарной научной конференции. (Саратов, 2020). Вестник Сургутского государственного педагогического университета; Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики обучения истории.

---

⁴²*Аленичева Н.В.* Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 544–558. *Она же.* Эволюция поведенческих детерминант солдатских масс летом-осенью 1917 года в контексте психо-социальной динамики революционной эпохи (по материалам Саратовской губернии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета № 3 (66). Сургут, 2020 С. 133-140; *Она же.* Концепция «брутализации» общества и ее возможности для анализа Великой российской революции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022 Т. 22, вып. 2. С. 158–163. URL: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-158-163>; *Она же.* От революционной романтики до деморализации: настроения саратовского студенчества в переломную эпоху (1914-1917 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 3 (78). 2022. С. 128-135.

Глава 1. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ВАЖЕЙШИЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ МАССОВЫХ НАСТРОЕНИЙ В ГОРОДАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914-1918 ГГ.

1.1. Терминологические и хронологические особенности исследования массовых настроений населения в переломную эпоху

Главное внимание в работе уделяется рассмотрению эволюции массовых настроений городского населения в эпоху Великой российской революции. Следует заметить, что в различных работах, и российских и зарубежных авторов можно проследить размытое и синонимичное понимание понятий «массовые настроения», «массовое сознание» «мировоззрение», «менталитет». Во многом это объясняется междисциплинарностью темы, смежной проблематикой с психологией, социологией и рядом других наук.

В целях терминологического уточнения данного исследования необходимо охарактеризовать понятийный аппарат, используемый в диссертации.

Д.В. Ольшанский обозначил массовые настроения как «особые психические состояния, охватывающие значительные общности людей» а также как «особые переживания переходного типа, вырастающие из повседневных эмоций, но рационализированные условиями социальной жизни – ее разнообразными политическими, социальными, экономическими, духовными устоями»⁴³. Массовые настроения, как указывает Ольшанский, являются общим, коллективным отношением массы населения к каким-либо жизненным аспектам.

Массовые настроения, автор рассматривал как инструмент социально-психологической интеграции, иницирующее и регулирующее политическое поведение. Массовые настроения им рассматриваются как часть массового

---

⁴³Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб, 2002. С. 140.

сознания, в основе которого находится эмоционально-яркое переживание какой-либо общественной проблемы: войны, революции, масштабного экономического кризиса. Высшая степень переживания может являться системообразующим фактором массового сознания. Переживания вызывают потребность в немедленных действиях, на основе чего постепенно настроения выходят на более рациональный уровень⁴⁴.

При рассмотрении вопросов восприятия городскими жителями Саратовской губернии событий Первой мировой войны и Великой российской революции в данной работе под массовыми настроениями также понимаются общее коллективное отношение к каким-либо аспектам жизнедеятельности, влияющее на политическое поведение масс и самих политических акторов.

Д.В. Ольшанский обозначает особое значение изучению массовых настроений, так как те являются переходными состояниями от непосредственных эмоций к осознанным мнениям, предшествующим массовым действиям⁴⁵.

Примером такой трансформации могут служить случаи массового разгрома солдатками товарных лавок мелких торговцев в уездах Саратовской губернии в годы Первой мировой войны. Происходили они зачастую от недовольства женщинами условий продажи тех или иных продуктов и дороговизны. Эмоции от завышенных цен или невозможности приобрести какие-либо товары вызывали устоявшиеся мнения о спекуляции торговцев и искусственной дороговизны, такие устоявшиеся мнения довольно часто приводили к погромам особенно в уездных городах Саратовской губернии⁴⁶.

Однако «осознанное мнение» не обязательно приводит к действию, но это, в свою очередь, так же доказывает важность изучения данного феномена социальной психологии в историческом контексте.

---

⁴⁴ *Ольшанский Д. В.* Указ. соч. С. 20-21.

⁴⁵ Там же. С. 25.

⁴⁶ ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2739, Д. 2738; Д. 2725 и др.

Авторы, изучающие феномен массовых настроений обращают особое внимание на их свойство предвидения или материализации. Такое умозаключение опирается на то, что слухи увеличиваются и особенно распространяются тогда, когда нет никакой другой официальной информации от властных структур. Случается, что они несут в себе реальные основания, а иногда остаются просто слухами.

Ярким подтверждением этого явления можно считать слухи о скором погроме в Саратове осенью 1917 г. В газете «Саратовский листок» был отпечатан разговор на рынке: «Походите по Митрофаньевской площади, поговорите с фруктовыми торговцами:

- Почему у вас так мало товара? Нет ни арбузов, ни других сезонных фруктов?

- А знаете, господин, опасаемся, верный человек говорил: будут громить!

- Да что вы, разве в Саратове кто-либо допустит погром? Ведь город большой, в нем войска много, и наш гарнизон, слава богу, ведет себя чинно и в порядке!

- А что было в Астрахани, в других городах? Сегодня все чинно, а за завтрашний день поручиться нельзя, все, что у нас есть, в одну минуту может пропасть. Боязно!

Все мои попытки рассеять тревогу указанием на то, что Саратов среди всех революционных бурь оставался спокойным и что эксцессы до сих пор пресекались в зачатке – бездействуют. Тревога растет. Все это, конечно, ерунда, плод расстроенного воображения испуганных обывателей»⁴⁷.

Таким образом, искажающие информацию слухи трансформируют актуальные для населения новости в соответствии с ожиданиями большинства обывателей, и отражают представления о каком-либо предмете, существующем в сознании общества.

---

⁴⁷ Саратовский листок. 24 сентября. 1917 г. С. 3.

В прошлом веке благодаря развитию социальной психологии изучение слухов базируется на выработанной исследователями методологической основе. В 1902 г. немецкий ученый В. Штерн описал возможность искажать информацию, содержащуюся в слухах по принципу «испорченного телефона»⁴⁸. С течением времени исследователи обратили внимание на свойство слухов отражать психологическое состояние социума. Г. Олпорт и Л. Постман показали, что «жизнедеятельность» слуха предполагает три основных действия: «уравнение», то есть исключение лишних незначительных деталей, далее – «обострение» – выделение наиболее значимых моментов и «ассимиляция», как искажение и трансформация информации в результате подсознательной интерпретации⁴⁹.

Такие три основных действия «уравнение-обострение-ассимиляция» можно наглядно увидеть в большей части популярных в Саратовской губернии слухов в предреволюционный период и период российской революции. Так три этих критерия обнаруживается и в слухах о спекуляциях и предательствах поволжского немца Ф.П. Шмидта – «хлебного короля», в годы Первой мировой войны – главы саратовского военно-промышленного комитета.

Все началось с того, что в апреле 1915 г. особенное внимание всех вызвало значительное поднятие цен на жизненные продукты и, в особенности, на хлеб – сначала в Саратове, а потом и в Царицыне. Так как Саратовская губерния считалась одной из плодороднейших губерний России и избыток в десятки миллионов пудов разного хлеба отправляется отсюда в торговые центры, такие как Рыбинск и Петроград, и так как положение местного рынка в смысле избытка хлеба не давало никаких оснований к такому поднятию цен на муку, у населения вполне определенно создалось убеждение, что цены эти вздуты и не по недостатку хлеба, а исключительно

---

⁴⁸ Stern W. Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchung gegenüber Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Vol. XXII. Cahier 2/3, 1902.

⁴⁹ Allport G., Postman L. Psychology of Rumor. Russell and Russell. 1951. P. 75.

благодаря аппетитам весьма крупных мукомолов, немцев-колонистов – Шмидт, Рейнеке, Борель, известные, в особенности первый, не только в Саратовской губернии, но и даже в Петрограде, куда его мука отправляется в больших количествах⁵⁰.

При распространении этого слуха в расчет не брались благотворительные акции Шмидтов, направленные на содержание российской армии и помощи горожанам, что является показателем «уравнения» слуха. «Обострение» выразилось в недовольстве дороговизны хлеба, основным поставщиком которого были Шмидты, а процесс «ассимиляции» явно заметен в подчеркивании немецкого происхождения Федора Шмидта.

Вернемся к характеристике слухов, как показателя массовых настроений в обществе. Еще в 1944 г. Р. Кнапп охарактеризовал слухи как выражение эмоциональных потребностей общества⁵¹. Д. В. Ольшанский также отмечал, что при недостаточной достоверности в слухах содержится эмоциональный компонент⁵². Характеризуя эмоциональную составляющую слухов, Ольшанский выделяет: слухи-желания, слухи-пугала, агрессивные слухи, нелепые слухи. Причем последние наиболее характерны для кризисных периодов, «перелома массового сознания, когда люди находятся в растерянности в связи с тотальной сменой систем ценностей»⁵³.

Слухи стали привлекать внимание историков еще с конца XIX в., так В.О. Ключевский описывая слухи, занимался реконструкцией массовых настроений XVII в. Пристальное внимание слухам уделяли исследователи школы «Анналов»: М. Блок, как современник и участник Первой мировой войны, оставил воспоминание о том, что слухи о наличии бойниц в домах крестьян-бельгийцев, распространяемые в среде немецких солдат, были вызваны незнанием архитектурных особенностей в данной местности. Это

---

⁵⁰ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 21. Л. 24-26.

⁵¹*Кнапп Р. А Psychology of Rumor. Public Opinion Quarterly. 8/1. 22–37. 1944.*

⁵²*Ольшанский Д. В. Указ. соч. С. 276.*

⁵³Там же. С. 276 - 279.

незнание формировало ненависть и страх к мирному населению⁵⁴. Историк отмечал, что военная повседневность архаизировала массовое сознание, в связи с чем, у солдат появлялась мысль о том, что правда кроется не всегда в «печатном» слове, которому противопоставлялась «устное». В 1932 г. Ж. Лефевр, изучавший факт массового распространения слухов перед революцией во Франции, отметил, что такие слухи породили страх, и «посеяли» революционную активность⁵⁵.

С конца последнего десятилетия XX в. российские исследователи уделяют особое внимание изучению массовых настроений и, как их составляющую – слухов. Впервые в современной российской историографии к этой проблематике обратился петербургский ученый Б.И. Колоницкий. В частности, он исследовал природу формирования и эволюции политических слухов в годы Первой мировой войны, которые отражали процесс десакрализации русской монархии. В монографии «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» В.П. Булдаков подробно исследовал взаимосвязь слухов и революционного насилия в 1917 г.⁵⁶

Одним из первых обратил внимание на роль слухов о недостатке хлеба в столице в феврале 1917 г. в эскалации революционных настроений в обществе В.В. Кабанов, который также систематизировал слухи в соответствии с выполняемыми ими функциями в обществе⁵⁷. Им была составлена классификация слухов, подразделяющая их на причины событий, «слухи-формулы», передававшие представления населения о каких-либо явлениях и «слухи-легенды», запечатленные в исторической памяти народа. Также В.В. Кабанов предложил делить слухи на такие категории: «оптимистические» и «пессимистические», «сбывшиеся» и «несбывшиеся».

---

⁵⁴Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986.

⁵⁵*Lefebvre G. La Grande peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires. Paris, 1988.*

⁵⁶Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Колоницкий Б. И. К изучению механизма десакрализации монархии (слухи «политическая порнография» в годы Первой мировой войны)// Историк и революция. СПб., 1999. С. 72–86.

⁵⁷Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997.

По утверждению В.Б. Аксенова, автора крупных научных работ, посвященных массовому сознанию в годы Первой мировой войны и Великой российской революции, эмоциональная основа слухов определяет их чуткость к внешним явлениям, поэтому слухи имеют природу прогнозирования. Но, в свою очередь, они же могли становиться и сигналом к действию, в условиях обостренного чувства страха в канун революции, предполагающие и самые трагичные сценарии развязки политических событий⁵⁸.

Об функции «предвидения» слухов уже говорилось выше, в данном случае показательным примером чуткости слухов к внешним явлениям является заметка в газете «Саратовский листок» 1 января 1917 г., в которой автор подводил неутешительный итог внутренней политики государства: «Государственная власть оказалась не объединенной, действующей в противоречии с народным представительством, заботящейся лишь о сохранении «престижа», бессильной против надвигавшейся в тылу опасности»⁵⁹.

Прогностические способности слухов объясняются и в работе австрийского социолога К. Поппера, использующего понятие «Эдипова эффекта» – «влияние предсказания на предсказанное событие (или, шире, влияние информации на ситуацию, к которой эта информация относится)»⁶⁰.

Изучая психологию россиян в годы Первой мировой войны и Великой российской революции, часть исследователей используют термин «массовое общественное сознание»⁶¹. О.С. Поршнева делает вывод о том, что в военных

---

⁵⁸ Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914-1918. Москва, 2020.

⁵⁹ Саратовский листок. 1 января 1917 г. С. 2.

⁶⁰ Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79.

⁶¹ Романов О. А. Первая мировая война, психология масс и ее роль в войне // Первая мировая война: история и психология: мат. Российской науч. конф. СПб., 1999; Дашковский П.К. К вопросу о психологических последствиях первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология; Оболенская С.В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы первой мировой войны // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999 и др.

условиях в российском обществе было сформировано особое противоречивое массовое сознание⁶².

При рассмотрении массовых настроений важным является обращение к положениям концепций «эмоциональных сообществ», выдвинутой Барбарой Розенвейн и «эмоциональной навигации», введенной в научный оборот Уильямом Редди. Б. Розенвейн на примере материалов Средневековья показала, что проявление эмоций в определенных кругах нельзя считать признаком эмоциональной незрелости, а, наоборот, такие эмоции могли быть расчетливо применяемые знаки символической коммуникации⁶³.

У. Редди, построил собственную иерархию категорий эмоций, которые проявляются на пути достижения человеком «эмоциональной свободы», характеризующая состоянием минимизации эмоционального страдания. «Эмоциональная навигация» по У. Редди – маневры субъекта между разными «эмоциональными режимами»⁶⁴.

Также следует заметить, что инструменты и способы выражения эмоций имеют дифференциацию в различной социальной и локальной среде: в деревне и городе, на фронте и в тылу и т.п.

Современники отмечали, что именно деревенские слухи были самыми фантастическими. Так, если накануне революции одним из самых актуальных слухов о войне в Саратове был слух о намерениях «темных сил» заключить сепаратный мир с Германией, то в уездных городах и селах говорили, что «воюют потому, что хотят опять сделать крестьян крепостными»⁶⁵. Можно заключить, что большей степенью эмоциональной

---

⁶²Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 181, 211; Ее же. Рабочие, крестьяне и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

⁶³Rosenwein B. H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006.

⁶⁴Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001.

⁶⁵Саратовский листок. 21 июля 1915 г. С. 4.

открытости и несдержанностью характеризуется деревенское население, по сравнению с городским.

Одним из используемых обобщающих терминов в работе является понятие «обыватель», под которым понимается население, без сословного различия, постоянно проживающее на определенной территории, в каком-либо населенном пункте городского типа. В современных исследованиях термины «обыватель», «маленький человек» используются историками и публицистами при изучении вопросов повседневности, раскрытию социально-психологических особенностей периода через рассмотрение быта граждан⁶⁶.

Изучение прошлого в работе основано на использовании исторических источников, раскрывающих мышление людей в эпоху Первой мировой войны и Великой российской революции.

Рассматривая массовые настроения населения в городах Российской империи нач. XX в., необходимо обозначить подход к социальной стратификации общества в данный период. Мнения современных исследователей разнятся при трактовке социальной иерархии в российском обществе конца XIX –до 1917 г.

Часть авторов являются сторонниками мнения о наложении классовой структуры на сословную и оформлению сословно-классового общества переходного типа – от традиционного к индустриальному, которое

---

⁶⁶ *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; *Яров С. В.* Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; *Журавлев С. В., Соколов А. К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287–232; *Журавлев С. В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского электротехнического завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999; *Зубкова Е. Ю.* Мир мнений советского человека. 1945–1948. По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99–108; *она же.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008; *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. М., 2008.

характеризовалось незавершенностью формирования классов и преобладание маргинальной прослойки среди населения⁶⁷.

Некоторые исследователи считают, что в российском обществе до 1917 г. преобладали элементы классового общества⁶⁸. Другие определяют в социальной структуре российского общества нач. XX в. «четырёхчленной сословной парадигмы», включающей: дворянство, духовенство, городское сословие и крестьянство⁶⁹.

В работе рассматривается социальная структура российского общества в 1910-е гг. на примере Саратовской губернии с точки зрения законодательных норм деления общества на страты, в связи с данными о занятости населения в определенных сферах деятельности. Такой подход при изучении массовых настроений позволяет охарактеризовать общество провинциальных городов, в том числе, уездных, определить присущие им ценностные нормы и социальные практики.

В рамках рассмотрения массовых настроений городского населения Саратовской губернии в период российской революции следует подробно остановиться на определении хронологических границ исследования. Исследование в данной работе ограничивается 1917-1918 гг., как отмечалось во введении, это связано со спецификой развития событий в Саратовской губернии в революционный период.

Однако, в данной диссертации уделяется внимание и предреволюционному военному периоду, в особенности, с момента преломления вектора патриотического подъема и начала роста антивоенных настроений 1916-1917 гг., который «подготовил почву» для последующих

---

⁶⁷Иванова Н. А. Проблемы формирования классов предпринимателей и рабочих в условиях сословного общества Российской империи // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: материалы IV Межд. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Кострома, 2007. С. 34, 44.

⁶⁸Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода имперской России. М., 2004. С. 9–10.

⁶⁹Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 81.

революционных событий в России. Последующий год войны рассматривается в контексте событий Великой российской революции, когда военный вопрос стал инструментом мобилизации населения. В исследовании целенаправленно не затрагивается период 1919-1922 гг., поскольку хронология процесса эволюции массовых настроений в революционный период заканчивается началом вооруженного противостояния большевиков и антибольшевистских сил. После 1918 г. массовые настроения изменяют вектор направленности и на первый план выходит вооруженное насилие, в условиях которого массовые настроения имеют совершенно иной характер. Так же в контексте событий в Саратовском Поволжье к 1919 г. были сформированы уже функционирующие советские органы власти, в том числе, применявшие силовые методы влияния на населения.

Хронология революции России на протяжении последних десятилетий в целом остается дискуссионным вопросом, особенно обострившимся в связи со 100-летним юбилеем Российской революции. Тезис о едином революционном процессе 1917-1922 гг. был поддержан рядом крупнейших историков: академик РАН А.О. Чубарьян в 2016 г. объединил «происходящее в феврале, октябре 1917-го и Гражданскую войну в один процесс – Великую российскую революцию». Несколько позже академик А.В. Торкунов солидаризовался с коллегой, отметив, что «февраль, октябрь, Гражданская война – разные этапы единого процесса».

По сей день в исторической науке ведется спор об употреблении понятия «Великая российская революция» между его сторонниками и противниками. Такие дискуссии рождаются на свет во многом ввиду разных оценок происходивших событий в период 1917-1920 гг., а также в неопределенности понимания самого термина «революция».

В советской историографии основополагающим являлся постулат о том, что в 1917 г. в России произошло две революции – Февральская буржуазно-демократическая и Великая октябрьская социалистическая. Основной акцент, как правило, делался на событиях Октября 1917 г., когда, с

точки зрения историков-марксистов, произошла первая в мире социалистическая революция, в ходе которой класс рабочих в союзе с беднейшим крестьянством под руководством партии большевиков завоевал политическую власть и создал государство пролетариата. Октябрьская социалистическая революция имела всемирно-историческое значение, так как она открыла эпоху перехода от капитализма к социализму (коммунизму) во всем мире.

Сторонники такого подхода есть и среди современных исследователей, так, писатель и публицист С. Кремлев в работе, приуроченной к 100-летию Великой российской революции⁷⁰, вступает в спор со сторонниками определения «Великой российской революции», утверждая, что такие «извращения» истории опасны для будущего. Кремлев четко разграничивает три революции: Первую революцию 1905-1907 гг., февральские события 1917 г. и октябрьский переворот 1917 г. Отмечая непрерывность событий между двумя последними событиями и участие одних и тех же общественных сил и слоев, автор разделяет их в виду сопутствующих абсолютно разных и антагонистических политических факторов⁷¹. Размышляя подобным образом, Кремлев связывает появление термина «Великая российская революция» с действиями либеральных «историков, примиряющих «белых» и «красных» в условиях современной политической конъюнктуры.

Проводя параллели с Великой французской революцией, по аналогии с которой появилось определение Великой российской революции, С. Кремлев обозначает февральскую революцию и французскую – политическими, то есть «война дворцов против дворцов», не меняющими господствующий тип собственности, а лишь «заменяющие полуфеодальное самодержавие «чистым» строем капитализма». Октябрьская революция – социальная, совершаемая для трудящихся, а не в интересах имущей элиты. Именно

---

⁷⁰ Кремлев С. Ленин в 1917 году. К 100-летию Великой революции. М., 2017

⁷¹ Там же. С. 11.

поэтому, по мнению автора, российский большевизм не получил поддержки у имущих собственников России и Запада. Исходя из этого, автор делает вывод, что ни о какой преемственности между Февральской и Октябрьской революциями не может быть и речи⁷².

Современный подход к пониманию революции определяет ее как достаточно длительный процесс, начало которого характеризуется открытым политическим выступлением против существующего строя и заканчивающийся победой оппозиции. К тому же практически в любой социальной революции можно выделить несколько этапов: ликвидации старого строя, борьбы сторонников различных политических движений, как возможный вариант, – этап гражданской войны.

Так, в начале 1990-х гг. зам. директора Института российской истории АН СССР В.П. Дмитренко описал свой взгляд на взаимосвязь событий 1917 г.: «Великая Российская революция, начатая Февралем, <...> была подхлестнута Октябрем и переведена в свою новую, более острую фазу развития <...> гражданская война становилась заключительной фазой революции, составляя ее закономерный этап, насыщенный фронтальным противостоянием главных ее участников...»⁷³.

Историк Л.И. Семенникова в 1990-е гг. в работе «Россия в мировом сообществе цивилизаций», называет события Октября 1917 г. одним из этапов революции⁷⁴. С.В. Тютюкин, один из крупнейших специалистов по истории России начала XX в., сравнивая революционные события в России с событиями Великой французской революции XVIII отмечал: «...уже наметилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую

---

⁷²Кремлев С. Ленин в 1917 году. К 100-летию Великой революции. М., 2017. С. 12-16.

⁷³Дмитренко В.П. Экономика России 1918 г. как поле противоборства социальных интересов // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Материалы первой сессии международной научной конференции 28-30 июня 1993 года. Ч. II. М., 1994. С.98-99.

⁷⁴Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Изд. 2-е. Брянск, 1996. С. 276, 293, 299.

революции, а также Гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции 1917-1922 гг.»⁷⁵.

Преемственность и взаимообусловленность революционных событий 1917 г. и Гражданской войны в России отмечали в своих трудах как экономисты⁷⁶, так и историки, изучающие социальные и экономические аспекты в историческом развитии России. Так, например, Б.Н. Миронов отмечает: «Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением <...> Возвращение к концепции единой революции вполне оправдано и в сравнительно-исторической перспективе»⁷⁷. При этом Миронов приводит сравнение с другими мировыми революциями, отмечая несколько этапов (а не революций) в революционных событиях в Нидерландах за период 1566-1579 гг., Английская революция XVII в. с 1642 по 1660 гг. делится историками на этапы или войны, но не на революции. Так же и Великая французская революция 1789-1799 гг. историки выделяют четыре этапа, а не отдельные четыре революции, связанные событиями взятия Бастилии, приход к власти якобинцев, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера⁷⁸.

Неотделимость друг от друга событий Февраля и Октября 1917 г. подчеркивал С.Г. Кара-Мурза. Он утверждал, что в анализе динамики процессов после Февраля 1917 г. необходимо учитывать тот факт, что силы, пришедшие к власти в результате революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. В результате новая власть получает кредит доверия и уже через короткий промежуток времени

---

⁷⁵ 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 5.

⁷⁶ Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005. С. 646.

⁷⁷ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в императорской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 566.

⁷⁸ Там же. С. 565.

контратака сходу оказывается невозможной, а значит, изменить тип развития будет стоить многих жертв. Исходя из этого, В.И. Ленин точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было отодвинуть буржуазное правительство почти без крови. Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока всё было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но когда уже угасли надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства – крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала великим достижением революционной мысли⁷⁹.

Часть исследователей расширяют хронологические рамки революции в России на несколько десятилетий, к примеру, О.Н. Кен писал об эпохе «великой российской революции», которая началась в 1917 г. и продлилась до конца 1980-х гг.⁸⁰; В.А. Космач события 1917-1922 гг. именуется Великой Российской буржуазно-демократической и расширяет ее хронологические рамки до 1930-х гг.⁸¹

Американский историк Ш.Р. Зайнетдинов продлевает события революции с Февраля 1917 г. до репрессий 1937–1938 гг., так как считает, что только к этому времени российское общество «перешло из одного качественного состояния в другое»⁸².

Очевидно, что каждый исследователь, придерживаясь определенных критериев в периодизации, в своих работах обозначает такие хронологические рамки, которые соотносятся с его основными концептуальными воззрениями.

---

⁷⁹ *Кара-Мурза С.Г.* Мышление, методология и знание большевиков. Сборник Революция 1917-го в России. Как серия заговоров / Сборник. М., 2016.

⁸⁰ *Кен О.Н.* После революции – что? // Дело. 2008. № 8 (501). С. 11.

⁸¹ *Космач В.А.* Великая Российская революция 1917-1922 гг. и ее последствия: опыт сравнительно- исторического анализа// Метаморфозы истории. ПГУ. 2014. № 5. С

⁸² *Зайнетдинов Ш.Р.* Революция, насилие, прогресс // Отечественная история. 1995. № 5. С. 130.

Резюмируя все вышеизложенное, констатируем, что основной исследовательский ракурс в данной диссертации сфокусирован на периоде 1916-1918 гг., который, по нашему мнению, кардинальным образом повлиял на формирования массовых настроений саратовских горожан накануне, а затем и на решающей стадии революции, когда выделились главные общественно-политические силы на территории губернии, а революционные настроения в Саратовском Поволжье последовательно прошли этапы активизации, апогея и спада.

1.2. Динамика изменения состава населения городов Саратовской губернии к 1917 г.

Глубокие политические и социально-экономические проблемы, порожденные Первой мировой войной, заложили основу для происходивших в России переломных событий после февраля 1917 г. Первая мировая война затронула почти все сферы жизнедеятельности населения России, и нашла отражение в идеологическом пространстве Российской империи начала XX в., в экономических кризисных явлениях: дороговизне продуктов и промышленных товаров, карточной системы распределения некоторых продовольственных товаров. Наряду с этим военный период отразился на психологии и сознании населения не только России, но и других стран европейского континента.

В целях определения специфики формирования массовых настроений и их изменения в годы Великой российской революции следует подробнее остановиться на рассмотрении демографической ситуации в Саратовской губернии.

Основным источником данных о численности и составе населения с конца XIX в. являются переписи. Первая и единственная всеобщая перепись населения царской России была проведена 28 января (9 февраля) 1897 г.

Всего, по ее результатам, в Российской империи проживало 126 411 736 человек, в том числе 16 289 181 человек – в городах⁸³.

В Саратовской губернии общая численность населения составляла 2 405 829 человек. Из них 332 860 проживало в Саратовском уезде. Он являлся самым большим, так как в его состав входил губернский центр Саратов, который был одним из крупнейших городов России – здесь проживало 137 147 человек⁸⁴.

Что касается административно-территориального деления губернии, к 1 января 1915 г. в состав губернии входили 10 уездов, 10 городов и 1 посад (в Царицынском уезде). В губернском городе проживало около 200 тыс. человек, в Царицыне – более 100 тыс. чел, в Вольске – более 40 тыс., более 30 тыс. в г. Камышине и г. Кузнецке, к 1915 г. более 20 тыс. в г. Балашове, г. Петровске и г. Хвалынске, также более 15 тыс. в г. Аткарске, г. Сердобске и посаде Дубовка⁸⁵.

В Саратове и Царицыне проживала половина населения соответствующего уезда, в городах Кузнецке и Вольске проживало более 1/10 соответствующего уезда, в других центрах – около 4-9 % населения в уездах. В среднем на долю городского населения приходилось около 1/6 населения Саратовской губернии⁸⁶.

В условиях военного периода количественный и половой состав населения в городах Поволжья претерпел существенные изменения. Кроме того, на территории Саратовской губернии были свои особенности демографической ситуации.

---

⁸³ Население империи по переписи 28-го января 1897 г. по уездам. СПб., 1898. Вып. 1. С. 29.

⁸⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 3.

⁸⁵ Семенова Е.Ю. Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография. Самара, 2012. С. 364.

⁸⁶ Статистические показатели приведены и подсчитаны по данным: ОГУ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395. Л. 3, Л. 8–10; Статистический обзор Саратовской губернии за 1913 год. Саратов, 1914. Ведомость № 6; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. Ведомость № 6.

Доля горожан в губернии сократилась на 0,6%. В составе жителей некоторых городов возросло количество мужчин: в Аткарске на 13,5%, в г. Кузнецке – 7,8%, г. Балашове – 5,8%, в г. Вольске - 2,9%, г. Царицыне – 2,7%, г. Петровске – менее 1%. В целом, по Саратовской губернии доля мужского населения в составе городского населения возросла на 2,2 %⁸⁷.

Поволжские города к началу Первой мировой войны отличались по количественному составу населения. Всего в Поволжье было 87 городов и 9 посадов, из них 31,8 % составляли центры⁸⁸ с численностью населения 2-5 тыс. человек, 21,6 % – с населением –10 тыс., 12,5 % – с населением 20-50 тыс., 9,1 % - с населением 10-15 тыс., по 3,4 % - с населением 50-100 тыс. и 100-150 тыс., 2,3 % – с населением 150-200 тыс., по 1,2 % – с населением до 1 тыс. и свыше 200 тыс. человек⁸⁹.

По данным официальной статистики к началу войны в городах Поволжья проживали носители разных религиозных убеждений и традиций. Без учета атеистических взглядов (которые учесть точно не представляется возможным) в поволжских городах преобладала доля православного населения, которая составляла более 4/5 горожан, по отдельным губерниям – 77-93%⁹⁰.

В Саратовской губернии среди верующих горожан преобладала часть населения, исповедовавшая православие – 83,9 %, большую долю составляли старообрядцы и сектанты – 7,4 %, единоверцы – 1,9%, лютеране – 1,4 %⁹¹. Более подробные данные можно увидеть в таблице 1.1.1.

---

⁸⁷ Подсчитано по данным: Статистический обзор Саратовской губернии за 1913 год. Ведомость № 6; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Ведомости № 6, № 8.

⁸⁸ Данные по 5 посадам (без Костромской и Симбирской губерний).

⁸⁹ Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография. Самара. 2012. С. 370.

⁹⁰ Там же. С. 374.

⁹¹ Подсчитано по данным: ОГУ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Л. 3545. Л. 17; Д. 3581. Л. 2 об; Д. 3599. Л. 6; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Ведомость № 7.

Таблица 1.1.1.

Состав городского населения Саратовской губернии по вероисповеданию на
1 января 1915 г., %⁹²

Принадлежность к религии	Саратовское Поволжье											Итого:
	Саратов	Аткарск	Балашов	Вольск	Камышин	Кузнецк	Петровск	Сердобск	Хвалынский	Царицын	П. Дубовка	
Православные	85,6	90,0	93,6	67,2	73,0	81,7	92,8	97,1	80,2	86,3	75,5	83,9
Единоверцы	3,5	2,9	2,2	7,1	нет	0,1	нет	0,1	2,0	1,0	1,2	1,9
Старообрядцы и сектанты	2,9	2,6	2,6	19,0	1,1	14,9	5,1	2,0	15,0	2,2	114,4	7,4
Армяно-григориане	0,2	нет	нет	0,1	нет	нет	0,0 ⁹³	0,0	0,0	нет	нет	0,0
Католики	2,9	1,1	0,4	0,0	8,1	0,1	0,1	0,3	0,1	1,1	0,1	1,4
Лютеране	2,6	1,7	0,1	3,1	17,0	0,2	0,3	0,2	0,1	2,2	2,2	2,7
Караимы	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	0,0	3,8	0,3
Иудеи	0,9	0,3	0,6	0,3	0,5	0,2	1,1	0,3	0,2	1,1	0,1	0,5
Мусульмане	1,3	1,4	0,4	2,7	нет	2,7	0,6	0,0	2,4	2,9	0,1	1,3
Другие	0,1	нет	0,1	0,5	0,2	0,1	нет	нет	0,0	3,2	2,6	0,6
Итого:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

В нескольких поволжских городах традиционными группами населения, характеризующиеся по конфессиональному признаку, в частности к 1917 г. были мусульмане, католики, староверы, старообрядцы, армяно-григориане, что стало особенностью исторического развития данного региона на протяжении многих столетий. Такое многообразие представителей разных религий оставляло след в различии мировоззрения общества, порою становилось основой для рождения альтернативных мировоззренческих течений, что откладывало отпечаток на массовых настроениях жителей города.

Говоря о социальной иерархии горожан, необходимо иметь в виду, что официальные статистические данные о распределении жителей губернии по сословиям формировались исходя из традиционного принципа деления общества на страты, поэтому социальную стратификацию в значительной степени можно назвать условной. К примеру, часть населения будет

⁹² Подсчитано по данным: ОГУ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Л. 3545. Л. 17; Д. 3581. Л. 2 об; Д. 3599. Л. 6; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Ведомость № 7.

⁹³ Менее 0,1 %.

относиться одновременно к двум характеристикам – сословной (дворянство, духовенство, мещане и т.д.) и классовой, профессиональной (рабочие). Однако сложно определить какое количество рабочих являлись выходцами из конкретных сословий, скорее всего большинство из них вышли из мещан и крестьян.

Бурное торгово-промышленное развитие губернии в конце XIX - начале XX века оказывало влияние на формирование социокультурной среды города. Население соседних уездов стремилось попасть в город на заработки, поэтому состав его был «разношерстным» и подвижным. С другой стороны, торговое и промышленное развитие городов способствовало росту купеческого сословия. За счет крестьян-отходников быстро росло население некоторых городов и селений. По вероисповеданию население не было однородным, большинство составляли православные и единоверы, затем шли протестанты и мусульмане, раскольники и католики.

Городская среда уездных городов Саратовской губернии была представлена мещанами и купцами. Причем достаточно большой процент мещан формировался из крестьянской среды, об этом говорят отчеты мещанских управ. Купечество принимало активное участие в городской жизни, заседало в Думе, открывало благотворительные заведения, участвовало в создании культурно-просветительских учреждений, в благоустройстве города. Чаще всего оно было также инициатором открытия театров, выступая в роли меценатов.

В Саратовской губернии крестьянами являлись около 30 % горожан, мещанами – более 40 %. Крестьянами в шести уездных центрах из одиннадцати являлись $\frac{1}{4}$ жителей, но ни в одном их доля не превышала 45 %. Мещан в девяти центрах было больше 40 %, в том числе в четырех городах – около или более $\frac{2}{3}$ населения. В г. Саратове $\frac{1}{10}$ горожан представляли цеховые. В нескольких городах существенным было представительство колонистов, так в г. Камышине – $\frac{1}{4}$ населения. В нескольких городах большую долю составляли военные сословия. К началу 1915 г. за год их доля

выросла до 1/10 городского населения, а, к примеру, по городу Аткарку – 1/3 населения⁹⁴. Данные по количеству представителей городских сословий подробнее представлены в таблице 1.1.2.

Таблица 1.1.2.

Социальный (сословный) состав городского населения Саратовской губернии на 1 января 1915 г., %⁹⁵

Город, посад	Социальная группа												
	дворяне	духовенство	почетные граждане	купечество	мещане	цеховые	крестьяне	колонисты	казаки	военные сословия	разночинцы	инородцы	иностранные подданные
Саратов	3,3	1,2	3,9	1,6	24,8	12,3	33,9	4,4	1,1	9,9	1,9	0,2	1,5
Аткарку	2,2	0,4	1,4	0,8	31,0	0,4	31,0	0,6	Нет	31,9	Нет	0,3	Нет
Балашов	1,5	0,2	4,3	0,7	63,8	0,1	7,2	0,4	Нет	20,1	Нет	1,2	0,5
Вольск	1,5	1,5	0,8	0,4	52,0	0,0	23,9	2,0	0,0	15,2	0,4	0,0	2,3
Камышин	3,0	0,4	0,5	0,8	44,5	0,2	14,2	24,1	1,6	10,6	Нет	Нет	0,1
Кузнецк	0,8	0,3	0,6	0,5	61,5	0,1	3,7	Нет	Нет	31,2	0,4	0,9	0,0
Петровск	0,9	1,1	1,0	0,5	54,0	1,0	34,2	0,2	0,0	7,0	Нет	Нет	0,1
Сердобск	1,3	0,9	0,4	0,3	64,4	Нет	27,3	Нет	Нет	5,4	Нет	Нет	Нет
Хвалынский	1,0	0,7	0,5	0,4	72,6	0,1	16,5	0,1	0,0	5,5	Нет	2,5	0,1
Царицын	1,9	0,3	2,0	1,0	39,7	1,9	42,4	1,5	3,5	4,0	0,1	0,8	0,9
Дубовка	0,1	0,4	0,0	0,5	94,3	0,1	2,3	1,7	0,3	0,3	Нет	Нет	Нет
Итого	2,3	0,8	2,4	1,1	41,1	5,4	29,1	3,6	1,3	10,8	0,8	0,4	0,9

Количественный состав социальных страт населения в условиях военного времени претерпел изменения на фоне размещения в губернском и уездном центрах воинских формирований. Так за год с января 1914 по январь 1915 гг. в городах Саратовской губернии возросла доля военных в составе населения: в Аткарке с 6,2 % до 31,9 %, в Балашове с 5,7% до 20,1%, в Вольске с 1,2% до 15,2 %, в Кузнецке с 9,5% до 31,2 %. Данные о количестве военных в городах губернии представлены в таблице 1.1.3.

Таблица 1.1.3.

Доля военных в составе населения некоторых городов Саратовской губернии к 1 января 1914 г. и 1 января 1915 г.⁹⁶

⁹⁴ Составлено и подсчитано по данным: ОГУ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3538. Л. 1; Д. 3545. Л. 14; Д. 3581. Л. 10 об. Д. 3599. Л. 7.

⁹⁵ Составлено и подсчитано по данным: ОГУ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3538. Л. 1; Д. 3545. Л. 14; Д. 3581. Л. 10 об. Д. 3599. Л. 7.

⁹⁶ Подсчитано и составлено на основе данных: ОГУ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395. Л. 8-10; Д. 3538. Л. 1; Д. 3545. Л. 14; Д. 3581. Л. 10 об.; Д.3599. Л. 7.

Город	Количество представителей военных сословий, чел.	
	К 1 января 1914 г.	К 1 января 1915 г.
Аткарск	6,2	31,9
Балашов	5,7	20,1
Вольск	1,2	15,2
Кузнецк	9,5	31,2
Царицын	1,8	4,0

Что же касается рабочих, то не все они являлись трудящимися фабрик и заводов. В 1915 г. в Саратовской губернии числилось 1493 заводов и фабрик, на которых трудились 33375 чел., т.е. 5,8 % от количества городского населения губернии⁹⁷. Данные по количеству рабочих и заводов, фабрик на территории Саратовского Поволжья представлены в таблице 1.1.4.

Таблица 1.1.4.

Общее количество фабрик и заводов, рабочих в городах Саратовской губернии на 1 января 1915 г.⁹⁸

Город, посад	Количество заводов и фабрик	Количество рабочих (% от жителей города)
Саратов	286	15134 (6,6)
Аткарск	84	306 (1,6)
Балашов	42	1668 (7,1)
Вольск	153	4687 (11,1)
Камышин	31	378 (1,2)
Кузнецк	382	2502 (7,4)
Петровск	99	738 (3,1)
Сердобск	17 (6) ⁹⁹	91 или 48 (0,6 или 0,3) ¹⁰⁰
Хвалынский	60	479 (2,2)
Царицын	214	6548 (5,6)
Посад Дубовка	125	844 (4,8)
Итого	1493	33375 (5,8)

⁹⁷ Составлено и подсчитано по данным: ОГУ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395, Л.8-10: Д. 3538 Л.1; Д. 3545. Л. 14; Д. 3581. Л. 10 об., 12 об.; Д. 3599. Л. 7; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 г. Ведомость № 4. О фабриках и заводах в Саратовской губернии за 1914 г.; Ведомость № 6. О числе жителей по сословиям в Саратовской губернии за 1914 г.

⁹⁸ Составлено и подсчитано по данным: ОГУ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395, Л.8-10: Д. 3538 Л.1; Д. 3545. Л. 14; Д. 3581. Л. 10 об., 12 об.; Д. 3599. Л. 7; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 г. Ведомость № 4. О фабриках и заводах в Саратовской губернии за 1914 г.; Ведомость № 6. О числе жителей по сословиям в Саратовской губернии за 1914 г.

⁹⁹ Данные по приведенным источникам расходятся

¹⁰⁰ Данные по приведенным источникам расходятся

Согласно выводам Д. Дж. Рейли, в г. Саратове в 1916 г. из приводимых по переписи 1916 г. 123042 рабочих (53 % жителей города) фабрично-заводскими являлись только 25 тыс. человек, то есть 20,3 % населения¹⁰¹.

Меньшая доля городского населения приходилась на дворянство – 2,3% по губернии, 3,3 % по г. Саратову; на купечество – 1,1 % по губернии, 1,6% по г. Саратову; на духовенство - 0,8 % по губернии, 1,2 % по губернскому центру¹⁰².

В большинстве городов преобладающими по численности населения были сословия мещан и крестьян, далее были представлены военные сословия, численность которых возросла из-за начавшейся Первой мировой войны.

На изменение состава населения повлияла мобилизация, как еще одна форма миграции. Первая волна мобилизации, согласно Указа императора Николая II, началась 18 июля 1914 г., были призваны нижние чины запаса среди населения Саратовской губернии – Саратовского, Балашовского, Аткарского, Вольского, Петровского, Камышинского, Царицынского и Хвалынского уездов.

Мобилизация имела предсказуемое влияние на городское население, так предводитель Балашовского уездного дворянства А.В. Сумароков писал саратовскому губернатору о том, что семьи мобилизованных приезжали в город провожать призванных и «потратившись в городе <...> требовали от Воинского Начальника удостоверений о том, что их мужья и сыновья призваны» для того, чтобы получить право бесплатного проезда: «поведение солдаток многое объяснило: с первых дней мобилизации они... совершенно прекратили работы и отправились в город с детьми и свекрами провожать

---

¹⁰¹ Рейли Д. Дж. Саратов от августа 1914 до августа 1991. Россия глазами американца. Саратов, 1994. С. 99.

¹⁰² Составлено на основе данных: ОГУ ГАСО Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395. Л. 8-10. Статистический обзор Саратовской губернии за 1913 г. Ведомость № 5. О числе постоянных купцов по Саратовской губернии за 1914 г. Ведомость № 5. О числе постоянных купцов по Саратовской губернии за 1914 г.; Ведомость № 6. О числе жителей по сословиям в Саратовской губернии за 1914 г.

призванных <...> проводы длились целые недели, женщины и дети забирались в отведенные запасным квартиры, проникали в столовые и поедали все что можно, последствием чего, на последние смены обедающих не доставало обедов и их готовили вновь, откладывая время обедов на три или четыре часа <...> Когда обедать под открытым небом стало нельзя, обеды стали отпускать по квартирам, тогда женщины спешили занять места за столом и поедали все, до последней крошки, ничего не оставляя тем, к которым жены не приехали»¹⁰³.

Мобилизованные принимали участие в погромах продовольственных лавок и магазинов, в столкновениях с правоохранительными структурами. Происходило это по ряду причин, от халатности властей до стремления торговцев нажиться на фоне увеличенного спроса при ограниченном продовольственном ресурсе, на фоне увеличения в городах численности прибывающих в город призывников и их родственников. Такие беспорядки фиксировались в июле 1914 г. в г. Аткарске, осенью 1915 г. в г. Кузнецке и г. Петровске.

В июле 1914 г. в г. Аткарске вместе с провожающими насчитывалось около 30–35 тыс. мобилизованных, то есть почти вдвое больше местного населения. Торговцы, наблюдая за наплывом приехавших в город, повысили цены на продукты - на хлеб до 7–8 коп. за фунт (с 3–5 коп.), колбасу – до 10 коп. (с 5–7 коп.), деревянные ложки – до 7 коп.¹⁰⁴. При этом воинский начальник не организовал процесс питания призывников и прибывших с ними семей, что привело к ненормированному потреблению заранее закупленных продуктов питания. Это привело к тому, что прибывшим вновь мобилизованным не хватило еды. Не получив кормовых денег, призывники «толпой пошли по улице чтобы купить себе чего-либо поесть», «некоторые

---

¹⁰³ *Посадский А.В.* Письмо предводителя дворянства // Волга – XXI век. 2004. № 12. С. 174–177.

¹⁰⁴ *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914–начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография. Самара. 2012. С. 152.

начали говорить, что если им не дали обеда и денег, то могли-бы дать хоть водки», немного позже толпа мобилизованных учинила погром трех винных лавок. Ситуацию удалось урегулировать прибытием стражников и обеспечения прибывших запасных питанием¹⁰⁵.

Схожие ситуации происходили и в 1915 г.: в г. Петровске, 20 сентября 1915 г. происходили беспорядки, «произведенные призванными по мобилизации ратниками 2-го разряда», разгромившие продовольственные лавки¹⁰⁶.

Выражения недовольства призывниками влияли на городских обывателей, так, например, в г. Аткарске 3–4 августа 1915 г. среди запасных нижних чинов происходил разговор, в котором военные сравнивали отправку их на фронт с загонем скота на убой и говорили о нехватке оружия и снарядов на фронте»¹⁰⁷.

Изменения социальной стратификации были вызваны начавшимися с 1915 г. масштабными миграционными процессами. Одной из главных составляющих миграционных процессов в годы Первой мировой войны стали – беженцы. К 1916 г. численность мигрантов достигала до четырех с половиной миллионов человек, что было больше количества фабричных рабочих в стране в тот период. Накануне Великой российской революции, к февралю 1917 г. почти пять процентов населения Российской империи были беженцам¹⁰⁸. Это стало следствием поражений русской армии, отступлением и потерей территорий.

Император, правительство и центральные государственные органы власти трудились над рядом законодательных актов и подзаконных документов, определивших деятельность системы органов и организаций по

---

¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 47. Т. 1. Л. 211 об. 3 Там же. Л. 184–185 об.

¹⁰⁶ Там же. Д. 10. Л. 261.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 382. Л. 66, 69–69 об.

¹⁰⁸ *Хасин В.В.* Власть, общество, социальные институты в решении миграционных проблем в России в Первую мировую войну на общегосударственном уровне и в региональном преломлении // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2014. Вып. 10. С. 64.

работе с беженцами. Миграционные процессы имели серьезное влияние на социально-экономическое и демографическое состояние регионов. Региональные власти требовалось организовать грамотное регулирование потоков беженцев и обеспечить их первоочередными нуждами, интегрировать в среду проживания.

Массовое скопление беженцев в западных районах империи началось с лета 1915 г. План эвакуации выселенных был разработан только 29 июля, основывался зачастую на неточных данных, полученных от губернаторов¹⁰⁹.

Еще в сентябре 1914 г. в России был учрежден Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, вскоре в его отделение открылось в Саратове. В августе 1915 г., в Саратове был образован городской комитет попечения о беженцах¹¹⁰. Всего государственная структура на местах, в регионах включала в себя 71 городской комитет, 42 губернских, 10 фронтовых («Земгор» и МВД), 67 национальных и прочих, занимающихся эвакуационными процессами¹¹¹.

Для того чтобы определить категорию, обозначающую человека «беженцем» следует обратиться к законодательству. «Закон об обеспечении нужд беженцев в Российской империи от 30 августа 1915 года» регламентировал статус беженца – «выселившиеся из местностей, угрожаемых неприятелем, или им уже занятых, а также эвакуированные и выселенные из районов военных действий. К числу беженцев не относились лица, высланные во внутренние губернии на основании правил о военном положении и положении о полевом управлении войск и содержащиеся под

---

¹⁰⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13273. Оп. 1. Д. 248. Л. 3.

¹¹⁰ Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: Учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья». Саратов: Научная книга, 2007.

¹¹¹ ГАСО. Ф. 615. Оп. Д. 64. Л. 5.

надзором полиции на пайке»¹¹². Критерии «не беженца» были достаточно размытыми, к ним можно было отнести неприятельских подданных, лиц неблагонадежных национальностей русского подданства (немцы и евреи), а также смешанные семьи. Однако их численность, в сравнении с другими мигрантами была невелика. Большею частью беженцев были именно выселенные¹¹³. Эта часть мигрантов, во многом, и определила характер перемещений в империи, как катастрофический.

Предполагалось изначально, что миграция будет носить кратковременный характер, поэтому руководство намеренно придерживалось курса по изоляции беженцев от местного населения и временного их содержания на государственные и общественные средства, не включая их в трудовые процессы. Затягивание войны предопределило долговременный характер миграции, поэтому руководству пришлось изменить отношение к трудоустройству мигрантов и их обеспечению.

Расселение происходило крайне сложно, часть беженцев и депортированных в регионы отторгались местным населением, что, в свою очередь, приводило к стихийной миграции, выходящей за рамки государственного регулирования. Особенности взаимоотношений гражданской и военной бюрократии, а также соподчинение различных ветвей власти оказали влияние на миграционные процессы в России.

Функционирование государственных институтов и механизмов власти в период войны зависело преимущественно от институтов гражданской власти и тыла, однако, выбор был сделан в пользу военных, что давало последним мало чем ограниченные возможности в решении проблем.

Подавляющее число беженцев прибывало в города, во многом, ввиду транспортной доступности и более развитой и приспособленной

---

¹¹² Цит. по: *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография. Самара. 2012. С. 356.

¹¹³ Беженцы и выселенцы. М., 1915. С. 54.

инфраструктуры. Процентное соотношение беженцев в городах внутренних губерний колебалось от 10-15 до 30%¹¹⁴.

Беженцы должны были направляться в районы эвакуации администрацией губерний, с которых происходило выселение, в соответствии с прежним жильством. Но отсутствие четко разработанного плана и неточность в прогнозировании различных аспектов миграции привели к диссонансу во взаимоотношениях беженцев и местного населения.

Большую часть беженцев составляли крестьяне¹¹⁵, которые спровоцировали появление некоторых социокультурных проблем. Крестьянин, как представитель традиционного населения трудно интегрировался в городское пространство. Несмотря на низкую урбанизированность российских провинциальных городов, происходило столкновение носителей аграрных стереотипов в лице крестьянства с городским населением. Стремление к общности и патриархальное мышление брали вверх в среде беженцев, которые требовали всесторонней заботы со стороны местного руководства. Ввиду этого многие беженцы игнорировали потенциальную возможность трудоустройства, полагая на обязанность и долг региональных органов власти обеспечивать их пропитанием и проживанием. Такой выбор становился ношей для властной структуры, а также «камнем преткновения» в отношении с местным населением, считавшим позицию беженцев «паразитической». Места расселения беженцев становился местом эпидемиологического неблагополучия, криминализованной, маргинальной средой, что стало частью панорамы тыловой жизни в период Первой мировой войны.

Недоверие и неприязнь у местного населения вызывали эвакуированные рабочие, занятые в оборонной промышленности, возникало

---

¹¹⁴Известия Всероссийского Союза Городов. 1916. Вып. 34. С. 29; ГАСО. Ф. 615. Оп. 1. Д. 21. Л. 29; Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 1478. Л. 25.

¹¹⁵Кищенко М.С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 61.

мнение, что власть слишком сильно заботиться о благополучии беженцев, «имевших «хороший заработок, отсрочку от фронта, да еще и продовольствие по твердым ценам»¹¹⁶.

Разочарованием властью и армией пропитаны высказывания представителей прессы: «Откуда ж их столько, неужели немцам оставить их было нельзя? Пусть бы их хлеб ели! У нас и так негде ногу поставить». Или: «Мы ж воюем, чтоб жить просторнее стало? А тут еще мало того, что самим тесно, так еще и гостей селить. А завтра они скажут делись землицей, наша тютю... Вот и повоевали»¹¹⁷.

В центральных губерниях, в которых происходило переселение большинства беженцев, стали, очевидно, перенаселенными. Война не увеличила территории, а, наоборот, увеличило число мигрантов.

1. 3. Факторы, влиявшие на эволюцию массовых настроений в Саратовском Поволжье в революционный период

Совокупность факторов, политического экономического, культурного характера повлияли на формирование и динамику массовых настроений городского населения Саратовской губернии. Как отмечалось выше, на практике, одним из важнейших факторов, оказывающим влияние на массовые настроения тыловой губернии в годы Первой мировой войны, была мобилизация. Ее влияние на трансформацию отношения городского и сельского населения описывается в предыдущем параграфе.

Отрицательное влияние на настроения населения оказывал косвенно связанный с мобилизацией «алкогольный вопрос», сопровождавшийся зачастую погромами. Так, в г. Вольске в июле 1914 г., распространился слух о том, что лавки уже разбиты «пьяной толпой» запасных и провожающих, мобилизованные и местное население направились к полицейскому

---

¹¹⁶ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.

¹¹⁷ ГАСО. Ф. 53. Д. 162. Л.8, 9, 10-13.

управлению, разгромив по пути винные лавки и оружейный магазин избili камнями пристава и четырех городских. Для усмирения беспорядков в город с ротой солдат прибыл сам губернатор, а позже также прибыл и военный отряд, окончательно урегулировавший положение в городе¹¹⁸.

Из-за нерасторопности и отсутствия порядка в городе при мобилизации 21 июля 1914 г. в г. Камышине произошли погромы винных лавок, через несколько дней из-за нехватки на питательном пункте обедов более 1000 призывников стали громить винные лавки. Эти слухи, «добравшись» до Балашова, были многократно преувеличены: «запасными разбиты и разграблены винные лавки, рестораны, ограблена железнодорожная касса, были попытки к ограблению Казначейства и винного казенного склада»¹¹⁹.

В условиях войны правительство и местные власти провели серию чрезвычайных мер, направленных на укрепление порядка внутри страны и защиту интересов государства, а также предотвращение дестабилизации и деморализации общества.

Эти постановления охватывали разные аспекты жизнедеятельности городского населения, для которой теперь был введен определенный регламент в условиях «чрезвычайщины».

Не обошли горожан Саратовской губернии комплекс введённых мер по ограничению и запрету производства, продажи спиртных напитков, так называемый «сухой закон».

Жизнь населения в городах Саратовской губернии в годы Первой мировой войны существенно стала отличаться от жизни в мирное время. Четырнадцатый год в этом отношении стал поворотным в развитии России и Саратовской губернии, в частности.

Впечатления от введённых чрезвычайных мер на территории Саратовской губернии оставляли отпечаток на жизни обывателя, ощущающего из-за начавшейся войны многочисленные бытовые неудобства,

---

¹¹⁸ ГАСО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1405. Л. 1, 3, 6, 8, 10, 14, 17, 22, 38, 41.

¹¹⁹ Там же. Ф. 53. Оп. 1. 1914 г. Д. 47. Т. 1. Л. 217.

мужчины призывного возраста понимали свою «потенциальную возможность» оказаться на театре военных действий. Эти и другие обстоятельства трансформировали мировоззрение и настроения горожанина и вызвали спектр разных эмоций: от гнева, озлобления, недоверия и подозрительности до патриотизма и жертвенности.

Еще одним фактором, пожалуй, самым определяющим, который воздействовал на слои городского населения, стал продовольственный вопрос. Этот вопрос занимает ключевое место в повседневной жизни людей, это часть быта имеет ключевое значение для жизнедеятельности человека. В кризисный период «голодный желудок» обывателя не раз становился эвентуальным фактором на пути достижения лояльности масс населения какой-либо политической силой.

В условиях Первой мировой войны и Великой российской революции продовольственные неурядицы и страх перед голодом оказали ключевое влияние на мировоззрение населения, в частности, городского.

В этот период существовал целый спектр проблем в продовольственном обеспечении населения: недостаток продовольственных ресурсов к лету 1915 г., небывалую дороговизну товаров, длительное ожидание товаров, ограничение потребления определенных продуктов в связи с введенными чрезвычайными мерами, а также спекуляция, вызывавшая негативные эмоции в адрес торговцев, представителей власти и охраны правопорядка. Зачастую эти недовольства, вызванные продовольственной ситуацией, трансформировались в отрицание перспектив участия России в Первой мировой войне.

Продовольственный вопрос стал определяющим в сознании человека. Так автор исследования, рассматривающего продовольственную ситуацию в условиях военного времени 1914-1916 гг. в Среднем Поволжье, утверждает, что в этот период местное население было абсолютно лояльным к власти и не высказывало недовольства по вопросу снабжения продовольствием. Более того, до февраля 1917 г. «продовольственный вопрос» не являлся ключевым

фактором, повлиявшим на революционные настроения, более того население к этому моменту научилось справляться со спекуляцией, но новая власть изменила имеющуюся систему снабжения продовольствием, что подвергло дестабилизации общественных настроений, и, в первую очередь, солдатской массы - одной из движущей сил революции¹²⁰.

Однако, можно поспорить с автором, если обратиться к архивным документам, согласно которым проявление проблем, связанных с продовольствием, было не одномоментным явлением по всей территории Поволжья, более того по территории отдельной Саратовской губернии.

Уже в конце июля 1914 г. в Саратове состоялось совещание об установлении таксы (цены) на хлеб и мясо. Но удержались такие цены недолго, и уже к 1915 г. они повысились. По сообщениям саратовских газет, к марту 1915 г. в Саратове и слободе Покровской цены на печеный хлеб, по сравнению с довоенными, увеличились: на белый и серый калач – на 10–15%, на черный – на 20%, на пеклеваный – на 15%.¹²¹ С весны 1915 г. стали проявляться недостатки продовольствия и отсутствие в некоторых местах определенных товаров.

«Хвосты» у мучных лавок стали показателем несвоевременного получения продуктов в некоторых городах. Говоря о сложностях в приобретении сахара городским населением, гласный Д. Е. Карноухов на заседании Саратовской городской думы 16 марта 1916 г. отметил: «Чтобы получить сахар из городской лавки нужно претерпеть все муки ада, стоять по несколько часов, простужаться и т.д.»¹²², а в январе 1918 г. в отчете губернского совета продовольственных комиссаров говорилось, что

---

¹²⁰ Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. С. 15, 19.

¹²¹ Известия Саратовской городской думы. 1915. Январь – март. Саратов, 1915. С. 71–73.

¹²² Известия Саратовской Городской Думы. 1916. № 6. Январь-Март. С. 96.

населению «с большим трудом удастся добыть самое необходимое, простаивая по целым часам в очередях на морозе»¹²³.

Зимой 1916 г. в г. Петровске полицейский чиновник отмечал, что «хвосты растут уже... невероятные», об очередях за продуктами в г. Хвалынске сообщалось в начале января 1918 г.¹²⁴

Военный период характеризовался ростом цен на продовольственные товары, который горожане встречали критикой. В 1915 г. на заседании Городской думы 3 апреля 1915 г. гласный В.А. Шишкин отмечал: «Самый злободневный вопрос в настоящее время о дороговизне. На днях я зашел в пекарню. Там какая-то женщина покупала хлеб и бранилась на то, что он дорожает. Когда ей объяснили, что это оттого, что повышаются цены на муку, она стала бранить мукомолов, говоря, что кучка людей наживается. А мы из-за этого должны голодать. Это недовольство, проникая в народ, представляет ту опасность, что может перекинуться и в армию; ведь голодают семьи солдат»¹²⁵.

Член Государственной думы и гласный Саратовской городской думы присяжный поверенный А.М. Масленников на одном из заседаний думы в своем выступлении отметил дороговизну мяса (около 25 коп.)¹²⁶. Уездный исправник в г. Царицыне в рапорте от 17 октября 1915 г. докладывал, что в городе «дороговизна жизненных продуктов по-прежнему является для всех очень тяжелым бременем», «большинство высказываются о необходимости урегулирования цен»¹²⁷.

Спекуляция, как спутница кризисного продовольственного положения и военного времени, становилась злободневным явлением, дестабилизирующим психику индивида и нарушающую, наравне с продовольственным кризисом, традиционную, устоявшуюся бытность. Тема

---

¹²³ Известия Саратовского совета Рабочих, крестьянских депутатов и районного исполнительного Комитета. 1918. 10 января. С. 2

¹²⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9801. Л. 81; Ф. 831. Оп. 1. Д. 351. Л. 4 об.-6.

¹²⁵ Известия Саратовской Городской Думы. 1915. № 3. Апрель-Июнь. С. 92.

¹²⁶ Там же. С. 92-93.

¹²⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9584. Л. 154.

спекуляции обсуждалась на собраниях органов местного самоуправления. На заседании Саратовской городской Думы в апреле 1915 г., отмечалось, что цены, установленные законом, не соблюдаются¹²⁸.

Последствия от введенных мер местными властями в условиях продовольственного кризиса были неоднозначными. С одной стороны, они повлияли на распределение продовольственного ресурса между горожанами, с другой – сами ограничения воспринимались в обществе неоднозначно, зачастую вызывали недовольство.

Кризис продовольствия напрямую коснулся городского быта и сформировал особые оценки происходящих событий у горожан, являлся постоянным раздражителем населения городов, содействовал формированию «тревожного настроения»¹²⁹. Более того, с течением времени проблема обеспечения населения продовольствием стала массовой в дестабилизации настроений населения губернии. Например, кузнецким уездным исправником в 1916 г. отмечалось, что продовольственный вопрос наиболее «жгучий», и продолжает постоянно ухудшаться, из-за неурожая картофеля в уезде, просо и гороха, а также отсутствия сахара в городе»¹³⁰.

С осени 1915 г. в городах Саратовской губернии возникла повсеместная проблема недостатка сахара, так, по г. Сердобску в сентябре уездным исправником описывалось положение в городе, критика горожанами местной власти, в связи отсутствия белой муки и сахара¹³¹.

Схожая ситуация наблюдалась в ноябре 1915 г. в г. Кузнецке¹³², в начале декабря – в г. Балашове¹³³. В июне 1916 г. в г. Кузнецке, по сообщению офицера Саратовского ГЖУ, население в городе и уезде было

---

¹²⁸ Известия Саратовской Городской Думы. 1915. № 3. Апрель-Июнь. С. 93.

¹²⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9801. Л. 32, 39, 44–45, 75–75 а, 90; Д. 9776. Л. 105–107; ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 27. Л. 15–16; Известия Саратовской Городской Думы. 1915. № 3. Апрель-Июнь. С. 92.

¹³⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9801. Л. 19-19 об.

¹³¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9585. Л. 192, 212.

¹³² Там же. Л. 7, 17, 51, 60, 77, 88, 104, 117, 140, 157, 163, 189, 190, 211, 223, 239.

¹³³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9585. Л. 230, 233.

крайне недовольно, что «сахару нигде не достать и его совсем нет», а также отметил, что для успокоения населения с речью выступил исправник¹³⁴.

В г. Аткарске осенью 1916 г. на стене дома Городского головы было даже обнаружено объявление следующего содержания: «Объявление всем. Если первого числа не дадут сахару и сделают набор солдат, то просим всех делать забастовку»¹³⁵.

В г. Петровске в 1916 г. «недовольство в населении замечается при недостатке продуктов первой необходимости, что начинает повторяться»¹³⁶, - сообщал местный уездный исправник.

Саратовский полицмейстер в октябре 1916 г. сообщал, что «население города выражает недовольство по поводу недостатка сахару и все возрастающей дороговизной на предметы первой необходимости»¹³⁷.

В январе 1917 г. по г. Царицыну наблюдался недостаток муки, мяса, а также общая «дороговизна всех пищевых продуктов»¹³⁸. Одна из местных газет писала: «Уже вторую неделю в Царицыне живут почти без мяса. Мясо продается только в одной лавке. В остальных лавках продается только солонина... Есть свинина и молодой барашек, последний продается по 1 руб. фунт»¹³⁹.

Царицынский полицмейстер в рапорте от октября 1916 г., описывая настроения городского населения, назвал его «возбужденным на почве дороговизны»¹⁴⁰. А в конце января 1917 г. он же просил вооруженное подкрепление в связи с острым «продовольственным вопросом»: «Недостаток муки, мяса и чрезвычайная дороговизна всех пищевых продуктов создают угрожающее положение. Прошу ходатайства о

---

¹³⁴ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 522. Л. 96–96 об.

¹³⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9776. Л. 105–107.

¹³⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9801. Л. 81.

¹³⁷ Там же. Д. 9801. Л. 32.

¹³⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10110. Л. 8–9.

¹³⁹ Царицынский вестник. 1917. 30 апреля. С. 3.

¹⁴⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9801. Л. 35.

назначении мне распоряжение воинских патрулей, за недостаточностью полиции для предупреждения беспорядков»¹⁴¹.

В г. Саратове в местной газете в феврале 1917 г. вновь рассказывалось о «длинных хвостах» у мучных лавок, и стремлении населения спешно запастись мукой и хлебом, несмотря на заявления местных властей об обеспечении города данным продовольствием. Сообщалось, что город заполнили «салазки, груженные пудовчиками», которые навевали мысли об отсутствии упорядочения в «деле с мукой»¹⁴².

В августе 1917 г. саратовский уездный комиссар, характеризуя продовольственный вопрос в г. Саратове отметил, что существует «опасность серьезных осложнений и последствий»¹⁴³.

Настроения горожан под влиянием продовольственной ситуации изменялось: от недовольства снабжением городов, связывания проблем снабжения с действиями спекулянтов, до обвинений в сторону властей. Итогом этой эволюции настроений стали нападение на властные учреждения, их представителе и причинение им телесных повреждений.

Влияние продовольственной ситуации в военный период на настроения городского населения было значительным, обострение кризиса провоцировало «раскачивание» социально-политической стабильности. Невозможность в условиях Первой мировой войны привычного использования продовольственных ресурсов, дороговизна, очереди, вызывало неудовлетворенность, а порою приводило к «погромному настроению», если ситуация не решалась, как в отношении торговцев, так и в отношении местной власти, которая казалась покровительствовала спекулянтам. Такие настроения приводили антиправительственным настроениям, негативному отношению к войне, ухудшающей благосостояние общества.

---

¹⁴¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10110. Л. 10.

¹⁴² Жизнь (Саратов). 1917. 21 февраля. С. 1.

¹⁴³ Саратовские ведомости. 1917. 3 августа. С. 2.

Продовольственный вопрос дал толчок к процессу распада ценностных устоев в обществе, спровоцировал распад самого общества на многочисленные страты, ассоциируемые с уровнем материальной обеспеченности.

Изменились в этот период и религиозные представления населения, в частности, солдат. Начиная с XVIII – XX вв. религиозные учреждения, главным образом православные, приобрели характер государственных органов, в большей степени, выполняющие формальные обязанности. Кризис официальной церковной идеологии и ее институтов означал и кризис государственной идеологии в целом, и, соответственно, десакрализацию и делегитимизацию власти¹⁴⁴. Таким образом, в годы Первой мировой войны в России отсутствовала адекватная новая государственная идеология, в то время, как традиционные институты функционировали недостаточно полно.

К началу XX в. механизмы государственной идеологии оказались в кризисном состоянии. В российской государственной системе органов власти религиозные институты играли крайне важную роль, взяв на себя основные функции по поддержанию диалога власти и общества. Религиозная система обеспечивала легитимизацию и сакрализацию царской власти и властных отношений в Российской империи.

Идеология в России имела религиозный характер, церковные институты, в свою очередь, играли коммуникативную роль. Зачастую религиозные учреждения выполняли формальные обязанности. У населения снижалось восприятие священников как духовных настоятелей. Снижался также и духовно-нравственный и образовательный уровень последних. В среднем восемь из десяти пословиц и поговорок, где фигурировали священники, имели негативный характер.

Среди населения росло отрицательное отношение к институтам церкви, которые утрачивали роль проводника государственной идеологии в массы.

---

¹⁴⁴Хасин В.В. Национальный фактор и традиционное общество в конструировании имперской идеологии в России начала XX века // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 5. С. 178-179.

Следствием этого стал рост сектантства, в первую очередь, среди православного населения Российской империи. Некоторые авторы в этой связи употребляют термин «российский протестантизм», характеризуя рост количества альтернативных религиозных структур. Идея национальной консолидации, утверждаемая государством на протяжении XIX в. по объему и степени погружения в мировоззрение населения уступала религиозному сознанию в обществе¹⁴⁵.

Таким образом, церковные институты во второй половине XIX – начале XX вв. находились в кризисном состоянии. Кризис церковных институтов означал и кризис государственной идеологии, что выражалось в десакрализации и делегитимизации властных институтов.

В Российской империи – многонациональной и поликонфессиональной, признавалось несколько официальных религиозных направлений: иудаизм, ислам, католицизм, лютеранство имели официальные институты, служили коммуникационным каналом в обществе и находились в системе Министерства внутренних дел.

К 1915 г. в Саратовской епархии насчитывалось 971 церковь, 93 часовен и молитвенных домов и 15 монастырей. Духовенства без монастырского насчитывалось: протоиереев – 53, священников – 928, дьяконов – 264, псаломщиков – 902; монашествующих – 604, послушников – 2 381¹⁴⁶.

К 1917 г. на территории Саратовского Поволжья были представители почти всех вероисповеданий и различных религиозных течений. Главенствующее положение в регионе было закреплено за Православной церковью и верой как главной конфессией Российской империи. После закона о веротерпимости 1905 г. Православная церковь, хотя и сохранила преимущественное положение, однако была вынуждена открыто

---

¹⁴⁵ *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005.

¹⁴⁶ *Бабкин А. М.* Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. С. 57.

конкурировать и мириться с другими конфессиями. Некоторые ограничения и пристальный контроль правительства распространялся на отдельные конфессии, такие как ислам и иудаизм.

В связи с ростом панисламизма в начале XX в. усиливалось внимание губернских властей к мусульманским общинам и учебным заведениям-медресе,¹⁴⁷ а также к попечительствам при мечетях, как возможным рассадникам идей панисламизма¹⁴⁸. Впрочем, из-за удаленности региона от центра распространение этих идей не получило должного развития. Ввиду обособленности проживания мусульман влияние на другое населения губернии, в плане распространения своей веры, они не оказывали.

Церковь на протяжении уже нескольких столетий в России не была отделена от государственной властной системы, поэтому как православие, так и другие признанные конфессии выполняли обязательства идеологического регулирования.

Так как по дореволюционным статистическим данным невозможно говорить точно о количестве атеистов в обществе. Однако данные полиции пестрят делами по обвинению в богохульстве¹⁴⁹, которое можно расценивать по-разному: как агрессивные проявления атеистических взглядов, падение авторитета церкви или как обычное хулиганство.

Так, 27 августа 1916 г. в г. Камышин мещанка Серьгова, посещая баню, оставила при выходе свой нательный крест. Вернувшись, она обратилась к прислуживающей в бане мещанке Мыловой с вопросом, не видела ли та креста с цепочкой, в ответ Мылова с раздражением сказала: «Насрала я на ваш крест, если потеряли так сами и ищите».¹⁵⁰

---

¹⁴⁷ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11250. Л. 8, 9, 10.

¹⁴⁸ Там же. Д. 10799. Л. 1.

¹⁴⁹ ГАСО. Ф.10. Оп. 1 Д. 2635 Дело о крестьянине с. Горюши Хвалынского уезда Огольцове И. И., обвиняемом в оскорблении царя. 1916 г.; Там же. Д.10. Оп.1. Д. 2632. Дело о мещанине г Царицына Нидерере Арнольде Константиновиче, обвиняемом в оскорблении царя и др.

¹⁵⁰ ГАСО. Ф.10. Оп.1. Д. 2631. Л. 4.

Синод контролировал появление девиаций в православной вере, МВД - в других конфессиях. Кризис коснулся не только православной идеологии, но и других религиозных направлений. Сектантство получило выражение и среди лютеран (в Поволжье - группа «Танцующие братья»), католиков, мусульман и др.¹⁵¹

В период Первой мировой война характерной чертой общественной мысли и идеологической парадигмы в государстве стал процесс десакрализации царской власти и самого Государя. Следует отметить, что монархические символы и риторика зачастую использовались как прием политического и экономического лоббирования. Большая часть дел центральных и региональных архивов содержит разбирательства, в которых крестьяне во время повседневных споров привлекали монарха, опираясь на его образ, что служило провокацией представления противоположной стороны политическим преступников в случае оскорбления царя.

Б.И. Колоницкий подробно рассматривает процесс вовлечения императора как «заочного символического союзника» в конфликты и споры

---

¹⁵¹ *Баранов А.Н.* Воспоминания о мултанском деле // Вестник Европы. 1913.; *Даль В.И.* Исследование о скопческой ереси. СПб., 1841.; *Львов А.Л.* Простонародное движение иудействующих в России XVIII – XX веке: методологические аспекты этнографического изучения: автореф. дис. ... канд. ис т. наук. СПб., 2007; *Маргаритов С.* История русских рационалистических и мистических сект. Изд. 2-е, перераб. Кишинев, 1902; *Собрание постановлений по части раскола.* СПб., 1885; *Никитина С.Е.* Библейские сюжеты у духоборцев // Живая старина. 2002. № 3; *Берман А.Г.* Алатырская ересь. Из истории скопчества в Среднем Поволжье // Сны Богородицы: исследования по антропологии религий. СПб., 2006; *Мальцев А.И.* Источники по истории страннического согласия второй половины XIX века в собрании рукописей Института истории СО РАН: соборные постановления и послания руководителей согласия // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3; *Мягких Ф.Н.* Мой разрыв с сектантами-трясунами: рассказ бывшего проповедника. Владивосток, 1958; *Сребренитский Д.К.* Дубово-уметское царство: потайное учение хлыстовского направления в Самарской области // Этнос и культура Самары. 1997. № 1; *Андреев В.В.* Раскол и его значение в народной русской культуре: исторический очерк. СПб., 1870; *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России. 60-е годы XIX века – 1917 г. М., 1965; *Любопытный П.* Исторический словарь староверческой церкви, описывающий по алфавиту имена ученых, основателей согласий, пастырей с показанием их церкви, отличиями звания, жизни, лет, кончины и др. Петрополь, 1828; *Ильинский Н.П.* Религиозное сектантство и его идеология. Алма-Ата, 1958.

различных уровней, в том числе вокруг «национализации» русской промышленности, уничтожения «немецкого засилья» и т.д.¹⁵²

Интересным представляется уже ранее рассматриваемый различными исследователями факт представления Николая II в сознании подданных Российской империи как миролюбивого и спокойного государя, которого насильно втянули в войну «антагонисты».

Множество вопросов вызывает у исследователей и образ царя в официальной цензуре. В период патриотического подъема в годы Первой мировой войны перед широкой публикой представлялись различные образы монархии, в том числе без санкции императора, которые порою не соотносились с требуемыми пропагандой целями императорского дома¹⁵³.

В отечественной историографии не раз утверждалось мнение, что бушевавшие в годы Первой мировой войны шпиономания, ксенофобия и воинствующий национализм в совокупности оказывали разрушительное воздействие на российскую общественность.

Часто неудачи на фронте объяснялись тем, что в стране много, изменников, предателей и шпионов на высших должностях. Так, в сознании солдат укоренялись мысли, что за деньги, подарки нарушается всякая справедливость во взаимоотношениях между военнослужащими. Армейская масса делала вывод: если уж чистить армию, так надо «начинать с головы», т. е. с самого Николая II, ибо «какой это царь, который окружил себя жуликами и всякими мошенниками»¹⁵⁴.

Рейтинг Николая II, возложившего на себя функции Верховного главнокомандующего, снизился в армии до крайне низкого уровня. Этому способствовали истории с Распутиным, немецкое происхождение императрицы Александры Федоровны, так в армии ходила самодельная

---

¹⁵² Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. / Санкт-Петербургский ин-т истории Российской акад. наук, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. М., 2010. С. 412.

¹⁵³ Там же. С. 415.

¹⁵⁴ Пирейко А. В. В тылу и на фронте империалистической войны. Л., 1926. С.5.

открытка, на которой Григорий Распутин обнимает Николая II и Александру Федоровну с надписью: «Втроем-то лучше!» Солдаты громким и заливистым хохотом реагировали на нее, открыто говорили, что «царю Николашке недолго осталось править Россией»¹⁵⁵.

На фронте же все активнее в действующей армии муслировались слухи о «немецкой партии», якобы сложившейся вокруг императрицы Александры Федоровны, о других «темных силах», окружавших престол, о продаже немцам территорий России за золото и т. п. Известный российский историк Г.Л. Соболев отметил интересный факт, что почти все визиты Александры Федоровны в Ставку были строго засекречены, так как в войсках существовало твердое убеждение, «что после каждого такого посещения русская армия терпела поражения»¹⁵⁶.

Подобные настроения бытовали и в тылу. Так в с. Чернявка Балашовского уезда Саратовской губернии некий А.Р. Петров заявил уряднику Чернявской волости о том, что в декабре во время разговоров о войне в избе местного П. Юханова, крестьянин с Чернявки Петр Илларионович Петров 55 лет от роду, на замечание что и его возьмут на войну, ответил: «Насрал бы я царю на войну-то идти». В результате было произведено дознание и дело передано судебному следователю¹⁵⁷.

В материалах СГЖУ снижение рейтинга Николая II просматривается среди разных категорий населения, так, заключенный саратовской тюрьмы С.Ф. Мешков «кричал и ругал сквернословными словами тюремную администрацию... по отношению к особе Государя заявил «За что нас держать в тюрьме, что все мать эти Правительство и вместе с ним царь

---

¹⁵⁵ *Старцев В. И.* Последние дни империи. Страницы минувшего: Очерки. М.: Советский писатель. 1991. С. 129.

¹⁵⁶ *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. – СПб., 2009. С. 61.

¹⁵⁷ ГАСО. Ф. 10 Оп. 1 Д. 2640. Л. 12

Николай со своей разбойничьей шайкой и атаман Николай Николаевич <...> его Царя германец искрошит в котлеты»¹⁵⁸.

Эти примеры и приведенные в других главах работы описания событий, связанных с оскорблением Государя, богохульством служат индикатором массовых настроений начала XX в., когда Российская империя подошла к началу Первой мировой войны без четко и успешно функционирующей государственной идеологии и ее институтов.

Рассматривая национальный вопрос в Российской империи вначале XX в. в период Первой мировой войны и Великой российской революции часть исследователей сходится во мнении, что в этой проблеме власть руководствовалась скорее эмоциональным подходом, а не рациональным.

Военное командование обращалось к фобиям, а не существующему положению. Так, выселение евреев из прифронтовой полосы привело к стиранию черты оседлости. Евреи, поляки, литовцы сложно адаптировались во внутренних губерниях Российской империи. В районах приема выселенных немцев складывалась не менее трудная ситуация. Возникла диспропорция местного населения и выселенных, что затрудняло нормальное функционирование некоторых государственных структур. Например, в поселке Эльтон, на 178 жителей приходилось более 250 переселенных немцев-колонистов.¹⁵⁹ Такое положение было характерной чертой миграционных процессов в годы Первой мировой войны.

Национальные проблемы воспринимались двусмысленно, с одной стороны, государство имело подозрительное отношение к «неблагонадежным» национальностям, не проявлявшие открытой лояльности к правительству накануне и в период Первой мировой войны. С другой

---

¹⁵⁸ГАСО. Ф. 10. Оп.1. Д. 2629. Л. 4. Так же похожие случаи описывают материалы Д. 2635 «Дело о крестьянине с. Горюши Хвалынского уезда Огольцове И. И., обвиняемом в оскорблении царя.», Д. 2640 «Дело о крестьянине с. Чернявки Балашовского уезда Петрове А.Р. обвиняемом в оскорблении царя» и др.

¹⁵⁹ Цит. по: *Семенова Е.Ю.* Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография. Самара. 2012. С. 345.

стороны, к моменту, когда закончились ресурсы помощи беженцам, правительство переложило обеспечения выселенных на «национальные комитеты», которые, в свою очередь, поддерживали мигрантов: литовцев, поляков, евреев и армян. Комитеты, состоявшие из национальной ориентированной интеллигенции, стали площадкой для возвращения будущих национальных политических элит, пришедших к власти после крушения Российской империи¹⁶⁰.

Участники национального движения, состоящие в структурах системы помощи беженцам, опасались, что их народы будут рассеяны, повышалось эмоциональный градус практическим действиям. Массовое переселение привело к сокращению местных сообществ. Каждый из беженцев должен был стать частью национальной общности, ставшей более крепкой и массовой в условиях потери родины и попыток обретения ее.

Национальные комитеты рассчитывали на то, что замкнутое, общинное проживание беженцев в местах временного поселения, послужило бы залогом спасения от растворения в местном социально-этническом пространстве. Например, представители польского комитета приглашали еврейского лектора, который описывал беженцам ключевые этапы опыта еврейского народа по сохранению национальной идентичности в рассеянии¹⁶¹. Такие меры не способствовали интегрированию национальных меньшинств в районах поселения, а также не влияло на процесс снижения степени проявления ксенофобии у местного населения.

В условиях военного времени, поданные Российской империи с немецкими корнями, а также германские и австро-венгерские поданные ассоциировались с державами-противниками России в Первой мировой войне.

---

¹⁶⁰ Гартелл П. Война, бегство и рождение нации. Драма беженцев в царской России и ее последствия. 1914–1920 // Уроки истории XX век. [Электронный ресурс] URL: <http://urokiistorii.ru/node/52181> (дата обращения: 07.02.2014).

¹⁶¹ ГАСО. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

Говоря, об отношении городского населения Саратовской губернии к немецкому населению стоит учесть, что на формирование ориентиров общества влияет государственная идеология, официальная позиция в отношении поданных государств - противников в войне. В 1915 г. в рамках борьбы с «немецким засильем», был принят закон о ликвидации в Российской империи землевладения и землепользования российских немцев.

В докладе директору Департамента Полиции, характеризуя обстановку среди населения Саратовской губернии в 1915 г., докладчик отдельно остановился на отношении жителей губернии к местным немцам. Отмечалось, что среди населения неудовольствие вызвало слишком гуманное отношение правительства к немцам, проживающим в России: «немцы так с нами бы не поступили».¹⁶² Вообще под влиянием войны отношения между русскими и немецкими частью населения заметно ухудшились и зачастую становились обоюдно враждебными. Немцы, выполняя все свои повинности по отношению к государству, сочувствуют германцам и «всякие невыгодные о них отзывы принимают близко к сердцу».

Случалось, что спор между русскими крестьянами и немцами оканчивался угрозой немца: «вот наши придут сюда скоро, и тогда вам покажем»,¹⁶³ русские же, в свою очередь, относились недружелюбно к лицам немецкого происхождения или носящими немецкие фамилии, видели в них шпионов и писали на них доносы.

Среди немцев участились случаи оскорбления государя, что до войны не замечалось. Недовольство правительством увеличилось из-за возрастающей дороговизны предметов первой необходимости: продуктов, кожи, сапог, мануфактуры и др... «На этой почве в будущем возможны большие погромные беспорядки и самосуды над торговцами», - сообщал докладчик¹⁶⁴.

---

¹⁶²ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 21. Л.63

¹⁶³Там же. Л.63.

¹⁶⁴Там же. Л. 63 об.

В ходе этой кампании проверке на «лояльность» подверглись не только отдельные личности немецкой национальности, но и те отрасли промышленности, в которых немцы занимали ведущие позиции, в первую очередь – мукомольная, во главе которой стояли преимущественно выходцы из немецких колоний.

Отношение к немцам Поволжья, как к «сочувствующим» противникам России в войне, прослеживается и в представлении населения о деятельности в Саратове военно-промышленного комитета, председателем которого являлся саратовский мукомол-предприниматель с немецкими корнями Ф. Шмидт. Деятельность ВПК называли слабой, потому что напрямую связывали ее с немецким происхождением его председателя, который «не может отдать всей душой своему делу»¹⁶⁵. Одним из крупных дел комитета стала аренда завода германского подданного Беринга, находившегося в управлении коммерческой администрации. На заводе работали до 300 человек, готовящих станки для патронов и обточки снарядов. Кроме того, Комитет арендовал завод Гантке, где изготавливается колючая проволока. На нужды войны работали мастерская саратовского Александровского ремесленного училища.

Но в 1915 г. рабочие на заводе Беринга обратили внимание на двух мастеров немцев «грубо с ними обращавшихся, и, по их мнению, тормозивших работу». ВПК провел расследование, но не подтвердилось задерживание немцами работ, однако, два мастера были уволены.¹⁶⁶

«Немецкий вопрос» получил яркое выражение в Саратовской губернии в годы Первой мировой войны. Однако, и «мусульманский вопрос» также отразился на формировании представлений населения о действительности. Членство Османской империи в клане противников России в Первой мировой войне поставило перед российским правительством и местными властями задачу наблюдения за настроением мусульманского общества, в

---

¹⁶⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 21. Л.70 об.

¹⁶⁶ Там же. Л.70.

том числе, в целях пресечения развития панисламистского движения. Панисламизм, представлявший идею единения всех мусульман в мире в составе единого государства, создавал потенциальную угрозу развития сепаратистского настроения.

Первая мировая война обострила проблемы, волновавшие мусульман еще в довоенный период. К их числу можно отнести вопросы взаимодействия российских мусульман с мировым сообществом, роль религии в жизни обывателя и ее соотношение с государственной идеологией, право на признание самобытности в контексте религиозных норм и др.

Небольшое представительство имели мусульмане в составе городского населения Саратовской губернии – 1,3 % в среднем, при максимальных показателях в 1,3 % по г. Саратову (2983 чел.), 2,4 % – по г. Хвалынску (537 чел.), 2,7 % – по г. Кузнецку (906 чел.) и г. Вольску (1120 чел.), 2,9 % – пог. Царицыну (3407 чел.)¹⁶⁷

Саратовский губернатор в рапорте в МВД № 1069 от 31 октября 1914 г., сообщая о настроении местного общества, отметил, что у мусульман в настоящее время оно «лояльное», «возникшая война с Турцией пока, по-видимому, каких-либо изменений в это настроение не внесла»¹⁶⁸. При этом он подчеркнул: «Однако, несомненно, что имеющиеся указания на стремление Турции широко агитировать среди мусульманского мира в пользу священной войны против христиан, ввиду фанатичности мусульман должны вызывать серьезные опасения... не менее опасною является пропаганда явная, путем газет и других изданий на татарском и турецком языках, так как издания... по отсутствию на местах правительственных агентов, знающих эти языки, находятся... вне контроля. В виду сего я

---

¹⁶⁷ Подсчитано по данным: ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3545. Л. 17; Д. 3581. Л. 2 об.; Д. 3599. Л. 6; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Ведомость № 7. О числе жителей по вероисповеданиям Саратовской губернии за 1914 год (к 1-му января 1915 г.).

¹⁶⁸ Цит. по: Семенова Е.Ю. Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография. Самара. 2012. С. 378.

одновременно с сим обратился к почтовому начальству с просьбой впредь до особого распоряжения задерживать татарския и турецкия издания и не выдавать их из почтовых учреждений адресатам»¹⁶⁹. Указанный циркуляр был издан саратовским губернатором 6 ноября 1914 г. за № 1089, № 1088 и № 1090 соответственно в отношении начальников 8, 2 и 9 отделов перевозки почт по железным дорогам¹⁷⁰.

Опасения у власти вызывала возможность оказания мусульманами России помощи Турции как государству, жители которого являются по отношению к ним единоверцами, и самим туркам.

На отношение к еврейскому народу и его восприятие населением оказывало влияние официальной позиции государства в данном вопросе, как отметил А.Б. Цфасман, в годы войны антисемитская политика правительства имела важные последствия, и усиливала антисемитские настроения, прежде всего среди населения внутренних губерний, где доля еврейского населения до начала Первой мировой войны была ничтожной¹⁷¹.

Позиция государственных органов власти в отношении к евреям формировалась рядом факторов, в частности, недовольством, связанным с «засильем» евреев на управляющих должностях в различных учреждениях, что сопровождалось, по их мнению, притеснением русского населения.

В газете «Саратовское вече» 22 марта 1915 г. под заголовком «Вездесущие» был опубликован фельетон, в котором содержались строки:

Проклятье нашему шлю веку <...>

Ведь это сушая беда:

Буквально плюнуть невозможно,

Чтоб не попасть у нас в жида.

---

¹⁶⁹ Цит. по: Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография. Самара. 2012. С. 379.

¹⁷⁰ Там же. С. 380.

¹⁷¹ Цфасман А. Б. Первая мировая война и евреи России (1914–1917) // Человек и война (Война как явление культуры): сб. статей. М., 2001. С. 179.

*А.В.*¹⁷²

В саратовской газете «Волга» 27 мая 1915 г. под характерным названием «В чьих руках военные секреты» отмечалось: «В... Царицыне открыт новый пушечный завод... В чьих руках находится руководство работами на этом заводе, представляющем такое громаднейшее значение для нашего артиллерийского дела. Официальным директором завода состоит г. Ивицкий... фактическим директором завода является его помощник, Е. Г. Крушел. Е. Г. Крушел – крещеный жид... Инженерами завода состоят: Истомин Давид, жид, Столопай Израиль Беркович, Абельман “Николай” Самуилович, Богуславский Яков Израилевич... главным бухгалтером П. А. Смирнов, православный, но женат на жидовке... Химическое отделение завода... сдано заводом «подрядчику» - доктору химии Шпунту Михелю Гиршевичу, жиду... Другой отдел завода сдан жиду доктору Слоуцкому... Вообще из 39 членов администрации завода 30 человек крещеных и некрещеных жидов и немцев... В таких руках военные секреты... Царицынского пушечного завода»¹⁷³.

Таким образом, в условиях Первой мировой войны присутствие на территории России народов, с официальной точки зрения - иностранцев, рассматривалось чаще всего в «политическом контексте».

В отношении мусульманского населения тесно переплетались национальный и религиозный вопросы, так как их деятельность связывали с участием в движении панисламизма. В отношении к немецкому населению, появилась тенденция ассоциировать его жизнедеятельность с интересами Германии – противником России в войне. Новый виток «обострения» получил так называемый «еврейский вопрос», что выразилось проявлении юдофобии.

---

¹⁷² РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 16. Л. 68–69.

¹⁷³ Цит. по: *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография. Самара. 2012. С. 399.

Рассуждая о глобальном влиянии Первой мировой войны на человечество, исследователи отмечают ряд политических, экономических и культурных факторов. О том, как Первая мировая война отразилась на сознании человека начала XX в., написано немало художественной литературы, судьба «потерянного поколения» не раз становилась главным сюжетом литературных шедевров прошлого столетия.

В исторической науке в последние десятилетия получила распространение проблема отражения Первой мировой войны в сознании населения разных стран. Современные зарубежные исследователи рассматривают проблему милитаризации общества начала XX в. в рамках концепции «брутализации» населения после Первой мировой войны. В российской историографии среди исследователей используется понятие «военизированного насилия», применяемое для оценки деятельности различных военизированных формирований, в том числе, в 1917–1920 гг. Этот термин впервые появился в зарубежной историографии в 1930-е гг. и использовался для характеристики вооруженных политических формирований, созданных и функционирующих по военному принципу в фашистских государствах. Позже его стали применять и для обозначения формирований, принимающих участие в антиколониальных и постколониальных конфликтах.

Почти утвердившимся в трудах различных авторов считается вывод о том, что Первая мировая война вскрыла человеческую жестокость, которая в обычных условиях не имела бы таких масштабов. Во время войны стирались привычные нормы и модели поведения, что повлияло на активизацию насилия различных форм уже в послевоенное время. Такие процессы нашли отражение в термине о «брутализации» общества.

Широкое изучение через призму концепции «брутализации» получила история Веймарской республики. К числу первых работ, в которых рассматривается тезис о «брутализации» европейского общества после Первой мировой войны, относится книга историка французского

происхождения Георга Моссе «Fallensoldiers»¹⁷⁴ 1990 г., который фактически дал импульс для других исследователей к рассмотрению культурной истории Первой мировой войны.

Моссе как раз таки обосновывал существование прямой причинно-следственной связи между опытом солдат, полученным на фронте и опытом насилия, применяемым в период прихода к власти национал-социалистов в Германии, а также деятельностью фрайкоров. Военный опыт, по утверждению Моссе, привел к умалению моральных ценностей и банализации убийства. Кроме того, Г. Моссе одним из первых задумался о судьбе военизированных формирований, возникших после Первой мировой войны.

Как и Г. Моссе, Э. Пикар видел проявление неограниченного насилия, возникшего после Первой мировой войны, в гражданских войнах и геноциде в некоторых странах¹⁷⁵.

Обращаясь к послевоенным военизированным формированиям, исследователи отмечают похожий состав групп, применяющих насилие. Лектор Дублинского Тринити-колледжа, специалист по истории войны за независимость Ирландии 1919–1921 гг., Энн Долан, рассматривая состав ирландских фрайкоров, отмечает существование в них экстремистов, безразличных к своему делу и служащих исключительно ради жалования¹⁷⁶. Таким образом, модели поведения и настроения отдельных членов различных военизированных формирований, образованных в межвоенное время, были достаточно пестрыми.

Если исходить из основных тезисов концепции «брутализации», то можно утверждать, что гражданская война в России также стала одним из

---

¹⁷⁴*Mosse G. L. Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1990. 264 p.*

¹⁷⁵*Picard E. A propos d'une notion récente : la culture de guerre. Frédéric Rousseau. Guerres, paix et sociétés, 1911–1946, Atlande, 2004. P.4.*

¹⁷⁶*Долан Э. Британская культура военизированного насилия в ирландской войне за независимость // Герварт Р., Хорн Д. (ред.) Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917-1923. М., 2014. С. 331.*

проявлений неограниченного насилия в послевоенный период. Военизированными вооруженными формированиями, возникшими после Первой мировой войны, стали, в том числе, отряды Красной и Белой гвардий. Красная гвардия, сформированная из рабочих, крестьян, солдат и матросов, имела схожую организацию с боевыми дружинами 1905 г. Ее комплектация происходила из числа добровольцев разного возраста, но преимущественно молодых, многие из которых имели опыт военных действий.

В целом тезис о «брутализации» европейского послевоенного общества вызывает многочисленные дискуссии, связанные с различными его аспектами, в частности, своего рода «выборочной брутализацией». Г. Моссе и поддержавший основные положения его теории А. Про подчеркивали, что из ряда «брутализированных» послевоенных европейских обществ исключаются некоторые страны, в том числе Франция и Великобритания. Более того, ветераны этих двух стран в свое время утвердились именно на пацифистских позициях. Этот и некоторые другие факты сформировали среди оппонентов Моссеи Про точку зрения, не рассматривающую военный опыт фронтовиков как основополагающую причину военизации и огрубения, т. е. повышения степени насилия, применяемого в послевоенных обществах. Так, Бенъямин Циманн¹⁷⁷ и Ричард Бессел¹⁷⁸ отмечали, что военный опыт не следует рассматривать как единое целое ввиду сословных и классовых различий в восприятии войны, т. е. разной реакции на военный опыт. По их мнению, демобилизация солдат была встречена населением положительно, следовательно, вчерашние солдаты отказывались от прошлого опыта¹⁷⁹.

Применительно к российской действительности в 1918 г. многие солдаты, демобилизованные с фронта, окунулись в горнило

---

¹⁷⁷ *Ziemann B.* Germany after the First World War – A Violent Society? Results and Implications of Recent Research on Weimar Germany // *Journal of Modern European History*. 2003. № 1. P. 80–95.

¹⁷⁸ *Bessel R.* Germany after the First World War. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 325

¹⁷⁹ *Аленичева Н.В.* Концепция «брутализации» общества и ее возможности для анализа Великой российской революции // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2022 Т. 22, вып. 2. С. 158–163.

разворачивавшейся Гражданской войны. Как многие видные партийные и военные деятели СССР имели боевой опыт на фронтах Первой мировой и Гражданской войн: М. Н. Тухачевский, полный кавалер Георгиевского креста и Георгиевской медали всех степеней С. М. Буденный, так и обычные солдаты с фронта одной войны, отправились на фронт другой, среди них начальник Красной Армии, житель Балаково Николаевского уезда – В. И. Чапаев и др.

Однако брутализация – это комплексный процесс, и огрубение общества не представляется его самым важным аспектом. Он отмечает роль в «брутализации» процесса мифологизации войны и тиражирование военного опыта среди населения стран, потерпевших поражение в Первой мировой войне. На фоне поражения в войне и дискуссиях о ее причинах в этих странах не удалось создать культ памяти. Так, в Германии в отличие от Франции и Великобритании не было ни одного памятного места или памятного дня, посвященного Первой мировой войне. Такой вывод можно переложить и на понимание Первой мировой войны в советском государстве.

Гражданская война, сопровождавшая ее интервенция и приход к власти Советов, исключили траур и создание мемориалов в память об «империалистической» буржуазной войне. Конечно, в СССР 1920-х гг. память о Первой мировой войне существовала и выражалась в других коммеморативных формах, например в юбилейных кампаниях, проводимых в рамках агитационно-пропагандистской работы, в том числе посредством Коммунистического интернационала. Такие мероприятия были призваны решать задачи текущей обстановки, формируя образ Первой мировой войны как захватнической и империалистической. Однако посредством юбилейных кампаний предполагалось распространять коммунистические идеи в западных странах, привлекать на свою сторону новые силы. 1 августа

воспринимался не как день памяти жертв войны, а носил «характер боевого смотра революционных пролетарских сил»¹⁸⁰.

В 1930-е гг. в немногочисленных работах историков, посвященных Первой мировой войне, внимание смещается на «виновников» развязывания войны. Роль царской России уходит на второй план, а в авангарде главных подстрекателей этой войны становится сначала Великобритания, а после прихода к власти НСДАП – Германия. «Краткий курс...» изменил образ мировой войны, ориентируясь на текущую обстановку. Память о войне как трагедии и подвиге народа практически перестала существовать.

А. Про также отмечал прямую взаимосвязь огрубения общества и жестокости отдельных индивидов, так как последнее является самым условием первого¹⁸¹. Обратившись к ситуации в Российской империи и Саратовской губернии, в частности, можно заметить взаимосвязь настроений солдат, дезертиров и изменения взглядов населения городов, в которых их мнения распространялись¹⁸².

К 1917 году в воинских частях скопилось большое число солдат, не желавших служить и тем более воевать. Масса дезертиров, бродя по городам и селам, не имевшими определенного занятия и средств к существованию, представляли угрозу властям при возможных волнениях.

В Саратовской губернии беглые солдаты бродяжничали, грабили, мародерствовали, солдаты тыловых гарнизонов являлись инициаторами огромного количества пьяных погромов и беспорядков. Помимо этого, происходило распространение среди населения слухов о военных неудачах России, о бездарном командовании и правительстве и о самом монархе. Так

---

¹⁸⁰ Международный день против империалистической войны // Коммунистический интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ / под ред. БелаКуна. М.: Партийное издательство, 1933. С. 909.

¹⁸¹ Prost A. Les Limites de la brutalisation: tuer sur le front occidental en 14–18 // Vingtième siècle: Revue d'Histoire, 5, January-March. 2004/1. № 81. P. 11.

¹⁸² Аленичева Н.В. Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 557.

из доноса жителей села Тарапатино, Камышинского уезда, Саратовской губернии на приехавшего с фронта солдата докладывалось, что «30-летний С.С. Тарапата, бывший солдат, раненный на войне, сказал: «Мы и ЦАРЯ ... (брань) а вас-то и вовсе», а две крестьянки утверждали, что ночью они якобы подошли к его дому и, приоткрыв ставню, услышали: «Теперь время ЦАРЯ нашего отошло, мы Его и Фамилию Его ... а правую руку и вовсе».¹⁸³ Слухи, распространяемые солдатами в тылу, ругательства, все это вместе возбуждало население губернии, как городское, так и сельское.

Но война «в умелых руках» станет и инструментом мобилизации населения. Как рычаг воздействия на массы Первая мировая война использовалась большевиками при обсуждении вопроса о мире, который после событий февраля 1917 г. стал одним из самых острых в России. Первым декретом советской власти стал именно Декрет о мире, составленный В. И. Лениным. Его издание было главным шагом Советов в соперничестве со Ставкой за лояльность армии. Очевидно, что советской власти требовалось как можно скорее вырвать армию из рук старых военных властей. Глава СНК в качестве рычага воздействия на армию использовал апелляцию к массам. И вопрос о мире – один из принципиальных вопросов революции, «отражающий чаяния народа, обычных солдат и матросов» - был главным козырем в борьбе с «милитаризованной Ставкой».

Ставка же упорно вкладывала в головы офицеров мысль о том, что большевики с подачи союзников стремятся к заключению предательского мирного договора. Во многом эскалация конфликта, связанная с пониманием целей данного договора, и продолжающаяся борьба за армию подтолкнули к началу Гражданской войны в России.

О символическом влиянии военизированного насилия рассуждает аспирант Берлинского университета Гумбольдта Джулия Айхенберг в работе «Из солдат-в штатские, из штатских-в солдаты: Польша и Ирландия после

---

¹⁸³ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 321.

Первой мировой войны». Рассматривая проблему «брутализации» общества в начале XX в., она также подчеркивает идею об «ультрамаскулинном» характере военизированного насилия в послевоенных обществах, и, по ее мнению, история Ирландии и Польши – подтверждение этого правила.

Своеобразные «афтершоки» войны подчеркивались ветеранами, для которых не были новыми аскетизм, насилие и оружие. Этот опыт и его влияние на других членов общества можно оценить и вкладом военизированных группировок в формирование нации. По мнению Д. Айхенберг, их роль оставила «неудобное и пагубное наследие, препятствовавшее признанию вклада «неожиданных» комбатантов, т. е. детей, подростков и женщин, и затруднившее их интеграцию в национальную память»¹⁸⁴.

Такие препятствия в процессе интеграции Д. Айхенберг видит в их опасности для нового стабильного политического режима. В первую очередь, потому что военизированные группировки не соблюдали социальные функции вне военного времени, а также из-за того, что выступали альтернативой для национального мифотворчества и самолегитимации.

Таким образом, опыт войны и его мифологизация имели различные трактовки в зависимости от цели их использования. Применима эта формула трансформации из «защищающего» в «угрожающего» и к российской действительности.

Изложенное заставляет задуматься над проблемой «брутализации» российского общества в период Великой российской революции 1917–1922 гг. Популярно в этой связи мнение У. Розенберга о том, что происходившие в различных регионах Российской империи революции – политические, национальные конфликты с первых месяцев 1917-го до осени 1918 г., могли и не быть насильственными по своей природе. Однако сосредоточение властных ресурсов в руках меньшей по численности, но

---

¹⁸⁴ Айхенберг Д. Из солдат – в штатские, из штатских – в солдаты: Польша и Ирландия после Первой мировой войны // Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917 – 1923: Сб. статей. М., 2014. С. 316.

имеющей общую цель большевистской партии зимой 1917/18 г. в разгар Первой мировой войны дало мощный толчок революционному насилию, последствием которого стало возникновение армии, «чьей основной целью являлись жестокие репрессии против революции, и в первую очередь — против революционеров»¹⁸⁵. Параллельно с этим в России революционеры организовывали формирования, действовавшие наряду с Красной армией, например, вооруженные отряды при комбедах и др.¹⁸⁶

Саратовская губерния с увеличившимся количеством представителей военного сословия среди горожан в условиях Первой мировой войны «ощутила» последствия «брутализации», главным образом, через действия солдат и дезертиров на территории губернии: погромы лавок и винных складов, изнасилования, дебош. После революционных событий февраля, а особенно, после октября 1917 г. солдаты стали одним из ключевых инструментов борьбы за власть саратовских большевиков. После осуществления манипуляций по преобразованию разрозненной солдатской массы в организованные вооруженные формирования - отряды Красной Гвардии, большевики смогли постепенно взять под контроль особенно «брутализированную» часть общества.

Несмотря на то, что проблема «брутализации» возникла не впервые в начале XX в., «культура войны» вошла в повседневность некоторых обществ и просуществовала долгое время. «Афтершоки» Первой мировой войны проявлялись на протяжении нескольких последующих десятилетий. Однако все причастные к опыту военизированного насилия лишь выборочно интегрировались в национальную память народов СССР и некоторых европейских стран.

---

¹⁸⁵ *Розенберг У.Г.* Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917 – 1923: Сб. статей. М., 2014. С. 37.

¹⁸⁶ *Аленичева Н.В.* Концепция «брутализации» общества и ее возможности для анализа Великой российской революции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022 Т. 22, вып. 2. С. 158–163.

Таким образом, политические, идеологические, социально-экономические процессы, вызванные Первой мировой войной, сыграли важную роль в повседневной жизни населения Саратовской губернии, начиная с 1914 г. Миграции, в военных условиях приводили к эвакуации беженцев в центральные губернии России, которые становились из-за этого перенаселенными. Первая мировая война увеличила число мигрантов в том числе в тыловой Саратовской губернии. Взаимоотношения беженцев с местным населением были сложными, а меры руководства в отношении мигрантов не приводили к адекватной адаптации их в эвакуированный район.

Особыми раздражителями для населения городов Саратовской губернии стали мобилизация мужчин на фронт, что также сказывалось на динамике городского населения. Острой проблемой горожан стала усиливающая дороговизна продовольственных и промышленных товаров, при этом меры, принимаемой властными структурами в губернском центре и уездах, не приносили желаемого результата. При этом принятые на территории Саратовского Поволжья чрезвычайные меры становились дополнительными дестабилизирующими факторами.

Влияние кризиса в продовольственной сфере в военный период на настроения городского населения Саратовской губернии было значительным, его обострение провоцировало «раскачивание» социально-политической стабильности. Невозможность в условиях Первой мировой войны привычного использования продовольственных ресурсов, очереди, вызывало неудовлетворенность, а порою приводило к «погромному настроению». Эти факторы приводили к антиправительственным настроениям, негативному отношению к войне, ухудшающей благосостояние общества.

На мировоззрении саратовцев начала XX в. отразились общеимперский идеологический кризис, вызванный кризисом церковных институтов, а также начавшийся процесс десакрализации царской власти. Эти процессы среди городского населения Саратовской губернии выражались в актах хулиганства, богохульства и оскорблениях монарха.

Возможно не решающим, но не менее важным фактором стало разрушение привычных жизненных норм и ценностей, вызванных Первой мировой войной. Военный бэкграунд вернувшихся в родной город фронтовиков отразился на их дальнейшей жизни, в Саратове и уездных городах зачинателями погромов и источниками критики правительства были именно фронтовики. Война стерла привычные модели поведения, что повлияло на активизацию насилия различных форм уже в послевоенное время, в том числе в период Великой российской революции.

Глава 2. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ЭВОЛЮЦИЮ НАСТРОЕНИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТИХИИ 1917-1918 ГГ.

2.1. Деятельность политических сил в Саратовской губернии в период двоевластия 1917 г.

Вопросы, связанные с пониманием проблемы взаимовлияния политических партий, движений и масс в России, являются ключевыми для осмысления политических кризисов в истории российской государственности XX в.

На протяжении десятилетия, вплоть до наших дней продолжается спор об обусловленности победы большевистской партии, поражения других политических сил, которые в начале кризисного периода были более популярными. Размышляя об этом, стоит помнить, что большевистская партия в 1917-1918 гг. в сознании электората ассоциировалась не с опытом большевизма в конце 1920-1930-х гг., а с представлениями о партии большевиков именно в период революционных событий в России. При советской власти альтернативы большевистской победе исключались, в воспоминаниях партийцев общим было, по крайней мере, публичное мнение о «фальшивости революционных идей эсеров и меньшевиков» и «установлении анархии без победы большевистской власти»¹⁸⁷.

В этой связи важным для понимания исторической логики выбора Россией пути политического и экономического развития, получившего поддержку среди масс, становится изучение массового сознания эпохи Великой российской революции.

Стоит отметить, что массовые настроения в кризисный период необходимо рассматривать не только как объект воздействия политико-

---

¹⁸⁷ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 11. Л. 1.

идеологических конструкций, но и как фактор, оказывающий влияние на сами политические партии¹⁸⁸.

В историографии данного вопроса, большой популярностью пользуются исследования, посвященные процессу борьбы политических партий за народные массы, в которых утверждается мнение о взаимосвязи текстов партийных программ с реальным успехом каких-либо партий. Однако не может быть априорным мнение о том, что электорат имеет сознательное мнение о партии, которое он сформировал путем изучения ее программы и соотнесения со своими существующими интересами. Постепенное движение к некой политической определенности в период Великой российской революции происходило не в тесном сотрудничестве с рациональными конструкциями.

О расхождении программ партии и мнения о них в народном сознании говорил и адвокат, политический деятель В.А. Маклаков: «политическая сила каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. обывательской массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии обыватель. Оно часто не совпадает ни с мнением, которое имеет о себе партия, ни с тем, которое она о себе стремится внушить. Суждение обывателя проще...»¹⁸⁹.

Такой подход к складыванию представления о политической партии существовал не только в широкой «темной» массе, но и в рядах российской интеллигенции. Так, адвокат ФН. Плевако, вступая в партию, на вопрос о знакомстве с ее программой ответил: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?...»¹⁹⁰.

---

¹⁸⁸ Кириллов Н.П. Массовое сознание. Структура. Генезис. Сущностные характеристики (Вопросы теории и методологии). Кн. II. Томск, 1995. С. 58.

¹⁸⁹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 253.

¹⁹⁰ Там же. С. 254.

Публицист и писатель В.В. Розанов так описал свой политический выбор еще в спокойный дореволюционный период: «Подавайте, Василий Васильевич, за октябристов, – кричал Боря, попыхивая трубочкой. – Твои октябристы, Боря, болваны; но так как у жены твоей удивительные плечи, а сестра твоя целомудренна и неприступна, то я подам за октябристов. И подал за них (в 3-ю Думу - *Н.А.*)»¹⁹¹.

В условиях революционных событий, многообразии партийных речей неискушенному российскому электорату было непросто определиться со своими политическими симпатиями путем обращения к партийным документам. М.А. Волошин, стремившийся определить в мае 1917 г., что «можно было бы пожелать сейчас России», и разобраться в том, чья политическая программа более подходит к этому выбору признавался: «...читая газеты, я по очереди соглашаюсь с самыми противоположными мнениями, только проявления человеческой глупости меня выводят из себя...»¹⁹².

Об отсутствии интересов к программам политических партий признавался и сами партийные деятели. К примеру, А.Ф. Керенский вспоминал: «Было очень утомительно выслушивать нескончаемые обсуждения научных и совершенно нежизнеспособных программ. В тот момент меня меньше всего интересовали политические программы. И говорил себе, что ни программы, ни дискуссии не ускорят грядущего и не отменяют случившегося. Революцию порождает не только мысль, она проистекает из самых глубин человеческих душ и сознания. И действительно, все проекты, программы, теории были отброшены и забыты, прежде чем их успели практически воплотить авторы, которые двинулись дальше диаметрально противоположным путем»¹⁹³.

---

¹⁹¹Розанов В.В. Уединенное: Соч. М., 1998. С. 422.

¹⁹²Волошин М.А. Из литературного наследия (Из неизданного). Вып. II. СПб., 1999. С. 160.

¹⁹³Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 37.

В среде рабочих, солдат и крестьян тексты программ партий вызывали не больший интерес, чем у А.Ф. Керенского. Первоначально для народных масс, впервые вовлеченных в участие в политике - определению «своей» партии, программы партий были схожими. Каждая из них хвалила свои утверждения, выступая за свободу и власть народа, а также раздавала устные обещания о скорой хорошей жизни.

Накануне революции, в годы Первой мировой войны влияние политических партий на настроения городского населения ограничивалось запретами на антиправительственную деятельность и эффективной работой Губернского жандармского управления (Далее. – ГЖУ), осуществлявшей контроль над партийными работниками.

Сообщая о деятельности одной из самых активных партии социал-демократов в Саратовской губернии, начальник Саратовского ГЖУ в рапорте от 21 ноября 1914 г. № 43863 указал, что «в г. Саратове социал-демократической организации в настоящее время не имеется», «не имеется даже и отдельных, серьезных партийных деятелей»¹⁹⁴.

В докладе в Департамент полиции отмечалось, что в 1915 г.: «вновь в Саратове организуется марксистский кружок, под влиянием, главным образом помощников присяжных поверенных Антонова и Оппокова, известных департаменту полиции по агентурной записке». Указывалось, что члены этого кружка проводят агитацию среди рабочих за объявление забастовки. Полторы тысячи рабочих 11 января 1916 г. потребовали немедленной прибавки платы за труд, в противном же случае обещали забастовать, утверждая, что «если остановится движение, то через 2-4 дня им точно дадут хоть какую-то прибавку»¹⁹⁵. Сами рабочие, согласно докладу в Департамент полиции, утверждали, что если бы «не чрезмерная дороговизна, то они никогда бы не решились на забастовку...семейные рабочие были

---

¹⁹⁴ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г.: в 2 т. Т. 1. М.-Л., 1925. С. 13.

¹⁹⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 8. Л.16.

поставлены в совершенно безвыходное положение. Последним толчком же стало взвинчивание цен на муку местным мукомолом Шмидтом, благодаря чему мука становится для них недоступной»¹⁹⁶.

Этот пример демонстрирует подъем движения рабочих в годы Первой мировой войны, в первую очередь, вызванный недовольством их материального положения в период войны, что отмечалось в первой главе работы. Агитация политических партий имела успех в массе, в случае ее недовольства каким-либо материальным фактором. Проводимая агитация сопровождалась давлением на «голодный желудок» рабочих и возросшую дороговизну товаров.

Война осложнила деятельность большевиков, увеличилось число арестов партийных организаций. Весной 1915 г. в Саратов прибыл член редакций газет «Звезда» и «Правда» М.С. Ольминский, который приложил усилия к созданию в городе большевистского кружка и формированию на предприятиях ячеек РСДРП (б) по 10 человек, печати прокламаций и организации стачек. Уже к 1916 г. саратовский социал-демократ В.П. Антонов-Саратовский отмечал грамотную работу по выявлению эсдеков жандармским управлением в городе: «к концу года мы (РСДРП) имели свои ячейки почти во всех предприятиях города. Каждая такая ячейка представляла собственно кружок от 10 до 20 человек», а жандармерия была «прекрасно осведомлена о наших партийных кличках... и нелегальщиках... и обо всей нашей работе»¹⁹⁷. В квартирах саратовских партийных деятелей периодически проводились обыски и изъятие прокламационного материала¹⁹⁸.

После январских забастовок зимой 1916 г. были арестованы большевистские активисты Г.И. Оппоков, М.А. Лебедев, В.П. Антонов. В

---

¹⁹⁶ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 8. Л. 17 об.

¹⁹⁷ *Антонов-Саратовский В. П.* Саратов в годы империалистической войны (1914–1916 гг.) и «Наша газета» (Из личных воспоминаний) // Пролетарская революция. 1923. № 4 (16). С. 41, 54.

¹⁹⁸ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 202–203.

момент их проводов в ссылку в апреле 1916 г. на пристани собралась толпа, распевавшая революционные песни и произносившая антиправительственные речи. В этот же день был проведен масштабный арест – 47 человек, новый виток арестов произошел в декабре этого же года, который нанес сильный удар по деятельности антиправительственных организаций в городе.

Для организации легальной работы социал-демократы формировали общественные организации, для осуществления своей работы, так, в период Первой мировой войны большевикам удалось занять в просветительном обществе «Саратовский маяк» лидирующее положение и использовать его для целей пропаганды под видом просветительских лекций.

В отчете о производстве дознания деятельности РСДРП в Саратовской губернии в январе 1917 г. отмечалось: «Местная организация «саратовская инициативная группа РСДРП возникла в 1916 г., деятельность этой организации проявилась в следующем: были изданы революционные издания, у организации имеются технические предприятия типографии, лаборатории, склады литературы и оружия»¹⁹⁹.

Однако, в докладе о настроениях в уездах Саратовской губернии за 1916 г. говорилось: «Вообще настроения умов населения в уезде не видно заметного сдвига влево. Большинство населения хотя и чуждо крайне правых тенденций, но нисколько не сочувствует и левым партиям».²⁰⁰

Саратовская губерния являлась аграрным регионом с преобладанием крестьянского населения, поэтому не удивительно, что огромной популярностью и влиянием здесь пользовались эсеры и были одной из сильнейших партий в губернии. Большевики, меньшевики, правые и левые эсеры составляли главные политические партии и боролись за власть в губернии. Каждая из партий старалась оправдать именно свои действия и выставить в неблагоприятном свете конкурентов и соперников.

---

¹⁹⁹ ГАСО. Ф. 53. Оп 8. Д 10. Л. 2.

²⁰⁰ Там же. Л. 2.

Осмысление сути и хода политического противостояния в 1917 г. связано с определением взаимосвязей крестьянства с политическими партиями: кадетами, меньшевиками, эсерами и большевиками. В рамках изучения массовых настроений городского населения стоит учитывать, что еще с XIX в. значительная часть крестьян, занимавшихся отхожими промыслами, переселялась в город, иногда временно, но случалось, что в последствие на постоянную основу. Одним из отходов, который связывал крестьян с городом, был неземледельческий отход, т.е. не имеющий непосредственной связи с сельским хозяйством, например, фабричный. Отходничество способствовало переселению крестьян в города, причем значительная их часть полностью порывали с сельской жизнью и становились городскими жителями. Другая часть оставались полукрестьянами, полугорожанами, имеющими городские заработки, но при этом продолжающие обрабатывать свои земельные наделы. Такие процессы происходили и в крупнейших городах империи, так часть исследователей называли Санкт-Петербург и Москву крестьянскими городами, потому что абсолютное большинство жителей столиц были вчерашними крестьянами. К таким же «крестьянским городам» можно отнести г. Саратов и уездные города Саратовской губернии начала XX в.

В целом, влияние партий на городское население до февраля 1917 г. не было значимым. Деятельность оппозиционных партий заключалась в участии в выступлении партийцев в различных обществах, издании легальных и нелегальных листовок и газет. Все они находились под контролем местного ГЖУ, а при активной работе арестовывались и высылались за пределы губернии.

Февральские события 1917 г. изменили роль политических партий в жизни городского населения губернии, активизировалась деятельность партий, но при этом в настроении горожан вскоре проявилась тенденция абсентеизма.

Борьба за политические симпатии разворачивалась в условиях взаимных обвинений политических партий, по свидетельству кадетского публициста А.С. Изгоева: «каждая партия своих соседей ругает “буржуями”. Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, не своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков “буржуями”, а меньшевики доказывают, что большевики – мелкобуржуазная партия»²⁰¹.

Российская многопартийность начала прошлого века описывается как «воплощение своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции...своеобразный, порожденный имперским патернализмом “пустоцвет”, способный, однако, провоцировать смуту», а «если в смутные времена кто-то выигрывает, кто-то чаще бесповоротно – проигрывает, то из этого не следует, что восторжествовали чьи-то программные установки»²⁰².

Такая ситуация характеризовала отношение к программам политических партий в центре, какое же, в свою очередь, положение складывалось в регионах?

Как отмечалось в самарской кадетской газете «Волжский день» к осени 1917 г. в уездных городках Саратовской губернии совершенно невозможно было установить, к какой партии принадлежит какой-либо общественный деятель, так как их позиция зачастую сменялась: «вчера был социал-демократ, сегодня – социалист-революционер, а завтра он будет, наверное, кадетом. Никакой партийной дисциплины и чистоты»²⁰³.

Справедливо отметить, что умонастроения людей, входящих в одну и ту же партию, могли по-разному преподносить и представлять программные установки политической организации, как заметил еще И.И. Петрункевич:

---

²⁰¹ Изгоев А. Социалисты и крестьяне. М., 1917. С. 5.

²⁰² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 40, 41, 203.

²⁰³ Волжский день. Самара, 1917. 26 июля. С.2.

«российские либералы, радикалы и революционеры различались не политическими целями, а темпераментом»²⁰⁴.

Если говорить о народных массах, то будет интересным отметить выражение В.П. Булдакова, о том, что «революцию делают маргиналы, чей экстермизм естественно связан с потребностью в самоидентификации».²⁰⁵ Не менее важным представляется образ политика, представляющего то или иное политическое движение. Из ряда саратовских большевиков можно выделить нескольких самых ярких представителей: В.П. Антонова-Саратовского и М.И. Васильева-Южина.

Саратовский меньшевик И. С. Гольц так характеризовал одного из лидеров социал-демократического движения в Саратове – М. И. Васильева-Южина: «Типичный демагог. Он не мог спокойно стоять на трибуне. Он не говорил, а выкрикивал в адрес своих политических противников всяческие несуразные обвинения. К меньшевикам и эсерам он питал зоологическую ненависть. Ни одно заседание с его присутствием не проходило, чтобы в зале не было скандалов. Не случайно Васильев получил одиозную кличку – “большевистский Пуришкевич”»²⁰⁶.

Более положительную оценку меньшевик Гольц дал П.А. Лебедеву и В. П. Антонову-Саратовскому: последний – «выделялся своей неумной энергией и стилем выступления с трибуны. Его выступления были спокойными и уравновешенными, аргументы – обоснованными»²⁰⁷. «Лебедев – типичный русский интеллигент формации конца прошлого века. Скромный. Спокойный. Тактичный. Ни разу не слышал, чтобы он с трибун выступал с привычной для большевистских ораторов политической демагогией. В кругах эсеров и меньшевиков его считали эрудированным

---

²⁰⁴ *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 169.

²⁰⁵ *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М. 2010. С. 243.

²⁰⁶ *Кумаков А.В., Симонов А.А.* Пролетарская революция, какой мы ее не знаем: В 2 кн. Кн.1. Саратов, 2016. С. 16.

²⁰⁷ Там же. С. 17.

марксистом, но не ленинистом. Среди рабочих-большевиков он пользовался очень большим уважением»²⁰⁸.

Лидерами саратовских меньшевиков были Чертков, Майзель, Топуридзе Д. А. – «саратовский Керенский», скрывшийся после взятия Думы большевиками в октябре 1917 г.

Образ представителей партии в представлениях населения города играл важную роль в восприятии какой-либо политической силы. Как показал опыт революции в России, выигрыш какого-либо политика не означает, что его программные установки восторжествовали над установками других политических деятелей. Их образ, формировавшийся в толпе, играл одну из важнейших ролей в имидже политика и его успеха на политическом поприще. Однако, в провинциальном городе, имидж политика и степень его влияния уступали значимости образа «столичных» вождей партии.

Как уже отмечалось, причины победы и поражений политических партий в борьбе за массы не следует искать исключительно в их программах. М. Дюверже так характеризовал специфику жизни западной партийной организации: «Организация партий покоится главным образом на практических установках и неписаных правилах, она почти полностью регулируется традицией. Уставы и внутренние регламенты всегда описывают лишь ничтожную часть реальности, ведь на практике им редко следуют неукоснительным образом. Одним только ветеранам партии хорошо известны все перипетии организации партии и тонкости интриг, которые в них завязываются»²⁰⁹. Отчасти эта характеристика соотносится с российскими партиями, хотя система их формирования имеет свои собственные особенности: более поздним формированием российских партий, их построение «слева направо», «насаждение сверху», а не «прорастание снизу»; «интеллигентский характер» и вытекающая из него абстрактность

---

²⁰⁸ Кумаков А.В., Симонов А.А. Указ. соч. С. 15.

²⁰⁹ Дюверже М. Политические партии. М., 2002. С. 19.

идеалов, не соотнесенная с реалиями страны; недостаточность как прямой, так и обратной связи с электоратом и др.²¹⁰.

Логичным представляется рассмотрение не столько программных установок партий, сколько непосредственное отношение электората к самим партиям, их мифологизированный имидж, сложившийся в народном сознании. Решающую роль в борьбе партий играли ценности, психологические векторы политических сил и степень их противоречивости по отношению к превалирующим установкам массового сознания.

Успех той или иной партии в условиях революционных событий в России определялся соответствием ее практической деятельности по отношению к психологии и базовыми мировоззренческими установками широких масс населения. Определение наиболее острых вопросов революции и обозначение твердой позиции по решению самых насущных проблем (аграрный вопрос, вопрос о войне) давали высокие шансы на успех политической партии. С этой целью, создавались лозунги, созвучные чаяниям масс. Именно массовое сознание, в котором аккумулировались и резонировали все взрывоопасные противоречия революционной эпохи, фактически и оказалось решающим, доминантным фактором политической истории русской революции²¹¹.

Объектом пристального внимания политических партий, ввиду своей многочисленности, стало крестьянство, а аграрный вопрос - решающим в определении симпатий населения, в особенности на региональном уровне.

Так, Поволжье, и Саратовская губерния, в частности, будучи крупнейшим сельскохозяйственным регионом, стали полем, на котором разворачивалось состязание политических сил за усиление влияния в

---

²¹⁰ *Шелохаев В.В.* Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 99.

²¹¹ *Марченя П.П.* Массы и массовое сознание в русской революции как предмет исторического познания // Историческое обозрение, 2007. – Вып. 8. С. 28–43.

крестьянской массе и решение аграрных проблем, что напрямую затрагивало и интересы городских жителей²¹².

Партийная деятельность по крестьянскому вопросу, отодвинула на второй план их экономический аспект, в то время как на первое место выдвинулось политическое противостояние, что подчеркивали к марту 1917 г. местные периодические издания: «Кто знает, что может сделать кучка провокаторов среди темной массы?..»²¹³.

Отклик среди крестьян получали не партии, а выгодные для них лозунги. Социальная борьба происходила вне политического измерения, из чего, по замечанию В.П. Булдакова, рождалась «главная драма власти»²¹⁴.

Еще раз необходимо отметить, что крестьянский вопрос имел актуальность не только в деревне, но и в городе. Как подчеркнул Р. Пайпс, рабочие в России представляли собой разновидность крестьянства, а «единственное отличие между крестьянами в деревнях и их братьями в городах состоит в том, что первые носят рубашку навыпуск, а вторые заправляют ее в брюки»²¹⁵. Кроме того, крестьяне составляли около четверти населения Российской империи, а фабрично-заводской пролетариат в 1917 г., по подсчетам всего порядка 2 %²¹⁶.

Основные партийно-политические альтернативы представляли партии: кадеты, меньшевики, эсеры и большевики, соответствующие либеральным, социал-демократическим, неонародническим и большевистским позициям. По замечанию Л.Г. Протасова, именно «их взаимодействием, определялся общий градус революции, существовавшие вокруг них гравитационные поля втягивали многочисленные и промежуточные партии»²¹⁷.

---

²¹²Суслов Ю.П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917-1920 гг.). Дис. на соиск. учен. степ.док. истор. наук. Саратов, 1994. С. 3.

²¹³Земля и Воля. Саратов, 1917. № 2 (15 марта).

²¹⁴Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 106.

²¹⁵Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 120, 118.

²¹⁶Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1999. С. 300.

²¹⁷Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 32.

Позиция конституционно-демократической партии по острейшим вопросам о мире и о земле не выражала чаяния народа, лозунг «Война до победного конца!» и, по выражению В.И. Ленина – «полупомещичья» позиция по решению аграрного вопроса не находили отклика в сознании народных масс²¹⁸. Лидер партии кадетов П.Н. Милюков признавал: «Никто не будет отрицать, что партии до сих пор не удалось проникнуть по своим идеям в широкие слои населения»²¹⁹.

Малоадаптированная для широких слоев населения пропаганда кадетов находила отклик в среде интеллигенции²²⁰. Еще в 1916 г. в сводках о деятельности партии «Народной свободы» указывалось, что в Саратове сильное впечатление произвела речь Львова на частном совещании представителей Всероссийского Земского союза и городов и собрания уполномоченных губернских земств, и что она имеет в широкое обращение в кадетских кругах и среди представителей местных кооперативных обществ²²¹. Сообщалось, что кадетский круг интеллигенции «организует общественное мнение в том смысле, что войну нужно вести до конца»²²².

Но в 1917 году эта позиция не отвечала настроениям и требованиям народных масс, интеллигенция не представляла собой основную часть населения России и Саратовской губернии, в частности. Непонимание смысла речей кадетов, усугубляемое «антибуржуйской» пропагандой других партий привели к антикадетским настроениям в народной массе к осени 1917 г.: преследованию либералов и даже нанесению им увечий²²³. Кадетская партия оказалась партией «политических шарлатанов», виновных в смуте.

---

²¹⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 13. Май-сентябрь 1906. Издательство политической литературы. М., 1972. С. 6.

²¹⁹ Марченя П.П. Политические партии и массы в России 1917 г.: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. М., 2008. С.85.

²²⁰ Кичеев В.Г. Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году. Дис. ... канд. истор. наук. СПб, 1993. С. 124.

²²¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 44. Л. 26.

²²² Там же. Л. 44.

²²³ Речь. Пг., 1917. 28 сентября. С. 2.

Либеральные ценности вступали в противоречия с массовыми традиционными представлениями крестьян, с их патриархальной культурой. К октябрю 1917 г. озлобление крестьянских и солдатско-крестьянских масс по отношению к кадетам достигло пиковой точки. Так, в сентябре 1917 г. в с. Дергачи Новоузенского уезда Саратовской губернии, во время волостных выборов толпа народа накинулась с избиением на членов Избирательной комиссии и представителей Партии Народной Свободы. В своей жалобе властям члены ПНС указали на причину побоев - «проповедь товарищей о борьбе с буржуями до победного конца»²²⁴.

В Елшанской волости, Вольского уезда, Саратовской губернии, толпа избила и ограбила отрубщиков «за пропаганду Союза земельных собственников и принадлежность к ПНС». При этом местный уездный комиссар не принял мер, ответив: «Вы надоели мне как собаки, и убирайтесь от меня к черту»²²⁵.

Либералы с оторванными от реальности положениями политической программы, не реагируя на требования крестьян, проиграли борьбу за народные массы, не принявшие либеральную альтернативу в условиях 1917 г.

Пользовавшиеся когда-то большим успехом образованные либералы, отказавшиеся от приспособления к реалиям 1917 г. были подхвачены стихией, оформленной большевизмом и выброшены на обочину политической борьбы.

Партия социал-демократов – меньшевиков не искала союзника в массах, ввиду «незрелости» народа, по выражению члена ее ЦК Н.А. Рожкова: «социал-демократия исходит из одного – из соображений интересов пролетариата», а если «крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним»²²⁶.

---

²²⁴ ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 6. Д. 164. Л. 75-76; Ф. 1791. Оп. 6. Д. 167. Л. 45.

²²⁵ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 167. Л. 114.

²²⁶ Рабочая Газета. Пг., 1917. 25 августа. С. 2.

В современной историографии отмечается ряд особенностей практической деятельности партии, таких как, склонность перекладывать ответственность за свои просчеты на большевиков; политическую нерешительность, неспособность настоять на проведении реформ, жизненно необходимых стране и др.²²⁷.

Однако именно партия меньшевиков вела за собой большинство Советов и профсоюзов, ее идеологи «снабжали всю контрреволюцию теоретическими доводами против большевиков»²²⁸.

Программа решения аграрного вопроса у меньшевиков была непонятна крестьянам и не соответствовала их требованиям, что во многом определило судьбу меньшевиков наряду с либеральными силами.

Партия меньшевиков, одна из сильнейших и многочисленных в России в 1917 г. по прошествии нескольких месяцев стала ассоциироваться с «образом врага». К осени 1917 г., обвиняя меньшевиков в сотрудничестве с либералами, большевики заключат: «За 6 месяцев знамена у меньшевиков побелели, а вожаки их выветрились»²²⁹.

Как показали результаты перевыборов Саратовского Совета в сентябре 1917 г. большевики получили 320 мест, в то время как меньшевики и эсеры 179. В Царицыне - большевики 121 место в Совете, меньшевики и эсеры совместно 67²³⁰. Советы уездов губернии пополняли сторонники большевизма, преимущественно из солдатских масс.

Партия социалистов-революционеров быстро лишилась контроля над народной стихией в период революционных событий. Деятельность эсеров по усмирению стихии масс и необходимостью последовательной

---

²²⁷Бакулин В.И. Между догмой, иллюзией и реальностью: Меньшевизм в 1917 году // Отечественная история. 2004. № 1. С. 69–83.

²²⁸Миц И.И. История Великого Октября. В 3 т. М., 1968. Т. 2. С. 85.

²²⁹Правда. Пг., 1917. 3 октября. С.2.

²³⁰Очерки истории Саратовского Поволжья / [Под общ. ред. И.В. Пороха]. – Саратов. 1993.

конституционной реформы выглядели, по выражению В. Ленина, как попытки «усесться между двух стульев»²³¹.

Как отмечает Ю.П. Суслов, «основная борьба за крестьянские массы развернулась между ведущими левыми партиями – «партией крестьян» – эсерами и «партией рабочих» - социал-демократами (большевиками)»²³².

Показательным примером восприятия крестьянами эсеровской пропаганды является история из «Саратовского вестника»: «Г. Бейлин говорил о могучем эсеровском дубе, разросшемся до самых небес. А потому пророчески вещал, что спасение крестьян только в этой партии», один из крестьян, прокомментировал это словами: «–Эх, едят его мухи с комарами! Вот как наши-то эсеры красно говорят. Одно только нехорошо - непонятно!.. Впрочем, одно все поняли хорошо – вся земля должна отойти к трудовому народу».²³³ Таким образом, пышная фраза Бейлина была воспринята совершенно отличающаяся от ее первоначального смысла, в крестьянском сознании она преломилась и приобрела иной смысл.

У городского населения, при активной большевистской пропаганде, партии меньшевиков и эсеров ассоциируются с предателями революционных идеалов, «хаосом, раздором, авантюризмом и анархией», вызывающих «разочарование у преданных революционному делу трудящихся».²³⁴

Противоречивость политики эсеров, отсутствие внутривнутрипартийного единства, в совокупности с разочарованием масс привели к тому, что большевики, поощрявшие рост насилия на аграрной почве и заявлявшие о кардинальных, относительно нелегитимных мерах в решении острых вопросов, превратили крестьянство в решающего союзника, пусть и

---

²³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 137.

²³² Суслов Ю.П. Политические партии и крестьянство Поволжья (1917-1920 гг.). С. 65.

²³³ Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 217 (3 октября).

²³⁴ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 17. Л. 3.

временного, почерпнув, по признанию Ленина, «свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага».²³⁵

Поворот общественности влево привел к изменению внутреннего состояния организации партий, так в среде социал-революционеров все заметнее становилось течение «левых» эсеров.

Изучение вопроса о взаимовлиянии масс и политических партий в годы Великой российской революции приводит к выводу о том, что большевики оказались единственной партией, у которой получилось оперативно реагировать на изменения настроения масс и использовать массовое сознание для достижения своих партийных целей. Как признавался Л.Д. Троцкий: «с трибуны надо выбрать самую тупую физиономию и говорить до тех пор, пока не заметишь в ней искру осмысленности».²³⁶ По его же утверждению, глава большевиков В. Ленин имел «способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей степени свойственна, особенно на великих исторических поворотах»²³⁷.

Большевики демонстрировали способность решить требования широких слоев населения, не стесняясь «нечистых» методов борьбы с политическими противниками в условиях революции. Так большевики занимались срывом митингов противников, организовывали «клаки» - шум по команде, инсинуации и клевету в адрес политических соперников, популистские лозунги, призывы к погромам и т.д.

Умение большевиков лавировать между интересами различных слоев населения их политическую «гибкость» отмечали и современники: «Каждый новый проект большевики выносят именем революции. Каждое новое распоряжение прикрывается именем пролетариата и беднейшего крестьянства. Разгон городской думы – уступка требованию рабочих. Арест социалистов – уступка беднейшему крестьянству. Закрытие газеты – уступка революции. Словом, большевики не захватчики власти, не насильники, а

---

²³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 34.

²³⁶ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 213.

²³⁷ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994. С. 118.

исполнители народной воли. А если вы в этом сомневаетесь, то для вас заранее в тюрьме приготовлена одиночная камера»,²³⁸ – заключал в 1917 г. автор статьи в газете «Пролетарий Поволжья».

Важнейшую роль в завоевании симпатий народных масс сыграло использование большевиками лозунга о немедленном прекращении войны. Этот вопрос, как и аграрный, имел масштабные прения на общероссийском уровне, так и на региональном. Интересным будет обратиться к пламенной речи бывшего солдата, члена большевистской партии в Саратове Пащенко, рассуждавшего о борьбе меньшевиков и большевиков: «Предательская деятельность меньшевиков проявилась во время и после Саратовского мятежа²³⁹. Мысль свергнуть Советскую власть красной нитью проходит через наказ, выпущенный комитетом меньшевиков, так и через листовки, выпущенные после кровавых событий 16-19 мая <...> Я хочу коснуться истории вражды между меньшевиками и большевиками. Ужасы кровавой войны, которая была затеяна царскими чиновниками и поддержана буржуазией вам всем известны. Я прочувствовал все эти ужасы, как солдат, находясь 3 года в окопах <...> Но рабочие и крестьяне не понимали раньше, что война ведет не к их пользе. Нас секли в казармах, а меньшевики со своим Черновым и Плехановым объявили священную войну германскому империализму²⁴⁰ ...Они относились к солдатам как к скотине, и в частном разговоре, я это знаю наверняка, просили офицеров быть более жесткими с этой скотиной. Когда старая скотина восстала, меньшевики (а большевики еще сидели в тюрьмах) говорили: Германия бросила миллионы денег, чтобы вызвать в России революцию, а вы мерзавцы ее поддерживаете! Когда началась революция, Церетели, Чернов, Чхеидзе, Керенский подобные им погладили солдат по голове, чтобы успокоить разбунтовавшуюся чернь сказали: «солдаты в окопах, рабочие к станкам, а вы граждане занимайтесь

---

²³⁸ Пролетарий Поволжья. 3 декабря. 1917 г. С. 2.

²³⁹ 16–19 мая 1918 г. в Саратове произошел «Саратовский мятеж» – вооруженный конфликт между местным гарнизоном и Саратовским Советом.

²⁴⁰ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

своими делами!» Они поставили во главе правительства крупного помещика Львова, который не хотел дать крестьянам своей земли и рабочим 8-ми часовой рабочий день. Прав рабочим и крестьянам они не дали. Эти господа, которые сели на место Николая продолжили делать его черное дело. А солдаты не хотели воевать и требовали заключения мира»²⁴¹.

Так, в одной только речи Пащенко смог отразить желания больших социальных групп населения России - крестьян, рабочих и солдат. Исходя из сказанного большевиком, образ меньшевиков и перечисленных революционных деятелей олицетворяется с образом «врага», относящегося к солдатам - как к скотине и продолжившего «черные» дела царского режима.

Следует признать, что противники большевиков не смогли противопоставить их простым и эффективным приемам свои инструменты в борьбе за народные массы. Большевики для многих из «темной» массы превратились в единственную надежду. Большевизм организовавший хаос движения масс, притягивал всех недовольных и трансформировал взрывоопасную силу ресентимента, мобилизовавший аморфные надежды и ожидания мессии у населения в понятные лозунги и символы.

Партии кадетов, меньшевиков и эсеров не смогли осуществить свои программы по решению крестьянского вопроса в период с марта по октябрь 1917 г. не на общероссийском, не на региональном уровне.

Откладывая конкретные практические шаги, радикальные преобразования по решению острых проблем, партии передали инициативу большевикам, оперативно выразившим готовность решения наболевших вопросов.

В частности, в Саратовской губернии на протяжении нескольких месяце после февраля 1917 г. царила постоянная «предзабастовочная» атмосфера: рабочие пытались поправить свое положение перед угрозой сокращения пайков и падения заработной платы путем забастовок.

---

²⁴¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

Стачечное движение максимально активизировалось осенью 1917 г. в Саратове и Царицыне. В сентябре забастовку объявили рабочие саратовской лесопильной фабрики, железнодорожных мастерских, мельниц, гвоздильного и металлообрабатывающих заводов. Всего в сентябре-октябре 1917 г. происходило около 20 забастовок с участием около двух тысяч человек.

Саратовский большевик В.Н. Красичков, рабочий главных железнодорожных мастерских в Саратове так описывал настроения среди рабочих к октябрю 1917 г.: «Большевики имели решающее влияние в массах. После Февральской революции возвратились из ссылки наши лучшие активисты: Агеев А., Смирнов А., Ковылкин С.Т. и другие. Меньшевики, а тем более анархисты, в последнее время никакого авторитета не имели. Им даже не предоставляли слова... Собрания чаще всего проходили в «Колизее» (обиходное название вагонного цеха главных ж/д мастерских –*Н.А.*). Часто на собраниях выступали М.И. Васильев, В.П. Антонов, А. Агеев, С.Т. Ковылкин»²⁴².

К этому же периоду земельные споры крестьян за землю переросли в деревнях в крестьянские бунты в стихийной форме. Крестьянское движение поднялось сначала в Сердобском уезде, затем перекинулось в Балашовский, крестьяне устраивали погромы, захватывали инвентарь в усадьбах.

Рассматривая вопрос об использовании крестьянского вопроса в 1917 году в политическом противостоянии партий и победе на этом «полигоне» большевиков, стоит разделять теорию и практические действия по взаимодействию с крестьянскими массами. Большевики не заботились о детально продуманной программе решения аграрного вопроса, сам В. Ленин настаивал на том, что не стоит чрезмерно детализировать программу – это «связывает руки»²⁴³. По точному замечанию меньшевика Б. Горева,

---

²⁴²Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. Кн.1. Саратов, 2016. С. 16.

²⁴³Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 376.

большевики руководствовались лишь погоней за «дешевым эффектом и минутным успехом в рабочих и, особенно, в солдатских массах»²⁴⁴.

До осени 1917 г. в большевистскую программу решения аграрного вопроса вносились существенные изменения. В марте В. Ленин выдвигал лозунг о конфискации помещичьих земель без выкупа, что подразумевало этом вопросе конфискацию в пользу крестьянства, однако, к осени 1917 г. решение этой проблем было сформулировано иначе: «Конфискация помещичьих, монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии»,²⁴⁵ и не указывало на передачу земли крестьянам.

Как отмечал В.П. Булдаков, декрет о земле, который В.И. Ленин позаимствовал у «крестьянофильствующих конкурентов» можно рассматривать как уникальное умение использования обратной связи, исходящей от низов, в своих интересах²⁴⁶. При этом в декрете отсутствовали разделы, прописывающие конкретные условия его реализации.

Борьба большевиков за многомиллионное поволжское крестьянство демонстрирует основные инструменты завоевания политической партией сторонника в лице народных крестьянских масс.

Следует отметить, что большевистская партия вначале 1917 г. в Саратовской губернии была малочисленная и несамостоятельная. После событий февраля 1917 г. влияние РСДРП (б) было незначительным, по сравнению с другими партиями. По воспоминанию одного из лидеров саратовских большевиков В.П. Антонова-Саратовского, спустя месяц после падения монархии, в помещении комитета веяло «унылостью и пустотой».²⁴⁷

---

²⁴⁴ Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 122 (25 октября). С. 2.

²⁴⁵ Правда. Пг., 1917. № 1 (5 марта). С.1.

²⁴⁶ Булдаков В.П. Красная смута... М., 1997. С. 107.

²⁴⁷ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове. М. – Л., 1925. С. 96.

К моменту выхода из подполья большевистской организации в Саратове в ней насчитывалась около 60 человек²⁴⁸, к середине апреля – 1500 членов, к июлю 1917 г. около 3500 человек²⁴⁹, к октябрю 1917 г. уже 5000 членов²⁵⁰. При этом лидерство в Саратовском Совете принадлежало именно большевикам: председатель – большевик В. П. Милютин, его заместитель – большевик М. И. Васильев-Южин и т.д.

После сентябрьских перевыборов и отъезда Милютина, председателем исполкома Саратовского совета стал В.П. Антонов-Саратовский, его заместителями по-прежнему М.И. Васильев-Южин и П.А. Лебедев.

Однако, в первые месяцы после свержения монархии, в Саратовской губернии решающее значение в «раскачивании» народных масс имели не большевики, а их оппоненты из остальных социалистических политических организаций.

Среди крестьянства в это время не велось постоянной агитационно-пропагандистской работы большевиков, о чем заявлял М.И. Васильев-Южин на 7-м съезде РСДРП (б), а также отмечал в воспоминаниях В. П. Антонов-Саратовский²⁵¹. Но выдвинутые до осени 1917 г. лозунги большевиков находили живой отклик в крестьянской среде, в том числе призыв к немедленному захвату помещичьих земель и их разделу.

Большевизированные Советы трудились над решением социально-политических проблем созданием Красной гвардии, завоеванием симпатий солдатской массы и их вооружения.

Инструментом большевиков в борьбе за народные массы была также периодическая печать: газета местного комитета РСДРП (б) – «Социал-демократ» в Саратове совместно с центральной газетой «Правда»²⁵². При этом даже политические оппоненты в лице кадетов на страницах

---

²⁴⁸ *Афанасьев Н.* Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. Саратов, 1947. С. 12.

²⁴⁹ Там же. С. 13, 23.

²⁵⁰ Там же. С. 51.

²⁵¹ ГАСО. Ф. 350. Оп. 1. Д. 205. Л. 11; *Антонов-Саратовский В.П.* Указ. соч. С. 134.

²⁵² *Суслов Ю. П.* Политические партии... С. 80.

«Саратовского листка» в марте 1917 г. оценили уровень печати большевиков: «Теперь уже не секрет, что органы социал-демократов большевиков внесли большую смуту и в ряды армии, и в рабочие массы»²⁵³.

Газеты РСДРП (б) взывали и к солдатским массам, так весной 1917 г. в издании «Социал-демократ» была опубликована статья В.П. Антонова-Саратовского. Обличая контрреволюционные выходки саратовских буржуев, он заявляет: «Мы, социал-демократы, видим всю хитрую механику этих господ, и мы предупреждаем вас, товарищи солдаты».²⁵⁴ Позже в воспоминания Антонов-Саратовский напишет: «Главной же нашей крестьянской аудиторией был местный гарнизон. Над ним мы работали много и энергично. Здесь же проходили главные бои по земельному вопросу между нами и нашими противниками... Распропагандированные нами солдаты, уходя из гарнизона, разносили «большевистскую бациллу» в земельном вопросе»²⁵⁵.

Попадая после фронта в родную деревню, солдаты оказывались в авторитете и, как отмечал Г.А. Герасименко, являлись «генералами от революции»,²⁵⁶ зачастую, выполняя функции катализаторов беспорядков, что использовали местные ячейки большевиков²⁵⁷.

По замечанию Г.П. Выжлецова: «для русского духа нет полутонов, он мир делит пополам: или – или; для него вера и безверие одинаково безмерны...».²⁵⁸ Эта особенность связана с легкостью перехода к крайностям социальной практики - или «смирением» или «бунтом»²⁵⁹.

---

²⁵³ Саратовский листок. Саратов, 1917. № 67 (25 марта). С. 1.

²⁵⁴ Социал-демократ № 3 (7 апреля). М. 1917. С. 2.

²⁵⁵ Антонов-Саратовский В. П. Указ. соч. С. 133-134.

²⁵⁶ Герасименко Г. А. Политическое положение в саратовской деревне осенью 1917 г. // Поволжский край. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1988. Вып. 10. С. 23.

²⁵⁷ См., напр.; Социал-демократ... 14 сентября, 15 октября. М. 1917.

²⁵⁸ Выжлецов Г. П. Духовные ценности и судьбы России. // Социально-политический журнал, 1994. № 3-6. С. 31.

²⁵⁹ Бокарев Ю. П. Бунт и смирение. Крестьянский менталитет и его роль в крестьянском движении. // Менталитет и аграрное развитие России. (XIX-XX). М., 1996. С. 167-172.

Таким образом, влияние деятельности политических партий на массовые настроения трансформировалось из незначительного до февраля 1917 г. в определяющее к весне того же года. В условиях революционной стихии 1917 г. политические силы путем обещаний, агитации и взаимных обвинений лавировали между проявлениями недовольства городского населения Саратовской губернии, улавливая главные чаяния масс и создавая образ решимости в их скорейшем устранении.

2.2. Инструменты воздействия советской власти на массовые настроения населения в период установления большевистской диктатуры

К октябрю 1917 г. саратовский обыватель устал от безвластия и хаоса и надеялся на установление твердой власти. Местная периодическая печать сообщала о жалобах крестьянства: «долго не устанавливают порядка, что пришло такое время, когда даже не знаешь, кто тобой управляет и кому ты должен подчиняться»²⁶⁰, а «когда масса измучена... она бросается в объятия тому, кто обещает ей дать «порядок», покой и хоть некоторый кусок хлеба...»²⁶¹.

Важнейшим в политической платформе большевиков в местных Советах становилось положение о поддержке захвата земли²⁶², поэтому к середине 1917 г. многие городские Советы рабочих и солдатских депутатов в Балашове, Царицыне, Саратове и др. объединились с крестьянскими Советами, и также выдвинули требования конфискации земель и отмены частной собственности²⁶³. Таким образом, лидеры большевиков заявляли о

---

²⁶⁰ Саратовский Вестник. 1917. № 230 (18 октября). С. 2.

²⁶¹ Там же. С.3.

²⁶² См., напр., *Блюменталь И. И.* Революция 1917 – 1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1927. Ч. 1.

²⁶³ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. Саратов, 1968. С. 26, 70. 1917 год в Саратовской губернии, Саратов 1957. С. 150 – 151; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Куйбышев, 1957. С. 104.

скорейшем разрешении аграрного вопроса в противовес тезисам других партий, уговаривающим потерпеть и подождать крестьян.

Показательными в этой связи являются впечатления, побывавшего на саратовском митинге корреспондента «Саратовского Вестника», который признавался: «Здесь, в этой огромной малосознательной, но почти совершенно темной толпе я понял тайну «успеха» саратовских ленинцев. Большевистские поклонники – почти сплошь люди с наивным мировоззрением, конечно, ничего общего не имеющие с социал демократизмом, ни вообще с социализмом. Это – толпа с первобытными инстинктами... И понятно, что, когда к такой толпе выходит доморощенный ленинец, и, надрываясь, вопит: – Товарищи! Долой министров – капиталистов, долой войну! – толпа яро рукоплещет, ибо благодаря своему культурному уровню, она вполне понимает эти лозунги. Здесь, с одной стороны, только демагогия, а с другой, усвоение того, что отвечает тайным мечтаниям толпы»²⁶⁴.

Для многих казалось, что «тайные мечтания толпы» стали еще ближе после событий 25 октября 1917 г. в Петрограде. Левые политические силы в Саратове отреагировал на октябрьские события бурным обсуждением действий столичных большевиков и протестом меньшевиков и эсеров.

Фактический переход большевиков в Саратове наметился с середины октября 1917 г. II Областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию о передачи власти советам. Антибольшевистские сил осудили эту тактику, так как посчитали это актом разжигания Гражданской войны. 16 октября Совет рабочих и солдатских депутатов выразил недоверие Временному правительству.

Эсеры заявили о незамедлительном выходе из состава Саратовского Совета, однако «Совет нашел мотивы ухода не соответствующими действительности и призвал всех членов партии социалистов-революционеров осудить тактику своих заблудившихся вождей и не уходить

---

²⁶⁴ Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 149 (8 июля). С.2.

от совместной борьбы демократии за мир, хлеб, землю и волю!»²⁶⁵, - однако уход эсеров лишь позволил большевикам проводить беспрепятственно свои решения.

На страницах газеты «Пролетарий Поволжья» было опубликовано рассуждение-обвинение большевиков в «пугачевщине»: «Почему все против большевиков. Все социалистические партии отнеслись крайне отрицательно к захвату власти большевиками. Ведь Ленин и Троцкий как будто делают как раз то самое, к чему стремятся все социалисты: «дали» крестьянам землю без выкупа, признали социализацию, о чем так страстно мечтали эсеры. Но есть общее в оценке большевиков всеми социалистическими силами - авантюризм и анархизм. Оставаясь на словах социалистами, на деле перестали быть таковыми, в них скрывается настоящее бунтарство и пугачевщина²⁶⁶».

Новость о вооруженном восстании большевиков в Петрограде предопределила действия саратовских большевиков, 26 октября 1917 г. в Большом зале консерватории открылось расширенное заседание Саратовского совета.

Слесарь главных железнодорожных мастерских В. Ф. Бабушкин вспоминал заседание Совета рабочих крестьян и солдатских депутатов 26 октября: «Зал консерватории переполнен. Душно. Жарко. Все возбуждены. Антонов рассказывает депутатам о предательстве и сговоре с генералами меньшевиков и эсеров. В зале шум, крики. После Антонова выступил меньшевик Кульман... – Вон! Долой! Меньшевик! – кричат из зала... Выступил Чертков. Он оглашает «правительственную телеграмму от Керенского о восстании большевиков в Петрограде. Большевикские депутаты, солдаты и рабочие, кричат «ура». Гремит мощное ура и на хорах, набитых полно солдатами. Эсеры и меньшевики свистят, стучат ногами.... Меньшевики и эсеры демонстративно покидают заседание. Вслед уходящим несутся негодующие крики: «Изменники! Предатели!». – Товарищи! –

---

²⁶⁵ Социал-демократ. 30 октября. 1917 г. С. 4.

²⁶⁶ Пролетарий Поволжья. 14 ноября. 1917 г. С. 2.

кричит Антонов. – Идите на фабрики, заводы и казармы! Расскажите, что вы здесь слышали! Поднимайте всех на защиту Советов!»²⁶⁷.

Абсолютное большинство участников этого заседания проголосовало за поддержку восстания в столице и за передачу власти в Саратове в руки Совета.

В городе в ответ на действия большевиков был создан комитет защиты революции, центром вооруженного сопротивления которого стала городская дума. 29 октября сторонники городской думы сдались большевикам, противостояние двух центров власти в городе завершилось победой большевизма, несмотря на то, что на первых порах, некоторые службы города бойкотировали новую власть, а 21 ноября 1917 г. в Саратове состоялся митинг протеста. Эсер Телегин заявлял: «Что сделал Ленин? Да просто списал закон о земле с программы партии социал-революционеров и постановлений Всероссийского Крестьянского Совета Депутатов, только с некоторыми изменениями, чтобы затемнить сознание трудового крестьянства».

После октябрьских событий 1917 г. в Петрограде и последующих событий в Саратове, Д.А. Топуридзе, как и другие антибольшевистские лидеры города не поддержали действия столичных большевиков. 27 октября 1917 г. Топуридзе выпустил «Воззвание к гражданам Саратова» с призывом сплотиться вокруг Думы – «для защиты порядка и спокойствия». Спустя два дня Дума была занята сторонниками Советской власти, Топуридзе же успел скрыться, что презрительно вспоминал М.И. Васильев-Южин: «Кажется, первым, кто пытался спасти свою шкуру, был Топуридзе – губернский комиссар»²⁶⁸.

Октябрьский переворот не привел во властные эшелоны новую элиту, а предоставил старой выбор остаться на службе и быть лояльной к новой власти, либо захлебнуться в горниле революционных изменений.

---

²⁶⁷ Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. Кн.1. Саратов, 2016. С. 36.

²⁶⁸ Там же. С. 15.

Большевизм подманивал к своей власти как методом силы - расстрелов, деятельностью ЧК, политики «красного террора», так и с помощью пряника для лояльных новой власти. Некоторые противники большевиков и представители старой интеллигенции продолжили служить уже советской власти. Например, Н. А Бердяев некоторое время проработал в советском архиве. В Саратове меньшевик, ярый противник большевизма – Л.В. Майзейль через некоторое время после октябрьских событий вступил в ряды РСДРП (б).

Лозунги, обещания, проявления политической демагогии позволили большевикам повлиять на настроения масс и развернуть их в свою сторону. Как отмечал Н.А. Бердяев, в период Великой российской революции «взбунтовавшимся массам нужно было дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать, нужны были выражающие символы... Только большевизм оказался способным овладеть положением».²⁶⁹

Однако стоит помнить, что массовые настроения заставляли изменять тактику и теоретические положения политических партий. Вспомнить только историю из «Саратовского Вестника», в которой описывается состязание саратовского меньшевика Майзея и большевика Мгеладзе: « – Чем вы объясните наш успех в массах? – победоносно вопрошал мгеладзевский фальцет», на то что меньшевик отвечал: «вам кажется, что вы руководите массой, бросая в нее ваши демагогические лозунги, в действительности – вы идете за нею... И когда гражданка Верхнего базара кричит гражданину в шляпе, предложившему ей вместо 60 к. – 40 за фунт вишни: - Буржуй проклятый! Кишки бы тебе выпустить! – То в действительности не тов. Мгеладзе является ее учителем, а она подсказывает товарищу Мгеладзе, как литературно формулировать лозунг...»²⁷⁰.

Поэтому процесс влияния политической партии на народные массы не представлял из себя «игру в одни ворота», ориентируясь на потребности

---

²⁶⁹ Бердяев Н. А. Русская идея. СПб., 2008. С. 114.

²⁷⁰ Саратовский Вестник № 157 (18 июля). С. 2.

народных масс, большевики провозглашали новые лозунги и обещания, находившие отклик среди населения.

Популистские обещания саратовских большевиков передал в своих воспоминаниях меньшевик И.С. Гольц. Описывая митинг на Театральной площади 31 октября 1917 г., он останавливается на докладе В.П. Антонова-Саратовского, на тот момент уже председателя Саратовского губернского исполнительного комитета: «На этот раз это был неузнаваемый, другой Антонов. Его речь была пронизана такой демагогией и злобной ненавистью ко всем противникам большевиков... «Гвоздем» демагогии была игра на пустых желудках саратовцев, когда он бросил в толпу вопрос: «Товарищи! У вас не хватало до сих пор хлеба? Из толпы доносится: «Не хватает!!!» Антонов кричит в ответ: «Теперь товарищи, у вас будет хлеба вдоволь! - И опять к толпе: «У вас не было до сих пор сахара?! - Не было! - кричит толпа. - Теперь у вас все будет, и хлеб, и сахар! - кричит Антонов». Толпа раздражается бурными аплодисментами. А мы, депутаты Совета, слушали и возмущались, так как знали, что все это ложь, так как на складах нет ни сахара из-за транспортных затруднений, ни достаточных запасов муки и зерна на мельницах».²⁷¹

Пресса в тот период сообщала о том, что хоть переворот в городах и завершился, установилась относительно спокойная жизнь, но, возможно, что город «будет подавлен деревней».²⁷² Ведь, аграрный вопрос исследователи часто сравнивают с «гордиевым» узлом революции, в котором переплетенными друг с другом оказались интересы различных народных масс.

Осенью 1917 г. в г. Саратове прошли выборы в Учредительное собрание: большевики собрали около 1/3 голосовавших избирателей, кадеты

---

²⁷¹ Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. Кн.1. Саратов, 2016. С. 58.

²⁷² Земля и Воля. Саратов, 1917. № 2 (15 марта). С. 2.

– 19,7 %, социалисты-революционеры – 14,3 %, меньшевики – 6,7 %²⁷³. Саратовская газета «Местная хроника» отмечала: «12 ноября в Саратове и Саратов. губ. Начались выборы в Учредительное Собрание. В избирательных участках установлено, что избиратели проявляют большое равнодушие к выборам», и сообщалось: «Итог выборов в учредительное собрание всего по г. Саратову 60691 голос. По отдельным спискам голоса разделились следующим образом № 1 к.-д. – 11971; № 2 меньшевики – 4100; № 3 союза крестьян-украинцев и с.р. татар – 1097; № 4 русско-народная партия христиан-старообрядцев всех согласий – 1003; № 5 православно-народная партия – 1924; № 6 союза земельных собственников – 1764; № 7 организации российских граждан немецкой национальности среднего Поволжья – 1280; № 8 трудовая народно- социалистическая партия – 2920; № 9 общество за веру и порядок – 2589; № 10 большевиков – 22712; № 11 крестьян Петровского уезда и мордовского населения Саратовской губ. – 119; № 12 соц.-революционеров – 8698»²⁷⁴.

Таким образом, итоги выборов показывают, что 16 % избирателей тяготели к образованиям, отстаивающим национальные и религиозные интересы, а не к политическим партиям, при этом первые вместе взятые получили третье место по голосам после большевиков (лидирующих с большим отрывом), и кадетов (второе место по голосам электората).

Как описывал выборы в Учредительное собрание очевидец событий, противник большевиков: «Не так страшен черт как его малюют», - эта пословица оправдалась на выборах в УС. Выборы по Саратову показали, что большевиков и им сочувствующих не так уж много - около тридцати тысяч»²⁷⁵.

---

²⁷³ Голос Думы. Издание Саратовского городского общественного самоуправления. 1917. № 1. Декабрь. С. 8–10.

²⁷⁴ Саратовская земская неделя. 1917. 21 ноября. С. 6–7.

²⁷⁵ Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. Кн.1. Саратов, 2016. С. 83.

«Саратовский листок» сообщал об итогах выборов: «на первом месте идут большевики, а втором – партия народной свободы (13714 голосов против 11 466 голосов). Далее идет резкое падение голосов партии социалистов-революционеров, торжествовавшей еще 4 месяца назад – 6570 голосов и других социалистических партий в нисходящем порядке: меньшевиков 3907 и народных социалистов – 2795 голосов».²⁷⁶

Но на самом деле вместе с гарнизоном большевики получили по Саратову немногим более трети голосов – 22 712 (37,7 %). Другие крупные партии имели следующий расклад: партия народной свободы (кадеты) – 11 971(19,9%), эсеры – 8698 (14 %), меньшевики – 4100 (6,8%). В целом по губернии большевики получили 261 308 голосов (24 %), эсеры – 8 698 (14 %), меньшевики – 4100 (6,8%).²⁷⁷

Результаты выборов предоставили большевикам возможность бороться за власть, так как они имели поддержку среди наиболее активной части населения - рабочих и солдат, а с другой стороны, большевикам пришлось искать политических союзников в лице левых эсеров, которые поддержали, в свою очередь, Советскую власть. Такой политический союз способствовал лояльности части крестьянства и провозглашению Советской власти на территории Саратовской губернии. Процесс утверждения советской власти в уездных городах продолжился до января 1918 г., по большей части - бескровно, за исключением Хвалынска и Петровска. Скорость политического устройства в разных городах зависел от настроений местных рабочих, местного гарнизона и степени влияния партии большевиков. Установление власти в селах происходило намного медленнее, это связано, с опозданием поступающей информации о событии в городе, а также со слабыми позициями большевиков на деревне и мощной агитации эсеров среди крестьянства.

---

²⁷⁶ Саратовский листок. 16 ноября. 1917 г. С. 2.

²⁷⁷ Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. Кн.1. Саратов, 2016.С. 531.

В условиях разворачивающейся Гражданской войны влияние политических партий приобрело иной характер. Отныне на настроения и поведение народных масс действовали не только тактические шаги в лавировании между требованиями и желаниями масс, но и силовое воздействие политических сил.

Важное место в рассмотрении влияния партий на народные массы после октября 1917 г. занимает феномен насилия. Массы восприняли понимание свободы как возможность «дать сдачу» бывшим «эксплуататорам», поставить их в зависимое положение, при этом не ставя в расчет теорию о равенстве прав граждан страны. Такое перемешивание понятий возмездия и справедливости стало основой, сформировавшей репрессивный аппарат со стороны государства, ярко продемонстрировавший свои ресурсы в политике «красного террора», и как отметил В.П. Булдаков: «Послеоктябрьский большевизм стал как бы мостиком от насилия толпы к насилию государства»²⁷⁸. На фоне растущего чувства обреченности среди интеллигенции, в городских низах проявлялся цинизм и апатия от хаоса.

Рост преступности в губернии, забастовка служащих осенью-зимой 1917 г. подтолкнули большевистское правительство к созданию органов охраны правопорядка. Были созданы отряды Красной гвардии, в январе 1918 г. стали создаваться структуры советской милиции, а также аппарат органов судебной ветви власти. Для рассмотрения политических дел при Саратовском Совете был создан революционный трибунал. С февраля 1918 г. берет свое начало губернская комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Во многом провозглашение «красного террора» стало актом демонстрации утверждения государственного порядка через репрессивный механизм.

---

²⁷⁸ Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. - изд. 2-е, доп. - М., 2010. С. 240.

Не сразу большевики были восприняты всерьез, зафиксировано было немало поношений в адрес Ленина и других большевиков уже после октября 1917 г. Например, из доклада собрания членов РКП Железнодорожного района Саратовской организации, становится известным случай, произошедший на одном из городских складов в октябре 1919 г. Счетовод склада по денежной части Ананьев вырезал из марки изображение Николая Пи и наклеил на лоб В. Ленина, изображенного на плакате, приговаривая при этом, что «все коммунисты – дураки, что не коммунист, то дурак»²⁷⁹.

Такие послания были своего рода разнузданными, показателями бессилия, а не демонстрацией готовности борьбы с большевистской властью.

Борьба за лояльность народных масс происходила на фоне восстания саратовского гарнизона, чехословацкого корпуса на западе Саратовской губернии, прорыва армии Комуча и рейдов уральских казаков. В таких условиях контроль за порядком закрепился в руках революционной охраны и ЧК.

В 1918 г. была произведена национализация промышленных предприятий и банков, в России началась фактическая национализация земли. В.И. Ленин в августе 1919 г. сформулировал тезис: «социализм есть уничтожение крестьянства как класса – крестьянин становится работником»²⁸⁰. Положение о делении крестьянства на три группы обосновали ведение гражданской войны с кулаками.

С середины 1918 г. утверждается политика «военного коммунизма», характеризующаяся созданием чрезвычайных органов, подчиненных военным нуждам, национализацией промышленности, продразверсткой и хлебной монополией, запрещением частной торговли, фактическим прикреплением рабочих к предприятиям и т.д. Меры «военного коммунизма» затронули крайне важные аспекты жизни разных слоев населения.

---

²⁷⁹ ГАНИСО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 5. Л. 251.

²⁸⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39.С. 6,41.

Отношения советской власти с крестьянством к середине 1918 г. значительно осложнились. Взамен привычных популистских лозунгов в условиях Гражданской войны и, вместе с ней политикой «военного коммунизма» в деревню пришли продразверстка и комбеды, началась борьба с «кулаками».

К весне 1918 г. жители городов и армия стали испытывать голод, товарооборот между городом и деревней был нарушен: «К тебе, крестьянская беднота, взывают твои голодные братья. Они уже заставляли фабрикантов дать тебе необходимые в деревне предметы, заставь же и ты своих кулаков-мироедов отдать голодающим свои излишки»²⁸¹, – взвали к населению деревни лозунги советской власти.

Эти меры оказывали неблагоприятное влияние на отношение к большевистской партии, обстановка в Саратове в декабре 1918 г. характеризуется в докладе в Губком: «Почва неблагоприятная. Город и губерния мещанская и кулацкая. Сил немного. Для города недостаточно. Интеллигенция – эсеровская».²⁸²

Похожие настроения уже после описываемых событий освещал большевик П.И. Волошенко в г. Вольске в 1918 г.: «Здесь еще была кампания пособников Колчака и не чувствовалось, что была Октябрьская революция... В городе не было благополучно, кулаки, эсеры волновали массу, город переживал голодовку – наследие империалистической войны».²⁸³

Случалось, что вооруженные рабочие предпринимали поездки по деревням для «добычи» продуктов²⁸⁴, что могло закончиться для них летальным исходом. П.И. Волошенко пишет: «Вместо хлеба пришлось видеть ужасы кулачества – зверски убитых рабочих... Чувствовалось

---

²⁸¹ Известия. 25 декабря. 1917 г. С. 2.

²⁸² ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

²⁸³ Там же. Ф. 199. Оп. 3. Д. 27. Л. 1.

²⁸⁴ ГАСО. Р-514. Оп. 1. Д. 29. Л. 15.

волнение в городе (Вольске – *Н. В.*) и контрреволюция расправляла крылья»²⁸⁵.

В Саратове и уездных городах появлялись антисоветские воззвания с обвинением в установлении «проклятой диктатуры» сторону большевиков, которые грабительской разверсткой разорили Россию окончательно»²⁸⁶. Для создания организованного и целенаправленного механизма товарооборота между деревней и городом, под руководством большевиков создавались продотряды, состоящие из вооруженных рабочих, так в продотряды было вовлечено свыше 80 тыс. рабочих²⁸⁷. После продотрядов в город прибывали части Красной Армии, усмирявшие борьбу крестьянства с продотрядами. На основе деревенской бедноты и батраков создавались комитеты бедноты, которые, фактически заменили органы власти в лице эсеро-меньшевистских Советов.

Большевики особенно внимательно относились к социал-революционерам и стремились к разрушению их партийной структуры, так как от них исходила потенциальная угроза объединения с крестьянским протестным движением и вооруженными отрядами «зеленых».

Власть на местах переходила в руки комбедов, проводивших также дополнительно перераспределение земли, орудий труда и скота. К осени 1918 г. комбеды, возглавляемые рабочими или солдатами, были распущены, во многом из-за того, что их деятельность в деревне оказалась разрушительной. Местная власть опять вернулась к Советам, в которых уже преобладали большевики.

В январе 1919 г. после введения продразверстки, проведения мобилизации на Западный фронт, настроения среди крестьян, сдающих продтовары по заниженным ценам, а порою и бесплатно, были антибольшевистскими.

---

²⁸⁵ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 27. Л. 1.

²⁸⁶ Там же. Ф. 199. Оп. 3. Д. 228. Л. 1.; Оп. 2. Д. 229 и др.

²⁸⁷ *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. - изд. 2-е, доп. - М., 2010. С. 223.

В переписке с ЦК РКП (б) губернского ЧК также содержатся сведения о настроениях рабочих: «общее настроение среди рабочих железнодорожного депо г. Покровска под влиянием агитаторов против и враждебное советской власти. Масса склонна к забастовкам, ссылаясь на недостаток продовольствия, мануфактуры, обуви, подчеркивается, что рабочие живут в нищете и грязи»²⁸⁸, о настроениях красноармейцев: «настроения среди красноармейцев неудовлетворительное. В нарядах без отдыха, хлеб по $\frac{3}{4}$ фунта, несвоевременное жалование, враждебное отношение к советской власти не наблюдается»²⁸⁹, крестьяне же «в большинстве к наступлению белогвардейских банд Деникина относятся с презрением или ужасом, т.к. видят перспективу старых помещичьих порядков, отнятия земли, угодий и свобод...считают необходимым взяться за оружие тогда, когда враг будет приближаться к их землям и угрожать им самим»²⁹⁰.

До 1920 г. продразверстка расширялась по числу входящих в нее продуктов, а также вводились повинности. К несогласным применялись карательные меры, вплоть до расстрела. Крестьянство массово стало вливаться в «белое движение», которое, однако, не смогло предложить лучшей альтернативы деревне.

Поволжье и Саратовскую губернию в 1920-1921 гг. охватывают ограбления разбойничьих шаек, вооруженных банд, состоящих преимущественно из крестьян в различных уездах губернии: Вольском, Камышинском, Хвалынском, Пугачевском.

Постановление саратовского Губисполкома освещает деятельность бандитских шаек в марте 1921 г.: « За последнее время передвижениями бандитских шаек и кулацкими воззваниями во многих волостях Саратовской губернии нарушен революционный порядок расхищением заготовленного хлеба и нарушением правильного железнодорожного сообщения... бандой

---

²⁸⁸ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 76. Л. 112.

²⁸⁹Там же. Л. 115.

²⁹⁰ГАНИСО. Ф. 27. Д. 22. Л. 90.

Попова на северо-западе от Карабулака происходят массовые хищения крестьянами хлеба, убийства коммунистов, порча железнодорожного, телеграфного и телефонного сообщения»²⁹¹. В уездах, куда добирались бандитские отряды складывалась «жуткая картина борьбы»²⁹².

Важную роль в крестьянских движениях играли политические программы лидеров повстанцев, основными требованиями которых были переизбрание советов и ликвидация продразверстки.

В некоторых уездах звучали призывы к населению с оружием в руках идти против Красной армии: «В г. Кузнецке был замечен агент, который публично агитировал, что Красная Армия есть наймиты Германского империализма и что войска пришли в Самару уничтожить этих наймитов и сдерут с них по семь шкур». В ответ на эти призывы местные коммунисты отправляли прошения в Губком партии с просьбой: «потрудиться приехать со стальной пролетарской метлой и вымести ненужный элемент в мусорную и помойную яму»,²⁹³ а также предпринимались меры усиления культурно-просветительскую работу среди населения.²⁹⁴

Наиболее сильными в деле работы «пролетарской метлы» и просветительской деятельности были представлены коммунистические организации пяти уездов Саратовской губернии: Царицынского, Саратовского, Аткарского, Петровского, Сердобского. Слабые из-за близости фронта: Балашовский и Камышинский, из-за неорганизованности - Вольский, Хвалынский, Кузнецкий²⁹⁵. Для разгрома отрядов привлекались войска Красной армии и части особого назначения из милицейских подразделений. К середине 1922 г. были ликвидированы крупные повстанческие формирования на территории Саратовской губернии.

---

²⁹¹ГАСО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 24. Л.25.

²⁹²Там же. Л.56.

²⁹³ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 11. Л.1.

²⁹⁴Там же. Л.11.

²⁹⁵Там же. Л.13.

Крестьянское движение в Поволжье, и в Саратовской губернии, в частности, в 1918-1922 гг. не было результатом политической деятельности эсеров и других антибольшевистских партий. Крестьянское протестное движение формировалось стихийно под воздействием Гражданской войны и политики Советского государства. Конкретизировалась деятельность эсеров лишь на определенных выступлениях, где их члены принимали участие в качестве руководителей или подстрекателей, поэтому нельзя сказать, что эсеры сыграли руководящую роль в крестьянских восстаниях в Саратовской губернии в годы Гражданской войны.

В 1920 г. резко ухудшилось питание рабочих Поволжья, это было связано, в первую очередь, с неурожаем в регионе и вывозом продовольственных товаров в центральные районы страны. В одном из писем жителя г. Царицына, датированное январем 1921 г., содержится описание продовольственного кризиса: «Жить плохо, на базарах все отбирают, народ недоволен властью... Съездить за хлебом нельзя, везде заградительные отряды, вспыхивают восстания, продукты выдают очень плохо... но черный рынок существует»²⁹⁶.

Волнения среди рабочих Поволжья начались еще в начале 1921 г.. Так, в январе 1921 г. забастовали железнодорожники г. Покровска, среди их требований было прекращение обысков рабочих, обслуживающих железную дорогу. Забастовка закончилась арестом 40 чел.²⁹⁷.

С марта, после сокращения продовольственного пайка до 100 гр., начались выступления в г. Саратове. Незамедлительная реакция последовала у рабочих железнодорожных мастерских, невышедших на работу после обеденного перерыва. Рабочие собрались для обсуждения вопроса о сокращении выдачи продуктов, и как отмечалось в сводках ЧК собрание

---

²⁹⁶ Цит. по: *Камардин И. Н.* Рабочий протест и кризис политики военного коммунизма (на материалах Поволжья) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2007. № 4. С. 46.

²⁹⁷ Там же. С. 53.

имело «крайне бурный и возбудительный характер»²⁹⁸. На следующий день рабочие железнодорожных мастерских бросили работу и устроили митинг, забастовка распространилась и на рабочих металлургических заводов, а также крупнейших фабрик. На созванных собраниях рабочих по вопросу сокращения пайка «на все лады ругали большевиков». Губком был вынужден пойти на создание комиссии для проверки деятельности продовольственных учреждений и ЧК. В эту комиссию избрали делегатов из состава рабочих, при этом обвинительные речи в адрес большевиков на некоторых предприятиях продолжались, предлагалось даже всю власть в губернии передать в руки выбранной комиссии²⁹⁹.

Позже комиссия была распущена, однако ряд мер, которые впоследствии примет Губком показывают, что большевики опасались возмущения рабочих. Был учрежден Губернский революционный комитет с чрезвычайными полномочиями, который ввел военное положение в городе и гарнизоне. По указанию Губревкома были арестованы лидеры рабочего движения в Саратове, около 200 чел. В докладе партийной организации Саратова, отправленном в Москву, сообщалось, что город охвачен «почти всеобщей забастовкой, ликвидированной после огромных усилий всего партийного и советского аппарата»³⁰⁰.

Деятельность Чрезвычайной комиссии распространялась на пресечение возможных забастовок на предприятиях, а также на стратегически важных объектах. Так, положение транспорта на РУЖД порою складывалось катастрофичное в условиях Гражданской войны: отсутствие необходимого количества топлива, уход части рабочих в ряды Красной Армии, заносы в зимнее время затрудняли перевозку продовольствия. Кроме того, на железных дорогах предполагались забастовки: «организованные

---

²⁹⁸ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

²⁹⁹ Рейли Д. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны // Вестник Самарского государственного университета: Гуманитарный выпуск. 2001. № 1 (19).

³⁰⁰ ГАСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 633. Л. 4.

меньшевиками и правыми эсерами», которые удалось ликвидировать благодаря усилиям ЧК. Так как ЧК боролась с саботажем, «происходящим в то время на железной дороге со стороны технических агентов, и имела широкие полномочия вплоть до расстрела, то явления саботажа почти что прекратились»³⁰¹.

В начале 1921 г. партийные руководители почти каждое выступление рабочих связывали не с перекосами своей политики, а с контрреволюционной деятельностью и враждебным влиянием меньшевиков и эсеров. Безусловно их представители принимали активное участие в агитации рабочих и подготовке забастовок, активизировали выдвижение антибольшевистских лозунгов.

Переход к НЭПу в Саратовской губернии происходил в условиях катастрофического голода 1921-1922 гг., к тому же сохранялись насильственные методы взимания налога. В уезды отправлялись агенты продтроек, которые разбирали до 200 дел о злостных неплательщиках налогов³⁰². Такие действия вызывали у крестьян озлобленность и недовольство к местным советским органам: «Большинство <...> боялось, что придет отряд и заберет все»³⁰³.

Для пресечения слухов проводилась агитационная кампания, в местной прессе опровергались слухи о возврате к «военному коммунизму», отвергались слухи о повторном сборе продналога по городу Саратову и уездам³⁰⁴.

В этот период насущные потребности рабочих совпали с платформами партий, критиковавших программу большевиков. Рабочие требовали отмены военно-коммунистических принципов организации их труда: упрощения процедуры перехода с одного предприятия на другое, отмены

---

³⁰¹ ГАНИСО.Ф. 81. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

³⁰² Серп и Молот. 1921. 24 окт.

³⁰³ Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с октября 1921 по 1 апреля 1922 г. Саратов :Саратовск. губ. испол. ком. сов. р. к. и к. д., 1921-1923. С. 48.

³⁰⁴ См. Саратовские Известия. 1922. 16 сент.; Саратовские Известия. 1922. 22 сент.

принудительного закрепления на предприятии и т.д. Эти требования были удовлетворены в рамках положений НЭПа, однако главным фактором повлиявшим на настроения населения стала усталость от хаоса, страх и желание обретения порядка и стабильной власти, эти требования народных масс большевикам также удастся удовлетворить.

Хоть и официально «красный террор» был аргументирован покушением на В.И. Ленина, но, очевидно, управленческий аппарат советской власти рано или поздно перешел бы к использованию в своей деятельности механизма репрессий. Существуют мнения, что руководство большевиков намеренно отдавали инициативу насилия низам, для того, чтобы узаконить происходящее в качестве тотальной репрессивности режима³⁰⁵. Так, покушение на Ленина привело к волне расстрелов заложников, левоэсеровский мятеж развязал череду убийств членов императорской фамилии и священников.

Хаос революции, публикации в газетах о «самосудах» в городах России, грабительства нагоняли страх на обывателей, что постепенно приводило к ожиданию порядка, безразлично под чьим знаменем.

Любое властное начало представляло надежду на упорядочение хаоса. Из отчаяния и надежды в среде интеллигенции рождалась вера в то, что большевизм можем послужить панацеей от смуты, происходящей в стране.

События в Петрограде и Москве играли решающую роль в установлении новой власти в регионах. Успех большевиков к началу 1920-х гг., идеи всемирной пролетарской революции создавали ощущение величия государственного идеала, даже под знаменем большевизма, которым уже увлеклись миллионы. Это поражало смирение перед властью и религиозную экзальтацию³⁰⁶.

---

³⁰⁵ Яров С.В. На заре советского следствия: идеология и практика, 1918-1919 // Минувшее. Т. 18. М., 1986. С.317.

³⁰⁶ Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. - изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 246.

НЭП стал не только хозяйственно-политической необходимостью советской власти, но и неким оптимумом, в рамках которого развивалась советско-большевистская система.

Революция, как попытка уничтожения неограниченного деспотизма и достижения свободы, оказалась изменением прежних инструментов подчинения к диктату в новой форме, которое осуществилось в имперско-патерналистской системе России через «восстание масс». Партию большевиков называют «генератором нетерпения масс», которая одновременно могла обуздать революционный хаос.

Таким образом, в революционный период в России массовые настроения стоит рассматривать как объект воздействия политико-идеологических конструкций, а также как фактор, оказывающий влияние на сами политические партии.

Саратовский электорат в период Великой российской революции формировал мнение о политической партии не столько путем изучения ее программы, сколько непосредственным отношением к самим партиям, их мифологизированному имиджу, сложившимся в народном сознании.

Успех партии определялся соответствием ее практической деятельности по отношению к психологии и базовыми мировоззренческими установками широких масс населения, а также обозначением позиции по решению самых острых проблем, в том числе, аграрного вопроса и до 1918 г. вопроса о войне.

После февральских событий 1917 г. деятельность политических партий активизировалась, в аграрной Саратовской губернии большевики, меньшевики, правые и левые эсеры составляли главные политические партии и боролись за власть в губернии. Каждая из партий старалась оправдать именно свои действия и выставить в неблагоприятном свете конкурентов и соперников.

Либеральные ценности кадетской партии вступали в противоречия с массовыми традиционными представлениями крестьян, с их патриархальной

культурой, поэтому постепенно стали усиливаться позиции левых партий. Программа решения аграрного вопроса у меньшевиков была непонятна крестьянам и не соответствовала их требованиям, что во многом определило судьбу меньшевиков наряду с либеральными силами.

Большевики оказались единственной партией, которая смогла оперативно и решительно реагировать на изменения в настроениях масс, а также использовать инструменты манипуляции массовым сознанием для достижения своих партийных целей. В Саратове большевикам удалось постепенно консолидировать властный и экономический ресурс в своих руках и укрепить свое влияние в губернском центре, а также и в уездных городах Саратовского Поволжья.

В условиях разворачивающейся Гражданской войны влияние политических партий приобрело иной характер. Отныне на настроения и поведение народных масс действовали не только тактические шаги в лавировании между требованиями и желаниями масс, но и силовое воздействие политических сил. Основные требования социальных слоев населения Саратовской губернии: рабочих, крестьян будут частично удовлетворены в рамках положений НЭПа в 1921 г.

Хаос, грабеж и насилие нагоняли страх на обывателей, что постепенно приводило к ожиданию порядка, большевистское властное начало представляло надежду на упорядочение хаоса. Из отчаяния и надежды рождалась вера в то, что большевизм может послужить панацеей от смуты, происходящей в стране.

Глава 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ СОБЫТИЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ ГОРОЖАНАМИ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914-1918 гг.

3.1. Восприятие населением городов Саратовской губернии Первой мировой войны и начала демократических преобразований после падения монархии

Начало Первой мировой войны в официальной прессе ознаменовалось патриотическим подъемом, который, по мнению В.И. Ленина, отождествлялся с проявлением шовинизма: «Среди крестьянства правящей клике при помощи буржуазной печати, духовенства и т. д. тоже удалось вызвать шовинистское настроение. Но, по мере возвращения солдат с поля бойни, настроение в деревне, несомненно, будет меняться не в пользу царской монархии»³⁰⁷. В.И. Ленин употребил понятие «революционной ситуации», «непосредственный революционный кризис» и «революционное состояние», характеризуя предшествующий революции период.

Аналогичной точки зрения придерживались советские историки, а современные исследователи рассматривают период накануне Великой российской революции с разных позиций, в том числе, в рамках теории модернизации, определяющий российскую империю начала XX в. как особую форму организации, которая вынуждена была дифференцировано реагировать на резкие изменения условия своего существования³⁰⁸.

Начало Первой мировой войны в Саратове, как и во многих городах империи, было ознаменовано патриотическими манифестациями. Вечером 17 июля 1914 г. (затем 20 июля после объявления войны России) в Саратове на Московской улице собралась толпа со знаменами, флагами, портретами императора. В сопровождении хора, музыкантов манифестанты отправились

---

³⁰⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 331.

³⁰⁸ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 и др.

на Соборную площадь к памятнику Александра II, где были произнесены речи. А затем шествие, растянувшееся почти на целый квартал, по Немецкой улице направилось к казармам.

Подобные патриотические манифестации, прокатившиеся по многим городам России, не позволяют сделать окончательный вывод о том, что большая часть населения восприняла начало войны с энтузиазмом, так как в последующие недели и месяцы подобных манифестаций уже не повторялось. Кроме того, очевидны косвенные признаки организации патриотических манифестаций «сверху» – хорошая обеспеченность манифестантов средствами визуального воздействия (царские портреты, хоругви). Наряду с этим обращает на себя внимание и активная деятельность представителей церкви в этих акциях, устраивавших молебны перед началом или по окончании патриотических актов.

25 июля 1914 года состоялось чрезвычайное губернское земское собрание, на котором был принят всеподданнейший адрес, который заканчивался пафосными словами с уверенностью в том, что «сильная своим единением с царем Русь вынесет все испытания войны». Саратовская городская дума также послала императору адрес, заявляя о готовности всеми средствами поддерживать войну и царя. Она ассигновала 600 тысяч рублей на «благо Отечества».

При характеристике содержания категории «патриотизм» исследователи, как правило, подменяют анализ массового сознания описанием, так называемой, патриотической деятельности – мобилизации, благотворительности, которые, однако не являются прямым и безусловным доказательством патриотических настроений. В ряде случаев авторы считают самодостаточным факт участия в помощи фронту, игнорируя выяснение мотивов участников благотворительности (не говоря уже о том, что искренняя филантропическая деятельность совсем не обязательно совпадает с поддержкой политики власти и сочувствием военным планам России). Известно, что некоторые частные фирмы, особенно принадлежавшие

российским подданным с немецкими фамилиями, вынуждены были «откупаться» от властей активной благотворительностью.

Популярные городские газеты того времени – «Саратовский листок», «Саратовская копейка», «Саратовский вестник» – рассказывали о многочисленных пожертвованиях. Вот несколько таких сообщений: заметка в «Саратовском листке» от 28 августа 1914 г.– колонисты Саратовской и Самарской губерний изъявили желание собрать до 50 тысяч рублей и на эти деньги оборудовать и содержать 100-кочный военный лазарет³⁰⁹; от 6 сентября 1914 г.– крестьяне Переездинской и Сластухинской волостей Аткарского уезда составили приговор об отдаче хлеба из общественных амбаров на нужды армии³¹⁰.

Однако в низах общества были сильны и антивоенные настроения. В связи с этим в конце июля Саратовская губерния была объявлена «на положении чрезвычайной охраны». По распоряжению полиции в Саратове закрылись все казенные лавки, торговавшие водкой, трактиры, ренсковые погреба и пивные ларьки, были приостановлены государственные и общественные работы.

Несмотря на принятые меры, в Саратове, а также в некоторых уездных городах, как, например, в Камышине произошли столкновения из-за отказа части призванных идти в действующую армию. Так, в самый день объявления войны с Германией беспорядки вспыхнули в Вольске. Население разгромило полицейское управление и несколько магазинов. В тот же день по распоряжению самарского губернатора была закрыта за антивоенную агитацию балаковская газета «Заволжье», а ее редактор В. Н. Добролюбов арестован на три месяца.

Все же большинство современных авторов соглашаются с тем, что «начало войны было воспринято широким общественным мнением как свершившийся факт, как данность, однако происхождение большой войны и

---

³⁰⁹ Саратовский листок. 1914. 28 августа. С.2.

³¹⁰ Саратовский вестник. 1914. 6 сентября. С. 2.

преследуемые в ней цели массой российского населения так и остались непонятыми. Учитывая уровень гражданского сознания, культуры и образованности народных масс, трудно было рассчитывать на осмысленное и мотивированное отношение большинства к войне³¹¹.

Чаще всего сознательное отношение к войне оформлялось уже по прошествии нескольких лет, в воспоминаниях партийцев в 1920-1930-е гг. война воспринималась крайне враждебно, в условиях которой «царские опричники» мобилизовали мужское население для «пролития крови своих братьев ради блаженства капитала под игмом царизма»³¹². Но эти законченные образы формировались уже при советской действительности.

А была ли «революционная ситуация» накануне 1917 г. в империи и, в том числе, в Саратовской губернии? Интересным в этом контексте будет рассмотрение отчета за 1915 г. Директору Департамента полиции о настроениях в Саратовской губернии³¹³. Безусловно при некритическом подходе донесения чинов жандармского управления могут ввести в заблуждение. Однако такие отчеты позволяют обратить внимание на опасения современников и их взгляды на обстоятельства, создающие, по выражению В.И. Ленина, «революционную ситуацию».

В отчете указывается взаимосвязь событий первой русской революции 1905-1907 гг. и происходящими событиями в Саратовской губернии: «В 1905-1906 гг. когда, так называемое “освободительное движение” охватившее все слои населения и в особенности крестьян, сжегших и разгромивших большинство помещичьих усадеб, выделило Саратовскую губернию из всего Поволжья как наиболее беспокойную»³¹⁴. При этом последующее «успокоение» представлялось не как окончание революционной деятельности, а лишь как вынужденный перерыв,

---

³¹¹ Например, см. *Гребенкин И. Н.* «За что воюем?» Национальные интересы и цели России в общественном восприятии // Россия в годы Первой мировой войны, 1914-1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014. С. 44.

³¹² ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 27. Л. 1.

³¹³ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8 Д. 21. Л. 1-315

³¹⁴ Там же. Л. 10.

требующий при таком составе населения как Саратовская губерния «особой бдительности и безусловной осведомленности, чтобы своевременно принять меры к прекращению революционной деятельности в корне». Противоправительственное направление населения Саратовской губернии отчасти объяснялось еще и некоторыми особенностями состава этого населения: «старого дворянства с крепкими традициями в губернии осталось очень немного.

Оскудение дворянства настолько велико, что замещение дворянских должностей по выборам в некоторых уездах стало очень затруднительным, как например в Камышинском, Царицынском и Кузнецком, по этой причине в состав земских начальников вошел не дворянский элемент. Такое положение дворянства не дает крестьянам авторитетных помещиков, пользующихся влиянием в значительном округе»³¹⁵. Также делался акцент на том, что русского именитого купечества в Саратовской губернии и вовсе не найти и самыми крупными коммерсантами являются немцы-колонисты, «держашие от всех совершенно обособленно, а потому и не имеющие с крестьянством или местными обывателями никакой связи»³¹⁶. Наряду с этим особо выделялась молодежь: «в большинстве просто развращенные, хулиганствующие люди, не признающие никаких авторитетов»³¹⁷.

В советской историографии активно изучалась роль студенчества в революционных событиях 1917 г., в большей степени рассматривался вопрос влияния большевистских организаций на учащихся высших учебных заведений. История саратовского университета и студенчества стала объектом крупнейшего исследования историка В. А. Соломонова, который уделил в своей работе немалое внимание студенческой среде в переломную эпоху начала XX в.³¹⁸. В современной российской историографии ученые

---

³¹⁵ГАСО. Ф. 53. Оп. 8 Д. 21. Л. 11.

³¹⁶Там же. Л. 12.

³¹⁷ Там же. Л. 13.

³¹⁸*Соломонов В. А.* Революционное студенческое движение в Саратове 1910-1917 годов / Под ред. В.В. Всемирова. Саратов, 1991. С. 63.

стали обращаться к теме студенчества с точки зрения социальной истории, и рассматривать влияние настроений студентов, как социальной группы, на общественно-политические события начала прошлого столетия. Как правило, через эту призму изучается поведение студентов г. Петрограда, региональному же, в частности, саратовскому студенчеству на данный момент исследователями не уделяется внимания.

При рассмотрении взглядов и настроений студенчества России начала XX в. следует учитывать возрастные и психологические особенности этой группы населения. Молодежь, в том числе и студенты, воспринимали происходящие политические события более романтизированно, в основе этого восприятия чаще лежал не собственный жизненный опыт, а идеи и знания, полученные из литературы.

Интересные выводы в своей работе приводила Сьюзан Морисси, которая утверждала, что разные политические взгляды студенчества зависели от их возраста. То есть раскол происходил между представителями студентов старших и младших курсов. Первые были носителями традиций Первой русской революции, а последние, более подверженные патриотической пропаганде³¹⁹.

Хотя, конечно, среди студентов любого возраста были представители разных политических взглядов и настроений. Зачастую не столько биологическая незрелость, сколько психологическая, подталкивала молодежь к правому или левому радикализму³²⁰. Поэтому студенты становились одними из главных участников социально-политической истории.

Следует отметить, что вначале XX в. численность студентов и их участие в общественно-политической жизни заметно возросло. В этот период появлялись новые высшие учебные заведения различного профиля. На рост

---

³¹⁹ Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб. 1999. С. 291.

³²⁰ Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918). 2020. С. 611-615.

студенчества повлияла также мера Первой российской революции - временное закрытие учебных заведений, что привело к «затягиванию» обучения, вследствие чего многие студенты не выпустились в положенный срок. С изменением сроков обучения изменился и средний возраст студентов. С конца XIX в до 1917 г. численность студенчества в Российской империи возрастала: в 1897/98 учебном году в империи было около 32000 студентов, в 1913/14 – 121000, в 1917 – уже около 135000³²¹. При этом студенчество представляло собой многочисленную и организованную группу, с маргинальным уклоном, участвующую в социально-политических событиях, особенно в крупнейших городах России, где прослойка студентов была более заметная.

Еще с 1905-1907 гг. в учебных заведениях наметился раскол на политизированное и деполитизированное студенчество. С 1908 г. даже стали организовываться союзы, выступавшие за невмешательство студентов в политическую жизнь страны, но зачастую они приобретали правый монархический уклон.

Под влиянием политических партий молодежное движение, в том числе студенческое активно развивалось и самоорганизовывалось. В уездных городах увлечение учащимися антиправительственными идеями не носило всеобщий характер. Так в г. Петровске в 1915 г. у воспитанников реального училища Г. Гуревича и А. Крашенинникова была обнаружена литература с антиправительственными и антирелигиозными идеями: журнал «Голос молодежи», «Очерки социализма» Ж. Жореса, литература Ф. Энгельса и Р. Иеринга. Гуревич и Крашенинников были отчислены из училища, а позже выяснилось, что распространителями оппозиционной литературы в г. Петровске были бывшие ученики местного реального училища,

---

³²¹ *Иванов А. Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М., 1999. С. 178.

занимающиеся вербовкой учащихся города, которых вскоре после этих событий задержали³²².

Если в уездных городах распространение антиправительственных идей носило локальный характер, то в университетском центре - г. Саратове студенчество более массово примыкало к различным политическим движениям. Особенное оживление в студенческом оппозиционном движении вызвала эвакуация в город студентов из Киева в 1915 г. Так, в Саратов прибыл Киевский университет в составе юридического, физико-математического и историко-филологического факультетов, с общей численностью студентов - более 2500 человек. Переведены были в Саратов Высшие женские курсы, педагогический институт, вместе с которыми в город прибыло свыше 6000 студентов и сотрудников³²³.

Студенты Киевского коммерческого института обращали внимание своим оппозиционным направлением, стремлением к кружковой деятельности «под видом материальной помощи»³²⁴. Через месяц после эвакуации Киевского коммерческого института в Саратов, в его аудиториях студентами-украинцами - эсерами разбрасывались прокламации с призывом организовывать кружки «в пользу политического Красного креста»³²⁵. Такие организации студентов играли важную роль в соорганизованности и сплоченности студентов, примечательно, что правление таких организаций являлось преимущественно левого направления политических взглядов. Часть студентов этого института вошла в просветительское общество «Маяк», в котором впоследствии начнется революционная работа.

В институте была организована хозяйственная комиссия, в которую стало вливаться все левое студенчество. В целях его объединения, группа студентов Коммерческого института во главе со студентом Каменевым

---

³²² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9629. Л. 12-15.

³²³ *Малинин Г.А.* Киевский университет в Саратове // Поволжский край: межвуз. науч. сб. Вып. 7. Вопросы социально-экономической и политической истории / отв. Ред. С.А. Соколов. Саратов. 1984. С. 107-113.

³²⁴ ГАСО Ф. 1. Оп. 1. Д. 9629. Л. 87.

³²⁵ Там же. Л. 292.

решили издавать легальную еженедельную газету «Студенческая жизнь», с этой целью из средств комиссии было отчислено – 500 рублей, но издать удалось всего лишь один выпуск газеты³²⁶. Эта комиссия возникла стихийно, при эвакуации из Киева с целью сбора средств для нуждающихся. Ее возглавили энергичные студенты: Каменев, Правдухин, Самохин, Медянский и Каркашвили. Позже в Саратове появится общество помощи студентам под названием «Устав скорой помощи нуждающимся учащимся в высших учебных заведениях гор. Киева, эвакуированных в г. Саратов»³²⁷.

«Дурное влияние» на студентов Киевского коммерческого института имели экстраординарный профессор кафедры прикладной экономики П.Л. Кованько и профессор Л.Н. Яснопольский. Яснопольский являлся депутатом Государственной думы I созыва, членом конституционно-демократической фракции и украинской парламентской группы. За подписание «Выборгского воззвания» от 1906 года был осуждён и отбывал трёхмесячное заключение в Конотопской тюрьме, а после стал профессором Киевского коммерческого института³²⁸.

Но было бы неверным утверждать, что все учащиеся придерживались исключительно оппозиционных взглядов. В институте возникла распря между левыми студентами и студентами-академистами. Академистами обозначали ту прослойку студентов учреждения, которые не придерживались кардинальных левых взглядов и поддерживали Директора Киевского коммерческого института – М. В. Довнар-Запольского, ставшего в оппозиции Хозяйственной комиссии. Довнар-Запольский – первый ректор института, историк, в юношеские годы увлекался идеями Т. Шевченко, А. Герцена и даже был отчислен из 1-й Киевской гимназии, за чтение «книг преступного

---

³²⁶Соломонов В.А. Революционное студенческое движение в Саратове 1910-1917 годов. С. 36-37.

³²⁷Малинин Г.А. Указ. соч. С. 112.

³²⁸Соломонов В.А. Указ. соч. С. 37.

содержания»³²⁹. Однако будучи директором Киевского коммерческого института, он не был сторонником организации обществ левонаправленного студенчества и их деятельности.

М.В. Довнар-Запольский, зная, что во главе хозяйственной комиссии находятся политически неблагонадежные лица, препятствовал их деятельности. Так, ректор потребовал освободить занятую комиссией канцелярию в здании института. Студенты оставили канцелярию, однако решили сорвать лекцию Довнар-Запольского и устроили ему «кошачий концерт»³³⁰ – перебивали и мешали профессору читать лекцию.

Молодость и энергичность студентов с разной политической позицией приводила их к банальному хулиганству: дракам, битью витрин магазинов и т.д. Своего рода «перфоманс» студенты Киевского коммерческого института устроили во время похорон депутата Государственной думы II созыва, социал-демократа В.Б. Ломтатидзе, который отбывал наказание в Саратовской тюрьме и скончался от туберкулеза в ноябре 1915 г. Студенты на похоронах вели себя возбужденно, вследствие чего началась перебранка между академистами и левыми, во время которой сильные физические увечья получил глава хозяйственной комиссии – Каменев.

В числе эвакуированных из Киева в Саратов студентов прибыла группа украинских социал-революционеров. Члены этой группы подготовили воззвание на малороссийском и польском языках, трактующее об общности интересов передовой польской и украинской молодежи, желающей видеть их народы свободными и независимыми. В воззвании рекомендуется поддерживать всеми силами украинское движение в его борьбе с российским правительством во всех формах и выражается протест против русификаторской политики правительства в Восточной Галиции³³¹.

---

³²⁹Чернобаев А.А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. В 3 т. Саратов, 2005. Т. 1. С. 93.

³³⁰ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 21.Л. 87.

³³¹ Там же. Л. 89.

Интересную речь произнес редактор Саратовской газеты «Волга» в Нижнем Новгороде на Съезде членов русского народа в 1915 году, по его заявлению: «русская школа, лишенная должного надзора революционизируется» и ярким примером этого, по его мнению, являлся Саратовский университет, где профессора отказываются бороться с нарастающим студенческим революционным движением³³².

Относительно спокойнее в это время, по сравнению с эвакуированным в Саратов Киевским коммерческим институтом, обстояли дела в Императорском Николаевском университете, где на протяжении 1914-1915 гг. недоразумения между студентами и администрацией происходили преимущественно на почве организации учебного процесса.

Большая часть студентов Саратовского университета в начале Первой мировой войны была настроены патриотично. На проходящих в аудиториях собраниях студенчества обсуждались вопросы о благотворительных сборах в пользу жертв войны. В феврале 1915 г. в студенческой среде распространялись листовки с призывами провести забастовку в знак протеста против действий правительства. Однако эти призывы не нашли поддержки среди большинства учащихся³³³.

Между тем, случались различные инциденты массового характера с участием студентов. Так, в здании Саратовского университета, где занимались студенты Киевского университета имелась специальная комната для совещания студентов, которая была неизвестна для администрации. На стене этой комнаты висело воззвание – «плакат», написанный на малороссийском и польском языках, и напечатанный на машинке. Воззвание призывало бороться против войны, разорившей всю Польшу и добирающейся до Украины³³⁴.

---

³³² ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 21. Л. 138.

³³³ *Мраморнов А.И.* Саратовский императорский университет в годы Первой мировой войны (1914-1917 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «История. Международные отношения». 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 10-12.

³³⁴ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 21. Л. 90 об.

Еще один любопытный случай произошел в октябре 1915 г. в Александро-Невском кафедральном соборе. Студент Саратовского университета Григорий Сергиевский вечером 10 числа явился на всенощное бдение в собор в пьяном виде, достал папиросу и раскурил ее в присутствии молящихся. Вскоре студент, как обычный хулиган, демонстрировавший таким необычным образом протест против существующего порядка вещей был отчислен из университета³³⁵. Протесты в студенческой среде против войны и действий правительства носили скорее локальный характер, а университет в целом, продолжал работу, направленную, в том числе, на нужды войны.

С начала Первой мировой войны в студенческой массе наблюдался подъем патриотических настроений. Но уже в сентябре 1914 г., после отмены отсрочек от призыва в армию для студентов, в разных городах России произошли беспорядки с участием студентов. Однако часть студенчества с энтузиазмом и пониманием отнеслась к отмене отсрочек и продолжала участвовать в патриотических манифестациях.

Патриотический подъем в студенческой среде можно трактовать по-разному. Дело в том, что студенты, выражая готовность выполнить долг перед Родиной, могли быть при этом преисполненными оппозиционными настроениями и расценивать начало войны, как первый шаг к революционным изменениям³³⁶.

Среди студенчества также можно и выделить группу, которая отнеслась к Первой мировой войне равнодушно, без особых впечатлений.

Руководство организованного в группы левого студенчества и либерально настроенная интеллигенция города (как местная саратовская, так и эвакуированная киевская) имели взаимную заинтересованность в деятельности друг друга. В декабре 1915 г. состоялось организационное

---

³³⁵ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 566. Л. 221об.

³³⁶ Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб. 1999. С. 301.

собрание общества «Скорой помощи», на котором был избран президиум общества в составе: Председатель— профессор кафедры классической филологии Киевских Высших женских курсов А. И. Сонни, товарищей Председателя – присяжного поверенного Н.Н. Мясоедова, который позже станет председателем общества «Маяк», и профессоров И.В. Лучицкого, М.Е. Розенблюма и Л.В. Коркашвили³³⁷.

В 1916 г. в г. Саратове произошло несколько студенческих волнений, при участии студентов-киевлян и саратовцев. К этому же времени патриотический подъем студенчества пошел на спад, и напротив, стал усиливаться политический протест в студенческой среде. Такие настроения в столице были связаны, в том числе, с роспусками Государственной думы, арестом депутатов, гонениями на студентов-евреев. В провинции на эти настроения оказали дополнительное влияние еще и следующие обстоятельства: связь студентов с рабочими организациями и ухудшение условий жизни населения.

Студенчество стало активнее примыкать к различным политическим партиям, распространять прокламации и предпринимать попытки устройства митингов и демонстраций. Однако это не позволяет сделать вывод, что в данный период революционные идеи массово поддерживало все саратовское студенчество.

В студенческой среде существовали не самые многочисленные (по сравнению с общей численностью учащихся) политические группы, созданные на базе положений эсеровских и социал-демократических взглядов. Более того, нельзя утверждать, что эти группы имели влияние на большую часть студенчества, скорее наоборот, не отмечалось массовых мероприятий антиправительственной направленности, а попытки активизации деятельности таких групп, зачастую оканчивались арестами зачинщиков. Влияние политических партий ощущалось, но активизации их работы произойдет только после событий февраля 1917 г.

---

³³⁷ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 566. Л. 223.

Накануне февральских событий 1917 г. в крупнейших университетских городах страны активную работу осуществляли эсеры и социал-демократы. В Саратове, как и в некоторых других городах, студенты-социалисты объединились в «Коллектив демократического студенчества высших учебных заведений г. Саратова»³³⁸, который становился инициатором забастовок студентов³³⁹.

Согласно сообщениям начальников губернских жандармских управлений, в некоторых городах студенты руководили нелегальными рабочими собраниями и вели агитацию среди рабочих³⁴⁰.

Студенты, наравне с запасными солдатами в городе, стали частыми участниками беспорядков, к примеру, в г. Царицыне толпа женщин, получивших отказ от выдачи пособий, принялась избивать полицейских, и к этой толпе присоединились солдаты и студенты. В итоге для подавления беспорядков были вызваны войска³⁴¹.

Также одной из движущих сил революции, в большей мере, чем студенчество, стала армейская среда. Армия накануне революционных событий представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров было 9620 тыс., в запасных частях тыловых военных округов числилось до 1,5 млн. людей в военной форме³⁴².

Как упоминалось выше, население Поволжья в годы Первой мировой войны, особенно губернских и ряда уездных городов столкнулось с новой реальностью в городской среде – притоком военнослужащих, прибывавших на длительный срок, а также мобилизованных призывников и запасных, вливавшихся в состав городского социума. Связано это было с нахождением на территории городов гарнизонов и запасных воинских частей.

---

³³⁸ Шалагинова Л.М. Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции // Вопросы истории КПСС. 1967. № 2. С. 105.

³³⁹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. Д. 59. Ч. 69. Л. 1.

³⁴⁰ Аксенов В.Б. «Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918)», 2020. С. 617-619.

³⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1121.

³⁴² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 120.

В Саратовской губернии к 1915 г. воинские формирования размещались в нескольких городах. Например, в Саратове были расквартированы 3 пехотных и 2 пулеметных полка, 2 артиллерийские бригады, 2 отдельных артиллерийских дивизиона и пешая дружина³⁴³. В городах губернии оседали дезертиры, бежавшие с фронта и во время отправки на фронт. Причем, состав воинских частей, размещенных в поволжских городах, в течение военных лет менялся. Таким образом, в конкретную среду постоянно вливался новый социальный конгломерат, ранее чуждый данной территории.

В городах Поволжья присутствовали фронтовики, проходившие лечение в лазаретах и госпиталях, а также посещавшие родных во время краткосрочных отпусков, представлявшие военным служащим после лечения. Поволжские губернии входили в состав эвакуационных районов. На территории Саратова был создан окружной эвакуационный пункт, куда прибывали раненные и больные с фронта. На территории города и губернии госпитали и лазареты для раненых фронтовиков располагались в самых разнообразных учреждениях.

Так, уже с конца 1914 г. военнопленные, побывавшие на фронте, могли общаться с жителями тыла, являясь носителями информации, передаваемой ими лично. Поток раненных и больных солдат, прибывавших на лечение в Поволжье, был массовым и значительным. К примеру, в Саратове только за август 1914 года было принято 2975 раненных³⁴⁴.

В городах формировалась новая категория населения – больные и раненные фронтовики, ведущие себя как дезертиры, и внесшие дополнительный фактор влияния на мировоззрение горожан. Причем, это уже были не наивные деревенские парни, вышколенные военной муштрой, а солдаты, побывавшие на фронте, видевшие всю ее подноготную, включая

---

³⁴³ *Максимов Е.К., Тотфалушин В.П.* Саратовский край в годы первой мировой войны // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 272.

³⁴⁴ Там же. С. 273.

смерть на поле боя. Эти солдаты жили с постоянными ощущениями страха и беспокойства, которые сильно влияли на их психику и изменяли сознание. Прошедшие бои и окопные лишения, эвакуированные нижние чины являлись одной из самых деморализованных групп, склонной к анархии, жестокости и насилию, являясь самым беспокойным элементом в тыловых гарнизонах. Характерно то, что во многих уездных центрах Нижнего Поволжья в этот период повсеместно создавались Советы солдатских депутатов: в Камышине, Петровске, Кузнецке. Именно в этих населенных пунктах как раз и размещались довольно крупные гарнизоны, солдаты которых оказывали наиболее значительное влияние на местную политическую жизнь³⁴⁵.

В одном из отчетов отдела сношений Государственной думы с провинцией подчеркивалось, что как только в деревнях появлялись солдаты, «сейчас же начинались резкие выступления против помещиков»³⁴⁶. Так, в Петровском уезде, согласно рапорту комиссара, «до наступления сенокосов все было спокойно. Ново время сенокосов начались захваты помещичьих и отрубных покосов». Эту ситуацию комиссар объяснял агитацией матросов, приехавших из Кронштадта: «Например, помещик Рокотов, обычно, ладил с крестьянами, но с приездом в Троицко-Вырыпаевокронштадского матроса все пошло, как говорят, вверх дном»³⁴⁷.

Очень часто, солдаты сами выступали зачинщиками аграрных волнений, вставали во главе крестьянских выступлений. Например, в Кузнецком уезде Саратовской губернии «появился солдат из уголовных, сумевший создать целое движение среди крестьян и только соединенному заседанию всех общественных организаций удалость арестовать авантюриста»³⁴⁸. В Аткарске один из солдат запасного батальона, читая в газете «Русское Слово» речь депутата социал-демократа М.И. Скобелева,

---

³⁴⁵ *Васькин В.В. Герасименко Г.А.* Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов: Издательство Саратовского ун-та. 1976. С.92.

³⁴⁶ *Якупов Н.М.* Партия большевиков в борьбе за армию в период двоевластия. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1972. С. 45.

³⁴⁷ Саратовские ведомости. 6 августа 1917 г. № 60. С. 3.

³⁴⁸ Там же. С. 4.

стал кричать, что у русских крестьян мало земли и в этом виноваты правительство и полиция, предлагал городским снять оружие и присоединиться к партии социал-демократов³⁴⁹.

Взгляды, настроения, симпатии и антипатии солдатских масс доминировали в общественном сознании, так как зачастую, с ними вынуждены были считаться другие слои населения. Армия представляла собой гетерогенную социальную массу, включающую в себя представителей из различных социально-демографических групп и служащим индикатором происходящих в стране процессов. В виду этого, изучение социальной психологии солдатских масс дает возможность рассмотреть важную составляющую социокультурной динамики российского общества в период революционных процессов.

Анализ мотивов, социокультурных, психологических и ментальных факторов, влияющих на поведение армейских масс в 1917 году, является крайне сложной методологической задачей. Наиболее целесообразно рассматривать эту проблему через призму формирования социально-психологических особенностей солдатских масс, их убеждений, проявляющихся в действии, поведении и поступках солдат.

По своему составу армия оставалась преимущественно крестьянской, поэтому социопсихологическая модель солдатских масс определялась, главным образом, особенностями социокультурного облика русского крестьянства. Еще с начала XX века, в ходе развития капиталистических отношений и начавшейся модернизации, российскую деревню настигли кризисные явления: менялась социально-экономическая жизнь деревни и происходила трансформация традиционной системы ценностей крестьянского мира.

Тяжким бременем для русской деревни стала Первая мировая война. Значительная часть мужского трудоспособного населения была призвана на военную службу. Статистические данные свидетельствуют, что из 15,5 млн.

---

³⁴⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9631. Л. 79-79 об.

мобилизованных за три с половиной года войны 12,8 млн. человек были призваны из деревни³⁵⁰, что составляло 82,8%. Человек, попавший на фронт, был вырван из обычной для себя социокультурной среды, поэтому, зачастую, первой реакцией мобилизованных на войну был психологический шок, нашедший отражение в их асоциальном поведении: захвате винных складов, пьяном разгуле, разгроме, нападении на полицию, поджогах помещичьих имений и хуторов зажиточных крестьян.

Поражения на фронте, экономические трудности в тылу, ухудшавшие материальное снабжение войск, казарменный быт вызывали недовольство солдатских масс. Об их настроениях свидетельствуют письма на родину. Особый интерес вызывают материалы военной цензуры, отражающие настроения солдат, их отношение к войне, царю, характеризующие взаимоотношения нижних чинов и офицеров, рассказывающие о дезертирстве и мародерстве в годы Первой мировой войны. Начиная с 1914 года с фронта домой поступали письма, содержащие жалобы на недостаточное продовольственное обеспечение и отсутствие предметов первой необходимости, одежды, обуви для солдат, при этом подчеркивалось надлежащее снабжение немецкой армии.³⁵¹

Так, солдаты отмечали: «Сапог нет, полушубки такие, что руки поднял – и все рвется, белья нет – шинели 5-го срока, и то просто одно рваньё»³⁵², «очень нас морят, нет даже горелых сухарей. Стоим в 35 верстах от позиции. Ну, горя много принимаем, всего дают по горсти сухарей, а иной день совсем ничего»³⁵³. Вместе с патриотическими памфлетами в письмах встречалась

---

³⁵⁰Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 49.

³⁵¹Воронежцев А. В. Из истории военной цензуры в период первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии) // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Материалы научных конференций «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2005 г.). Саратов, 2006. С. 18-29.

³⁵²ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 70 б. Л. 598–598 об.

³⁵³ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 498. Л. 50–53 об.

критика боеспособности русской армии³⁵⁴, а также крайнее недовольство продолжением войны с Германией: «...как и дожидаться когда она проклятая и кончится эта война калек наделали»,³⁵⁵ «у всех раненых сильное волнение идет, все как волки...когда услышали, что Германия просит мира, а наше правительство не хочет, то все солдаты так и кричат и ругаются, что лучше бы мы заплатили, сколько хотят, но заключили бы мир, а особенно раненые и больные, которые побывали на позиции долгое время и все видели»³⁵⁶.

В саратовской печати можно встретить заметки о настроениях в солдатской среде. Так, в г. Камышине, местный житель от солдат узнал, что «армии все равно, хоть сам Вильгельм будет править Россией, порядка больше будет, а воевать говорят они (солдаты), мы не будем, пусть воюют буржуи всех стран»³⁵⁷.

Случалось, что подобные выступления подкреплялись антиправительственными репликами и бранью на царя. В Аткарске с фронта пришло письмо, в котором военнослужащий призывал «начать в городе бунт с помощью своих товарищей, после чего солдаты действующей армии устроят забастовку в армии, т.е. бросят воевать против Германии и Австрии».³⁵⁸

Для сравнения, военный цензор ротмистр Соловьевич, характеризуя содержание посланий фронтовиков, перлюстрированных при Самарском военно-цензурном пункте в 1915 г. приводил выдержки из писем, в которых говорилось, что в армии «дела очень плохи», «везде нас бьют», «снарядов нет и винтовок тоже не хватает»; констатировалось наличие жалоб «на переутомление от войны и отсутствие отпусков на родину»³⁵⁹. Также в Самаре в 1915 г. рядовой, прибывший в город, сообщал горожанам сведения

---

³⁵⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9585. Л. 173-175 об.

³⁵⁵ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 26. Л. 85-86.

³⁵⁶ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 17, т. 1. Л. 58.

³⁵⁷ ГАСО. Листок Заволжья. Саратов. 1917 г. № 193. С. 3.

³⁵⁸ ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 382. Л. 163-164 об.

³⁵⁹ Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. С. 511.

о жизни в армии, о лишениях на фронте, о неготовности России к войне, о «засилье» немцев в администрации, которое должно привести к поражению России, о родственных связях Николая II и германского императора Вильгельма, а так же о введении войны с целью «убивать народ, так как его очень много, а земли не хватает»³⁶⁰.

Характеризуя настроение населения Казанской губернии в октябре 1915 г., начальник Казанского ГЖУ зафиксировал в отчете, что прибывающие «с театра войны увечные, больные, раненые зачастую рассказывают небылицы», описывают пережитое «в мрачных красках»³⁶¹.

Как и в письмах фронтовиков, составляющей негативной информации в рассказах военных, прибывших на лечение и на побывку, являлась критика правительства: «Правительство наше не желает победы. Вся армия недовольна правительством»³⁶². Одним из самых воздействующих обвинений власти были слухи о целенаправленном вредительстве интересам страны руководителей немецкого происхождения.

Саратовский губернатор С. Д. Тверской в донесении от 16 июля 1915 г. в Департамент полиции особо отмечал: «как в письмах из армии, так и в толках, распространяемых на местах возвратившимися с театра войны солдатами, отмечается апатия действующей армии, переутомление ее, жажда вернуться по домам»³⁶³.

В марте 1917 г. от Временного командующего войсками Казанского военного округа Комиссаром по управлению городом Саратовом и губернией была получена телеграмма, в которой говорилось, о сложной ситуации на фронте, о том, что «каждый день к позициям неприятеля на северном фронте подходят подкрепления, боевые припасы и продовольствие», сам Петроград и его окрестности «наводнены германскими шпионами <...> укрывающихся

---

³⁶⁰Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. С. 512.

³⁶¹Там же. С. 514.

³⁶²Там же. С. 517.

³⁶³ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9585. Л. 129-129 об.

в толпе, волнующие самых робких и слабых»³⁶⁴. Примечательно, что такая пропагандистская информация, поступающая от высших должностных лиц в государстве и направленная на сплочение населения, в конечном счете, начинает играть против их самих, раскручивая карусель шпиономании и подкрепляя образ предательской государственной верхушки, виновной в бедственном положении страны.

В рамках своего мировоззрения солдаты пытаются понять, почему бедствуют они сами и их семьи? На кого возлагается эта вина? Что необходимо сделать, чтобы изменить это?

Чаще всего, неудачи армии солдаты объясняли тем, что в стране много, изменников, предателей и шпионов на высших должностях. В сознании солдат укоренялись мысли, что за деньги, подарки нарушается всякая справедливость во взаимоотношениях между военнослужащими

При легитимной и авторитетной власти солдат находился в повиновении ей и покорно мирился с этим. В условиях начавшейся дискредитации офицерского состава армии и монархии, порядок в частях размывался, падала дисциплина, начиналась физическая и моральная деградация немалой части армии на почве пьянства и безделья. Карточные игры, пьяная и распутная жизнь стали частым явлением в армейской среде. Улицы городов Российской империи были наполнены людьми в военной форме, часто находившимися в нетрезвом состоянии.

К 1917 году в воинских частях скопилось большое число солдат, не желавших служить и тем более воевать. Масса дезертиров, бродя по городам и селам, не имевшими определенного занятия и средств к существованию, представляли угрозу местному населению и властям при возможных волнениях.

Если вновь обратиться к концепции лидера большевиков, то в числе главных признаков такой «революционной ситуации» накануне 1917 г.

---

³⁶⁴ Саратовские ведомости. 22 марта 1917 г. № 23. С. 2.

В.И. Ленин видел рост революционного стачечного движения рабочих.³⁶⁵ В 1926 г. М.Г. Флеер стал автором концепции «отложенной революции», соотнеся масштабы протеста рабочих в январе 1905 г. и в июле 1914-го: «Как и в 1905 году, июльское 1914 года движение носило очень бурный характер<...>непосредственный переход забастовок к вооруженному восстанию был естествен и неизбежен. Движение достигло наивысшего напряжения, удар, занесенный над самодержавием, должен был привести к решительному концу», однако из-за начавшейся в июле 1914 г. мобилизации этот удар этот был отсрочен»³⁶⁶. Также М.Г. Флеер, опираясь на воспоминания А. Г. Шляпникова, характеризовал настрой рабочих в июле 1914 г., как антивоенный³⁶⁷.

По мнению С.В. Ярового, исследователя «политического сознания» рабочих Петрограда, в общей массе петроградский пролетариат, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов, не участвовал в Октябрьском вооруженном восстании³⁶⁸. Очевидец и активный участник этих событий, меньшевик Н.Н. Суханов, описывает «вялое» и «спокойное» настроение в петроградских районах³⁶⁹.

В воспоминаниях современников о событиях 1914-1915 гг. в Саратове можно встретить упоминания о том, что в первые месяцы начавшейся Первой мировой войны «отношение рабочих к войне трудно определить... рабочие сторонятся демонстрации своего отношения к войне... отказывавшиеся жертвовать на нужды раненных говорили, что пусть тот жертвует, кто затеял эту войну»³⁷⁰.

---

³⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 298.

³⁶⁶ Флеер М. Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л., 1926. С. 6.

³⁶⁷ Там же. С. 6-7.

³⁶⁸ Яров С.В. Пролетарий как политик: политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. отв. Ред. В.А. Шишкин. Институт российской истории РАН. СПб., 1999. С.7.

³⁶⁹ Суханов В.Н. Записки о революции. В 3-х томах. М., 1992. Т. 3. С. 275.

³⁷⁰ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 28. Л. 1.

Материал, свидетельствующий о настроениях и слухах, не является совокупностью точных и неоспоримых фактов, их достоверность и полноту необходимо определять в каждом конкретном случае. Содержание мыслей, чувств, настроений рабочих – явление трудно улавливаемое, так как это связано как с аморфностью социальной общности рабочих в Саратовской губернии, так и с неоднозначным толкованием разного рода «сознания» данной социальной группы.

«Политизированный» рабочий, т.е. интересующийся новостями о политике, политических партиях и организациях, следящий за работой Государственной Думы и органов городского управления, имеющий собственные суждения на этот счет – не частое явление в саратовском обществе накануне и в период Великой российской революции.

Из донесений в отчетах в департамент полиции, часто звучали заявления о политической индифферентности рабочих на предприятиях в Саратовской губернии. Заинтересованность же рабочих отмечалась лишь в вопросах материального достатка и условий труда³⁷¹. Волна стачек и забастовок с требованиями улучшения условий труда и повышения заработной платы прокатится по разным заводам и предприятиям губернии в 1916 г.: в Саратове³⁷², Покровске³⁷³, Царицыне³⁷⁴ и др.

Сторонница большевиков, жительница Саратова В. С. Поликарпова вспоминала: «В 1916 г. сделали забастовку в Саратовских мастерских в организованном порядке от внешкольного образования «Маяка». Забастовка держалась 3-4 дня. В 1916 г. забастовку ликвидировали так: часть товарищей отправили на фронт, а остальные остались и повели дальнейшую работу за освобождение трудящегося класса»³⁷⁵.

---

³⁷¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 8. Д. 8. Л. 3.

³⁷² Там же. Л. 320.

³⁷³ Там же. Л. 322.

³⁷⁴ Там же. Л. 92

³⁷⁵ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 15. Л. 1.

В обращении к фабричному инспектору 1-го участка Саратовской губернии жандармский ротмистр сообщал: «Во вверенном мне управлении поступили сведения, что 24 января 1917 года в 12 часов дня, 173 человека мельничных рабочих паровой мельницы торгового дома Кондратий Рейнеке, находящейся на Большой Сергиевской улице, предъявили требования о прибавке каждому из них по 10 рублей к получаемому ежемесячному жалованию. Работу не прекратили»³⁷⁶.

Требования по повышению жалования были основными и у рабочих в уезде. В январе 1917 г. Кузнецкий уездный исправник докладывал начальнику Губернского жандармского управления: «На суконной фабрике действительного статского советника А. В. Асеева, работающей исключительно на нужды обороны, рабочие фабрики несколько раз обращались к заведующему фабрикой Ципсеру с просьбой войти в их нужды. В первую очередь, в отношении приобретения продуктов первой необходимости ржаной муки, пшена, сахара, масла и т. д. по заготовительной цене вследствие острой нужды этих продуктов и существующей повсеместно дороговизны на них»³⁷⁷. Одновременно рабочие просили прибавки заработной платы, от чего Асеев категорически отказался, обосновав тем, что уже было сделано несколько прибавок. После чего рабочие фабрики мирно продолжили трудиться.

Служащие мастерских и депо ст. Ртищево Саратовской губернии, ссылаясь на повышение цен на продукты потребления, просили начальника Ртищевского участка службы тяги Средницкого, улучшить их материальное положение повышением заработка. «Настроение у них в особенности у машинистов и их помощников сильно озлобленное и работы ими проводятся не так охотно как раньше, но работа не прекращается, – докладывал ртищевский исправник жандармам – Обстановка вызывала опасения: «Наблюдается объединение машинистов и их помощников со служащими

---

³⁷⁶ ГАСО. Ф. 58. Оп. 8. Д. 8. Л. 3.

³⁷⁷ Там же. Л. 4.

мастерских и депо станций Тамбов, Козлов, Пенза, Балашов, с таковыми же служащими из южных и юго-восточных регионов»³⁷⁸.

Еще один случай произошел в с. Нижняя Липовка Кузнецкого уезда Саратовской губернии, исправник докладывает начальнику жандармского управления: «Кузнецкое продовольственное совещание отказалось выдавать хлеб, в котором рабочие терпят нужду, являются в контору и просят о выдаче им хлеба<...>рабочие были взволнованы и мы опасаемся осложнений»³⁷⁹.

Еще в конце января 1917 г. полицейские исправники из уездов докладывали в жандармское управление об отсутствии забастовок на фабриках и спокойной обстановки среди рабочих Аркадака, Балашова, Вольска и др.³⁸⁰

Перепады настроений рабочих в годы Великой российской революции отмечались многими современниками. Главной причиной таких перепадов были перебои с поставками хлеба.

Между тем, очевидно, что политически активным рабочего можно назвать только тогда, когда его повседневные бытовые поступки приобретали политический окрас. Об активности или пассивности в отношении к политике рабочих следует говорить с осторожностью, так как их критерии в источниках того времени не всегда отчетливо разграничены и обозначены. Примитивность факторов изменчивости настроений – показатель того, что материальное в повседневной жизни рабочего преобладало над политическим. Материальное зачастую становилось толчком к протестным настроениям и агрессивному поведению.

К примеру, в воспоминаниях участников событий можно встретить такие утверждения: «В конце 1914 г. требования рабочих стали определяться в газетах, рабочие чувствовали, что их содержание определяло четкую связь их с организациями, разделяющих их интересы, в то время как отношения

---

³⁷⁸ ГАСО. Ф. 58. Оп. 8. Д. 8. Л. 48.

³⁷⁹ Там же. Л. 5.

³⁸⁰ Там же. Л. 6-10.

рабочих регулировались профсоюзами...»³⁸¹. Но и такое утверждение нельзя считать началом процесса «политизации» рабочих, поскольку интересы рабочих могли затрагивать вопросы собственного материального обеспечения.

Объяснялась такая апатия к политике, думается, разными причинами. Во-первых, повышенному вниманию рабочих к хозяйственно-бытовым проблемам, а, во-вторых, стойкой политической индифферентностью. Падение интереса к политическим событиям и нежелание участия в них отмечаются у некоторых социальных групп к осени 1917 г., особенно это становилось заметно во время вербовки рабочих партиями в ряды «революционеров».

Активность рабочих, выражалась в различных акциях, проведение которых предусматривало использование инструментов «организационного» воздействия, таких как: участие в подписях коллективных писем, коллективные демонстрации и т.д.

Несмотря на это, многие коллективные письма и предложения об участии в демонстрациях отвергались, большая часть рабочих не спешила занимать сторону агитаторов из политических партий, и проявляла зачастую нейтралитет.

Один из таких случаев описывается в отчете департамента полиции: «В первых числах сего февраля (1917 г.) в известном департаменту полиции и просветительном обществе «Саратовский маяк» было получено от председателя центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучкова и членов рабочей группы при названном комитете коих не коснулись последние аресты, письмо призывающее саратовских рабочих поддержать упомянутую группу в борьбе ее с правительством. Письмо это было оглашено на одном из обычных собраний «Маяка», причем присутствующие на собрании рабочие в подавляющем большинстве решили на аресты представителей рабочей группы при центральном военно-промышленном

---

³⁸¹ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 28. Л.3.

комитете совершенно не реагировать, и на полученное письмо не отвечать, считая, что эта группа не является истинной представительницей рабочего класса»³⁸².

Вопрос о массовости, как особенности поведения рабочих, возможно рассмотреть на основе описанного Э. Фроммом механизма автоматического конформизма³⁸³. Согласно его теории, массовость ослабляла индивидуализм человека, ввиду опасения осуждения, а также отсутствие способности интеллектуального сопротивления массовым настроениям, человек становится падким на коллективные мнения извне, которые впоследствии считает своими собственными внутренними убеждениями.

Описываемая выше пассивность рабочих означала зачастую отсутствие открытых выступлений по какому-либо вопросу. Проявления безразличия выражались на фабрично-заводских собраниях, где за редким исключением встречаются прения, но в основном решения принимаются единогласно.

Не всегда такой апатии следует придавать политический смысл, так как она свидетельствовала об отстраненности от политики. Политическая реакция рабочих проявлялась в качестве отклика только на те действия властей, которые интересовали рабочую среду, в то время как информаторы же ожидали от нее «тотальной» реакции.

Следует понимать, что рабочие могли не ходить на собрания, но при этом в тесном кругу обсуждать положение на фронте, высказываться о власти.

Учитывая свидетельства тех лет, можно сделать вывод, что аполитичность рабочих выражалась не в их тотальной индифферентности, а том, что их отклики на политику касались только тех тем, которые непосредственно волновали рабочих и влияли на их жизнь. Такая реакция могла становиться политизированной или оставаться экономической.

---

³⁸² ГАСО. Ф. 53 Оп. 8 Д. 10. Л. 4.

³⁸³ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 163-169.

В первые годы революции отмечалась быстрота политико-психологических изменений, что во многом являлось следствием экономических неурядиц. Отчасти политизированным можно расценивать изменение настроений, связанное с вестями с фронта. Такое поведение можно объяснить «коллективными» механизмами поведения рабочих, и эмоциональной нестабильностью в период кризисов и революции.

С.В. Яров отмечает две особенности настроений рабочих: элементарность, массовость и быстроту, вызванные «отсутствием основ политического поведения: идеологической ориентации, включенности в определенную политическую группу»³⁸⁴.

Стремление отделиться от проигравших, и соотнесение себя с победителями расценивалось и как повышение своего собственного статуса. Включение рабочих в политическую жизнь, приводило к соединимости их трудовой и политической дисциплины. Зачастую их экономическое состояние зависели от трудовой и политической дисциплины.

Эмоциональная основа поведения рабочих подвергалась сменам настроений, унынию и эйфории. Во многом такие перепады связаны с событиями переломной эпохи, в которой находилось российское общество в годы Великой российской революции. В этот период недовольство мастером на заводе могло привести к пробольшевистским настроениям, а раздражение при виде внешнего вида состоятельного человека – к неприязни буржуазии и поддержкой большевиков.

В условиях предреволюционного периода Первая мировая война обостряла противоречия в обществе. С одной стороны, происходили внешние проявления поддержки правительственных действий, выражавшиеся в митингах патриотически настроенной части саратовского студенчества. Большинство рабочих в губернии сохраняли нейтралитет в выражении личного отношения к войне. Однако Саратовская губерния стала полем

---

³⁸⁴ Яров С.В. Пролетарий как политик: политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999. С. 20.

формирования подпольных левых организаций в студенческой среде, активизации актов хулиганства или протеста среди антиправительственно настроенной молодежи, раскачиванием армейской массы, участвовавшими случаями дезертирства и проявлением фронтовиками и значительно части населения недовольства по отношению к войне. Первая мировая война создала настроенческую базу, готовую воспринять последующие события 1917 г.

3.2. Процесс изменения массовых настроений городского населения Саратовской губернии в период установления большевистской диктатуры 1917-1918 гг.

Февральские события 1917 года взбудоражили народные массы и породили надежды на скорое решение всех волнующих их проблем. Новость о падении монархии во многих городах была встречена с энтузиазмом у многих социальных групп населения, значительная ее часть поддержала революцию, как, например, солдаты, которые вместе с тем, важную роль сыграют в смещении и арестах представителей царской власти во многих регионах страны.

И теперь большим разрушительным потенциалом обладал выдернутый из деревни, оторванный от семьи, прошедший фронтовые невзгоды и казарменный быт вчерашний крестьянин – сегодняшней солдат. Росту деструктивных тенденций способствовал неизбежный во всякой революции процесс массовизации³⁸⁵.

Один из видных представителей социальной психологии, Г. Лебон утверждал, что каждый человек, становясь частицей толпы, опускается на

---

³⁸⁵ Ямицков С.В. Детерминанты солдатской революции 1917 года в России // ИПиСИ. Т. 3, № 2(2). 2008. С. 172.

несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации, так как толпа превращает цивилизованного человека в варвара, инстинктивное существо³⁸⁶.

Революционные события февраля-марта 1917 года сопровождались насилием и хулиганством, исходившими от солдат. Так, на Губернском съезде комиссаров в Саратове, докладчик из Камышина рапортовал: «Дезорганизующий элемент в уезде – солдаты, в особенности дезертиры, допускающие даже вымогательства под угрозой целых карательных экспедиций. Были попытки отправить дезертиров к воинскому начальнику, но отправленные скоро возвращались опять и под угрозами расправой оставались дома. Оказалось, что воинский начальник выдавал дезертирам проходное свидетельство и направлял их в соответствующие части, а дезертиры с первой же станции возвращались домой»³⁸⁷.

В Петровске, предпринимались неоднократные попытки солдат разгромить винные склады и разлить вино и спирт, сопровождавшиеся нападением на склад, в результате полиции пришлось прибегнуть к огнестрельному оружию и дело кончилось ранением 18 человек³⁸⁸. О действиях военных в городе также сообщал уездный исправник: «ходят по тротуарам с безобразными песнями толпами, на базаре берут провизию и говоря, что они воины, призванные для защиты тех же торговцев, не расплачиваясь уходят, ходят по лавкам собирая деньги, якобы на отъезд... в казармах идет усиленная азартная игра в карты».³⁸⁹

Конечно, животрепещущим среди солдат неизменно был аграрный вопрос. «Земля и мир – вот две затаенные мечты, прожигавшие, подобно каленому железу, все существо солдата-крестьянина»³⁹⁰, – вспоминал генерал Ю. Н. Данилов. Крадикальному решению земельного вопроса солдаты

---

³⁸⁶ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 234.

³⁸⁷ Саратовские ведомости. № 60. 6 августа 1917 г. С. 3.

³⁸⁸ Там же. С. 4.

³⁸⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9388. Л. 135.

³⁹⁰ Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992. С. 147.

призывали крестьян, призывая их в деревнях самостоятельно встать на защиту своих интересов.

Солдатские настроения, острый вопрос о власти в период после февраля 1917 года подвели армию в эпицентр борьбы между политическими партиями. Идеологическое воздействие партий на солдатские массы происходило в процессе митингов, демонстраций, посредством печати и других средств агитации. Солдаты доверчиво относились к обещаниям партий, эмоционально реагировали на их публичные выступления. «Солдаты склонны были хлопать каждому, кто красиво и с подъемом скажет речь; смысла же речи, по темноте своей, они пока не способны были усвоить»³⁹¹.

В феврале 1917 года в России появилась демократия в организационно-политической структуре, но отнюдь не в социально-психологической. В массовом сознании, зачастую, политически невежественные в своей массе солдаты не воспринимали отвлеченные призывы, солдатам более понятными были лозунги: «Мира!», «Земли!», эти желания они не встретили в политике Временного правительства или армейских общественных организаций, что постепенно привело к усмирению революционной эйфории, а также политической апатии и недоверию. К тому же, как отмечают исследователи В.В. Васькин и Г.А. Герасименко, Временное правительство после Февральской революции считало единственным источником власти, губернских и уездных комиссаров, назначенных им же вместо отстраненных от власти губернаторов и уездных исправников. В этом процессе «демократическим инстинктом массы чувствовали стремление Временного правительства возродить единоличную губернаторскую власть»³⁹².

Сторонница большевиков, жительница Саратова В.С. Поликарпова вспоминала: «С февраля 1917 г. раздавали прокламацию и литературу. Большая опасность была в артиллерийских казармах. Во время раздачи

---

³⁹¹ *Пирейко А.В.* В тылу и на фронте империалистической войны. Л.: Прибой. 1926. С. 44.

³⁹² *Васькин В.В. Герасименко Г.А.* Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов: Издательство Саратовского ун-та. 1976. С.89

прокламаций у казарм, товарищи солдаты вскрикивали: «Этих большевиков надо убивать!», но часть сознательных солдат нас защищали и разъясняли лозунги «Долой войну!», «Долой Керенского, который опять заставляет проливать кровь за интересы капитала!»³⁹³.

Летом 1917 года обозначился более глубокий раскол между настроениями солдатской массы и идеями демократии. Этот процесс был ускорен подготовкой июньского наступления русской армии на фронте и отправкой в действующую армию запасных войск.

Крестьянин, оказавшийся на фронте, был вырван из обычной для себя социокультурной среды, реакцией на это зачастую становилось асоциальное поведение солдат. На протяжении всего периода революционных событий обыденным явлением становилось дезертирство, покупка поддельных отпускных билетов для неявки на фронт³⁹⁴, увеличиваются преступные действия нижних чинов, такие как, захваты винных складов организованными солдатскими группами, пьяный разгул, разгром, нападение на полицию, поджоги помещичьих имений и хуторов зажиточных крестьян.

В слободе Колокольцовка Аткарского уезда в июле 1917 г. явившийся в кратковременный отпуск Илларион Петрович Черноусов проводил «пропаганду в пользу партии большевизма, против наступления на войну и Временного правительства, с лозунгами «Долой войну!»³⁹⁵.

Пестрят материалы обвинений вернувшихся с фронта солдат в богохульстве и оскорблении царя. Так, в г. Царицын Н.И. Поляников ругал высшие силы со словами: «Что же он за чертой за Бога если один кто-нибудь разгневал Его, он всех морит, не желая кормить своего создания...»³⁹⁶.

Прежнее монархическое государство было разрушено, но оно еще продолжало по инерции существовать в общественном сознании, проявляясь в привычках и первичных реакциях. Социальные массы, утратив веру в силу

---

³⁹³ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 15. Л.2.

³⁹⁴ ГАСО. Ф. 10. Оп 1 Д. 2740. Л. 7.

³⁹⁵ ГАСО. Ф.10. Оп.1.Д.2748. Л. 2-3.

³⁹⁶ ГАСО Ф. 10. Оп. 1 Д 26. Л. 1.

царизма, не отреклись от давних представлений о типе государственного устройства, в котором власть была сильной, независимой и безраздельной. Временное правительство, не имевшее эти качества и не решающие основные вопросы, в итоге, лишилось поддержки армии.

Поражения на фронте, экономические трудности в тылу, ухудшавшие материальное снабжение войск, казарменный быт вызывали недовольство солдатских масс. Прошедшие тяжелые бои и окопные лишения, эвакуированные нижние армейские чины являлись крайне деморализованной, склонной к анархии и насилию социальной группой, представляющей перед властями как один из самых беспокойных элементов в тыловых гарнизонах. Показательна история, о том, как летом 1917 года компания пьяных солдат, прогуливающихся в лодке по Волге, совершили нападение на горожан, после чего изнасиловали двух молодых девушек³⁹⁷. И подобные действия солдат тыловых гарнизонов становятся обыденностью в реалиях 1917-1918 гг.

В условиях легитимной и авторитетной власти солдат покорно ей повиновался, однако при начавшейся дискредитации армии и монархии, размывалась дисциплина в частях, начиналась физическая и моральная деградация немалой части армии на почве пьянства и безделья.

Своеобразным «Рубиконом», повлиявшим на политическую обстановку в стране и усилившее значение солдат в общественно-политической жизни страны, стал так называемый «корниловский мятеж» в августе 1917 г.

После этих событий солдаты, в который раз посчитали себя обманутыми властями, усилилось разочарование во Временном правительстве, и усталость от тягот казарменного быта. Как отмечает И.М. Ионенко: «На собраниях солдатских депутатов принимались постановления, требовавшие немедленного ареста Корнилова, прекращения политики соглашательства с буржуазией», к тому же солдаты еще упорнее

---

³⁹⁷ ГАСО Ф. 10. Оп. 1. Д. 2741. Л. 2-6.

стали срывать приказы об отправке на фронт»³⁹⁸. С жаждой земли и мира солдатская масса встречала октябрь 1917 года.

Еще накануне, в сентябре 1917 г. изо дня в день нарастала большевизация широких солдатских масс, а в октябре крупнейшие гарнизоны в Казанском военном округе от Екатеринбурга до Царицына перешли на сторону большевиков и сыграли важную роль в установлении Советской власти. По утверждению того же И.М. Ионенко: «Во всех, даже самых захолустных гарнизонах в октябре солдаты пошли за большевиками, так как их собственный опыт борьбы убеждал в полном предательстве народных интересов со стороны соглашателей»³⁹⁹.

В самом деле, наиболее характерной структурам традиционного массового сознания оказалась ясность и простота большевистских программ. Находя потребность в сильной государственной власти и твердом порядке, определяя постоянную готовность к расправе с «врагами» и выдвигая популистские лозунги: «Мира!», «Хлеба!», «Земли!», «Воли!», леворадикальные силы быстро и стремительно завоевывали симпатии в армейской среде.

Помимо всего прочего, большевики вели срочную подготовку собственных силовых структур, и как подчеркивает А.А. Герман «активно занимались созданием вооруженных рабочих формирований еще с лета 1917 г., которое осуществлялось под ленинским лозунгом пролетарской милиции»⁴⁰⁰, создавались военные организации и практики, дополняющие или подменяющие собой действия традиционных военных структур, что является одним из аспектов, так называемого «военизированного насилия».

---

³⁹⁸ *Ионенко И.М.* Солдатские массы в Октябрьской Революции. По материалам Поволжья и Урала. Казань, 1982. С. 40.

³⁹⁹ Там же. С. 92.

⁴⁰⁰ *Герман А.А.* Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов. 1985. С. 12.

Незадолго до Октябрьского переворота М.И. Васильев-Южин на вопрос В.П. Милютина «Поддержат ли рабочие и солдаты Саратова восстание в Петрограде?», он ответил: «За большинство я ручаюсь. Но солдаты независимо от Петрограда могут поднять стихийное восстание. Мы с трудом удерживаем их от преждевременных выступлений»⁴⁰¹. Если вспомнить мнения Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева, которые в октябре 1917 г. говорили о том, что настроений на выступления нет «даже на заводах и казармах»⁴⁰².

К октябрю 1917 г. превалирующими настроениями в солдатской среде теперь становятся апатия и безразличие к происходящим переменам. В связи с недоверием большинства армейской массы к политической власти меняется поведенческая модель солдат, преобладающими чертами которой становятся самосохранение, выживание, желание переждать кризисные явления в стороне.

Интересно, что впоследствии, после большевистского переворота в октябре 1917 года, те же солдатские массы, многие фронтовики устремились в свои деревни, чтобы воспользоваться «достижениями революции». Но этих до предела раздраженных людей устраивало далеко не все. Случалось, что фронтовики выступали против засилья большевиков⁴⁰³.

Происходила общая милитаризация общества и властных институтов, выражавшейся в работе партийных структур в командно-армейском порядке и дисциплине. Саратовский листок 5 ноября сообщал «27 октября в номера Ялымова ворвалась целая банда грабителей (около 40 человек) в солдатских костюмах, вооруженные револьверами»⁴⁰⁴. Такое «военизированное» общество характеризовалось и тем, что фронтовики, вернувшиеся в деревню,

---

⁴⁰¹ За власть Советов. – Саратов, 1957. С. 4.

⁴⁰² Протоколы Центрального комитета РСДРП (б). М., 1958. С. 91.

⁴⁰³ Известия Глазовского Совета Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов. 1918. 14 мая. С. 2.

⁴⁰⁴ Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. Кн. 1., 2016. С. 42.

позднее в значительной массе попали в Красную армию и сыграли важную роль на начальном этапе Гражданской войны.

Солдаты, недавние крестьяне, являлись угрозой для нового политического режима, один из лидеров меньшевиков писал: «Из окопов и из медвежьих углов повылезли совсем серые и темные люди; а их «социализм» был голодом и нестерпимой жаждой покоя..., но эксперименты с ним были рискованны»⁴⁰⁵. Осознавая, что прежняя «старая» армия является нестабильной и представляет реальную угрозу для режима, большевики своевременно и умело демобилизовали ее, и тут же приступили к созданию собственной Красной Армии.

Превалирующими настроениями в солдатской среде теперь становятся апатия и безразличие к происходящим переменам. В связи с недоверием большинства армейской массы к политической власти меняется поведенческая модель солдат, преобладающими чертами которой становятся самосохранение, выживание, желание переждать кризисные явления в стороне.

Нарушали стабильность в общественно-политической обстановке в Саратовской губернии пьяные погромы. Большевики признавали: «В ряде уездных городов начались разгромы винных складов и пьяная вакханалия, – констатировал В. П. Антонов-Саратовский. – Наиболее безобразна пьяная стихия в Петровске и Камышине. Местные Советы пытались утихомирить стихию, но, за отсутствием реальной силы, им почти, что ничего не удалось сделать»⁴⁰⁶. По разным уездам Саратовской губернии прошла череда погромов винных лавок и погребов: в Петровске «полная дезорганизованность, что коснулось и гарнизона, и поэтому малая надежда, что мы одержим победу над казаками. Балашов тоже безнадежен. В Кузнецке тоже разгром. Аткарск. Совет объявили властью, но фактически власть не

---

⁴⁰⁵ Суханов Н. Н. 1992. Записки о революции: в 3 т. Т. 3. Кн. 5, 6, 7. М.: Республика. С. 334.

⁴⁰⁶ Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. М. ; Л. : Государственное издательство, 1925. С. 183.

перешла. Все учреждения работают без контроля. Комиссар у власти. <...> Настроение гарнизона подавленное, но преобладает большевизм. Большинство населения к большевикам относится отрицательно»⁴⁰⁷.

В Аткарске решающее слово вновь оказалось за солдатами: созданная здесь большевистская организация в октябре 1918 г., в результате прямого вмешательства саратовских большевистских лидеров – М.И. Васильева и В.П. Антонова получила оппонента в лице членов упраздненного земства, однако отряды Красной гвардии и части вооруженных солдат, поддержавшие большевиков, смогли избавиться от их политических противников. По словам одного из участников событий, «весь 1918 год прошел в лихорадочной борьбе с (антибольшевистскими) восстаниями и укреплении партийной организации»⁴⁰⁸.

Красная гвардия, в свою очередь, занималась обысками и облавами: «Ежедневно, день и ночь, шли повальные обыски, – вспоминал А. А. Минх. – Оцеплялись целые кварталы, и у перепуганных граждан отбирали не только все более или менее ценное, но и случайный куль картошки или пуд муки»⁴⁰⁹. Житель Саратова М.Д. Соколов свидетельствовал: «Много красногвардейцев было пьяных. Эти башибузуки среди мирных жителей пользуются достойной ненавистью»⁴¹⁰.

Как отмечает Ю.В. Варфоломеев, объяснялось такое «триумфальное шествие советской власти» политической, экономической и правовой опорой на места⁴¹¹. К тому же победа большевиков была обеспечена пропагандой и агитацией, и, в первую очередь применением насильственных мер, вплоть до репрессий и карательных действий против своих оппонентов.

---

⁴⁰⁷ Кумаков А. В., Симонов А. А. Указ. соч. С. 86–87.

⁴⁰⁸ Саратовский листок. 1917. 24 ноября. С. 3.

⁴⁰⁹ Минх А. А. Отрывки из воспоминаний очевидца г. Саратова. 1917–1919 // Рейли Д. «Заложник пролетариата»... С. 74.

⁴¹⁰ Варфоломеев Ю.В. «Эти башибузуки среди местного населения пользуются достойной ненавистью», или обратная сторона «Триумфального шествия советской власти в Саратовском Поволжье // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 531

⁴¹¹ Варфоломеев Ю. В. К вопросу о «Триумфальном шествии Советской власти» в Поволжье(по материалам Саратовской Судебной палаты) // Базис. 2018. № 2(4). С. 61–64.

У других категорий городского населения Саратовской губернии в череде происходивших социальных потрясений также происходила трансформация их представлений о политических силах как в губернии, так и в стране. Сложные и неоднозначные процессы происходили в это время в церковной среде, где в рамках начавшейся национализации церковного имущества и гонений на священнослужителей, духовенство, оказалось менее приспособлено к складывающейся государственной системе, чем солдатская масса.

В первой главе данного исследования отмечался кризис церкви, о спаде религиозности прихожан, об определенной дискредитации образа духовенства среди широких слоев населения в начале XX в. В отдельных случаях об отношении к церковнослужителям можно говорить даже как о «народном презрении»⁴¹². В этой связи сложилась традиция объяснения данного феномена тяжелым материальным и правовым положением российского духовенства, не позволявшего священникам достаточно исправно выполнять присущие им обязанности и вынуждавшего их либо искать дополнительный заработок, либо повышать плату за требы, что, в свою очередь, вызывало народное возмущение и формировало у населения образ жадного и корыстолюбивого священника.

К слову говоря, о материальном положении духовенства ведутся дискуссии в современной историографии. Так, например, Т.Г. Леонтьева определяет среднегодовой доход приходского духовенства в 80-100 рублей, сравнивая его с доходом рабочего тверского вагоностроительного завода в 344 рубля, а Ю. И. Белоногова, приводит сведения о доходах приходских священников центральных епархий, называя цифру в 600-800 рублей, тогда как среднегодовой доход рабочих составлял 263 рубля⁴¹³. О преувеличении бедности российского духовенства пишет Б.Н. Миронов, объясняя

---

⁴¹² Церковный вестник. 1905. № 32; 1914. № 31. 31 июля. Стб. 933.

⁴¹³ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — XX в. М., 2002; Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010.

повышенное внимание к данной теме в источниках личного происхождения возраставшими материальными потребностями священников⁴¹⁴. Кроме того, среди факторов понижения качества службы священников выделяют малое количество клириков и уровнем их компетентности⁴¹⁵.

Уже в январе 1918 г. саратовский архиерейский дом лишился основной части своих доходов ввиду национализации, принадлежащей ему в городе недвижимости, сдававшейся в аренду. Как результат – был ликвидирован архиерейский хор, монашеская братия архиерейской церкви была переведена на собственные доходы.

Как и по всей России, в самом начале 1918 г. в Саратове наметился протест против проводимой новой властью политики. 10 февраля (28 января по старому стилю) в городе по решению местного духовенства прошел массовый крестный ход, который возглавил епископ Досифей и викарный епископ Петровский Дамиан (Говоров). По словам очевидца, «настроение среди участников крестного хода было резко оппозиционное большевизму, и это настроение все росло по мере увеличения числа участников крестного хода»⁴¹⁶.

Интересным представляется факт, упоминаемый у одного из священнослужителей: «В связи с арестами священников рассказывают о волнениях среди женщин и береговых рабочих. Священника Казанской церкви будто бы грузчики даже «отбили», так что пришлось прислать более сильный отряд»⁴¹⁷. Данный пример позволяет сделать вывод о несколько более благожелательном отношении к священнослужителям на личностном уровне, возможно, как проявление нетерпимости к новой власти и несогласия с действиями большевиков в городе, несмотря на общегосударственный институциональный кризис церкви.

---

⁴¹⁴ *Миронов Б. Н.* Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 153-158.

⁴¹⁵ Церковный вестник. 1914. № 32-33. 14 августа. Стб. 964.

⁴¹⁶ Крестный ход в Саратове // Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 5–6. С. 81.

⁴¹⁷ СОМК. СМК 15774/14. С. 85.

События же продолжали развиваться по сценарию и целеполаганию большевистской партии. Так, в начале 1918 года при саратовском исполкоме была организована следственная комиссия. Подобные комиссии должны были стать основой для организации революционных трибуналов, как инструмента карательной политики, в каждой подвластной большевикам губернии. Уже в марте 1918 года Саратовский ревтрибунал провел свои первые заседания.

Между тем весьма заметно проявлялись протестные и оппозиционные настроения в церковной среде. В здании духовной семинарии в феврале 1918 г. на квартире ректора архимандрита Бориса (Соколова) прошло собрание духовенства, посвященное обсуждению большевистского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданного незадолго до этих событий, в январе этого года. В ходе работы собрания явились вооруженные красноармейцы и произвели задержание его участников. Одновременно с этим на квартирах заседавших в семинарии священников представители исполнительного комитета производили обыски.

В августе 1917 г. повсеместно распространилось трагическое известие о зверском бессудном расстреле в Екатеринбурге последнего русского царя Николая II и его семьи. Отец Михаил Платонов по этому случаю произнес проповедь и совершил молитвенное поминовение невинно убиенного. Уже 23 августа 1918 года священник Платонов был допрошен следственной комиссией ревтрибунала, а на следующий день, в субботу, арестован. В связи с этими событиями богослужения в Серафимовском храме города Саратова были приостановлены. Следственная комиссия ревтрибунала восприняла это как провокацию со стороны Епархиального совета, являющейся «инсценировкой» закрытия церкви советской властью. 17 сентября все члены совета, кроме протоиерея Евгения Шкенёва, были арестованы по постановлению следственной комиссии ревтрибунала от 16 сентября⁴¹⁸.

---

⁴¹⁸ ГАНИСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 26. Л. 240.

Переход процесса репрессий в активную фазу и ужесточение карательных мер большевистских властей принято связывать с визитом Л.Д. Троцкого в Саратов в сентябре 1918 года. С его посещением связывают также и организацию суда над задержанными саратовскими священниками. Вне зависимости от того, давал Троцкий прямые указания по подготовке этого судебного процесса или нет, его прибытие в Саратов в значительной степени ускорило подготовку и проведение показательного судебного разбирательства.

Судебные заседания по этому делу проходили в большом зале консерватории в октябре 1918 г. В обвинительных речах церковь и священнослужители обвинялась в контрреволюционной деятельности. Так, Л.И. Гринь в обвинительной речи проводил параллель с французской революцией: «Мы являемся по сравнению с французскими революционерами достаточно мягкотелыми и чересчур снисходительно относимся к ним до сих пор. Не пора ли нам встать на настоящую революционную точку — тем более, что все, что мы наблюдаем, — мы везде видим, какую роль играют эти господа в контрреволюции. Пора взяться вплотную за это дело. Тем более, что мы в настоящий момент живем в период красного террора⁴¹⁹.

В «Известиях Саратовского Совета» указывалось, что причиной ареста послужило распространение погромной, черносотенной литературы, церковные проповеди против советской власти как «власти антихристовой»⁴²⁰.

Интересен состав судей на данном разбирательстве, среди них были в основном рабочие и сторонники большевиков: слесарь, бывший младший унтер-офицер, токарь, мельник и др.⁴²¹.

Приговор суда был крайне жестким и соответствовал проводимой большевистской партией карательной политикой по отношению к церкви:

---

⁴¹⁹ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 24. Л. 75 об. — 76.

⁴²⁰ Провокация попов // Известия Саратовского Совета. 1918. № 197 (22 сентября). С. 20.

⁴²¹ ГАНИСО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 6. Л. 77 об.

священник Михаил Платонов, молившийся за упокой «невинно убиенной» царской семьи был приговорен к расстрелу, епископ Герман и протоиерей Хитров – к 15 годам тюрьмы «с применением общественных работ», остальных обвиняемых как «пассивных участников» суд приговорил к 10 годам заключения условно.

По утверждению А.И. Мраморнова, изучавшего данный судебный процесс: «Народ в своей массе безмолвствовал, хотя определенная его часть не побоялась поддержать своих пастырей, поставив подпись в их защиту. Но это была лишь малая часть населения тогдашнего Саратова»⁴²².

Данное заключение можно трактовать как поддержку большевистской борьбы с религией, однако, более явным представляется вывод о том, что исполнение приговора в «безмолвной» обстановке подтверждает еще раз смирение перед силой, способной жесткими мерами предотвратить революционный хаос.

Период Великой российской революции характеризовался некоторыми случаями перехода священников от революционной агитации к конкретным насильственным действиям с целью изменения государственного порядка.

Само духовенство приняло падение монархии как свершившийся факт еще в феврале 1917 г. В первые же дни от церкви было направлено приветствие к новой власти: «С теплой молитвой приветствуя обновленный Государственный строй дорогой родины, духовенство и духовно-учебные заведения Саратовской епархии во главе со своим Архипастырем и Преосвященными Викариями выражают в лице Вашего Высокопревосходительства Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему, свое полное доверие», – говорилось в телеграмме, которую епископ Саратовский и Царицынский Палладий

---

⁴²² Мраморнов А.И. Судебный процесс против православного духовенства в Саратове в 1918–1919 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 97–104; Он же. Предыстория и исторический контекст судебного процесса над саратовским духовенством в 1918–1919 гг. // XIX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. М., 2009. Т. 1. С. 263.

(Добронравов) направил на имя М.В. Родзянко почти сразу после получения новостей о смене государственного строя⁴²³.

В то же время представители духовенства реагировали на произошедшую революцию по-разному. Бросаются в глаза строки, подписанные псевдонимом «свящ. Вл. Приходский», который писал об отречении Николая II от престола в исключительно радостном тоне. «Униженная, опозоренная старой полицейской властью, вздохнет свободная теперь наша церковь. <...> Братья-сопастыри! На нас лежит долг народного доверия, долг нашего высокого положения, наконец, долг будущего положения церкви отказаться от старой системы церковного строя жизни: неразумного подчинения старым властям и позорного, погубившего наше светлое высокое влияние, рабского, предательского молчания. Теперь настало время и нам сказать свое могучее слово евангельской правды, сказать теперь, пока нас еще хотят и желают слушать и последовать авторитетному призыву наших священников-депутатов»⁴²⁴. В действительности, конечно, не все священнослужители поддержали свершившуюся революцию. К примеру, известный в Саратове епископ Гермоген оставался приверженцем царского режима. Возможно, что из-за своей близости к Государю, а позже, в 1918 г. как и многие другие священнослужители, осудившие расстрел царской семьи, он будет убит большевиками.

Изменялись представления о происходивших событиях и отношение к ним у активного саратовского студенчества. К октябрю 1917 г. у учащейся саратовской молодежи на место революционной романтике и эйфории февраля-марта приходят совершенно другие социопсихологические доминанты.

После Февраля 1917 г. студенчество стало трансформироваться в расслаивающуюся социальную группу. Студенты, как правило, переставали

---

⁴²³ Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 8. С. 266–267.

⁴²⁴ Там же. С. 267.

учиться, а в студенческой среде разразился кризис. После прихода к власти большевиков, студенчество, как носитель освободительных идей перестает существовать, а кризис, затронувший все сферы жизни, привел ВУЗы к периоду разрухи и нищеты. Численность саратовских студентов, как и по всей России, сократилась, многие бывшие студенты были мобилизованы на фронт. Бытовые трудности вынудили многих оставшихся студентов бросить учебу. Романтизм революционных изменений сменился деморализацией и духовным кризисом студенческой молодежи.

Обострение экономического кризиса и сложная продовольственная ситуация в Саратовской губернии сопровождалась закрытием заводов, безработицей, конфискациями, что отражалось на благосостоянии саратовских рабочих. В период эскалации Гражданской войны, зачастую рабочие трудились за продовольственный паек и предметы первой необходимости. Чтобы прокормить свои семьи, рабочие должны были обращаться к услугам черного рынка и другим источникам доходов. Увеличивалось количество прогулов на предприятиях, хищения имущества⁴²⁵.

Качество и содержание труда в гораздо меньшей степени, чем раньше определяли самосознание рабочего человека. Именно на этой основе формировалось теперь отношение рабочих к советской власти. С национализацией промышленных предприятий в 1918 г., их закрытием, все более заметными становились растущее безразличие и упадок трудовой дисциплины рабочих.

Ситуация еще более ухудшилась в 1919 г., когда нехватка топлива в марте и апреле привела к закрытию ряда фабрик в Саратове. В связи с нехваткой сырья, на «Новой Этне» многие рабочие «болели», но продолжали исправно получать зарплату⁴²⁶.

---

⁴²⁵ См. Рейли Д. Рабочие против коммунистов: рабочие волнения в Саратове в конце Гражданской войны // Материалы международной научной конференции «Право, насилие, культура России: региональный аспект (первая четверть XX века)». М., 2001.

⁴²⁶ ГАНИСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

По мере нарастания социально-экономического кризиса рабочие выражали свое недовольство любыми доступными способами. Большевики, со своей стороны, колебались между попытками подавить недовольство и пойти рабочим навстречу. Язык партийных документов, в то же время, выдавал готовность контролировать рабочих и подавлять их оппозиционность. Так, по окончании митинга железнодорожников 1 октября 1918 г. партийные органы составили список тех, кого необходимо было «изолировать», состоявший из 114 имен. В список были включены не только те, кто был враждебен к Советской власти или подозревался в контрреволюционной деятельности, но также эсеры, меньшевики и лица «неправильного» социального происхождения⁴²⁷.

В донесении местного ЧК железнодорожное депо названо «гнездом контрреволюции». Хотя железнодорожники были среди самых высококвалифицированных рабочих в городе, по мнению авторов донесения они (1000 чел.) трудились совершенно неудовлетворительно. Это показывает, что большевики существенно переоценивали уровень симпатий к ним среди рабочих. Угрожая забастовкой, рабочие жаловались на нехватку продовольствия и обуви. По их мнению, положение рабочего класса было не лучше, чем при самодержавии: по-прежнему, сыта была администрация, а не рабочие.⁴²⁸

По мере дальнейшего развала экономики и ужесточения борьбы за самые необходимые, но недоступные ресурсы, рабочие все более руководствовались своими личными, насущными интересами, а не теми, которые большевики считали естественными для пролетариата.

Отношения партии с рабочими оставались вплоть до осады города в апреле 1919 г. настолько напряженными, что, согласно секретным

---

⁴²⁷ ГАНИСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

⁴²⁸ Цит. по.: *Рейли Д.* Рабочие против коммунистов: рабочие волнения в Саратове в конце Гражданской войны // Материалы международной научной конференции «Право, насилие, культура России: региональный аспект (первая четверть XX века)». М., 2001. С. 9.

донесениям, партия рассчитывала лишь на четвертую часть из наличных 40 тыс. рабочих для «защиты революции в Саратове». Согласно «Красной газете», в марте 1919 г. «контрреволюционная агитация» и «самые вздорные, нелепые слухи» помешали избранию рабочих комитетов на саратовских табачных фабриках, где работали в основном женщины⁴²⁹.

В годы Гражданской войны между рабочими и однопартийным государством сложились новые отношения. Рабочие были вынуждены приспособляться, сопротивляться и обходить существующие правила игры.

В период Великой российской революции в условиях ожесточенной борьбы политических сил за власть, обострения социально-экономического кризиса, нерешенности аграрного вопроса и проблем военного времени массовые настроения городского населения Саратовской губернии претерпели существенные изменения.

Солдатская масса, студенчество, часть рабочих с энтузиазмом воспринявших февральские события 1917 г., в условиях революционной стихии последующих месяцев, и отсутствия решения острых экономических проблем, разочаровывались существующим порядком вещей, в том числе в политической властью в стране. Революционная эйфория саратовского студенчества сменяется апатией, сопровождающейся неприятием мер новой власти и новых реалий после свержения монархии. Солдатские массы, после прихода большевиков к власти, так и не получившие желанного мира и возвращения домой, чувствовали себя «обманутыми». Происходившая параллельно с этим общая милитаризации общества и борьба властных институтов, приводила к хаосу.

После октября 1917 г. революционный порыв сменился стремлением к порядку, довлевшим над всем остальным. Большевики стремительно старались консолидировать все властные полномочия в Саратовской губернии в своих руках, в том числе, подчинив движущие силы революции. В связи с этим солдатская масса, лояльная новому правительству,

---

⁴²⁹ Красная Газета. 16 марта 1919. С.3.

преобразуется в Красную Гвардию, в среде рабочих формируется вертикаль управления и создается фабрично-заводская гвардия, студенчество дезорганизуется.

Равнодушие городских низов увеличивалось, как отмечал В.П. Булдаков «используя апатию масс от хаоса, большевики повели за собой недоумевающий народ, как медведя за протетое в ноздри кольцо»⁴³⁰.

Разгон Учредительного собрания был воспринят массами равнодушно. Более важное значение в этот период, как отмечалось раньше, приобретал вопрос об утверждении монополии на насилие. Демонстративным актом утверждения государственного «порядка» стало провозглашение «красного террора».

Начавшаяся в стране Гражданская война породила источники для новых социальных проблем и конфликтов, и тем самым сыграла дезинтегрирующую и деструктивную роль в обществе.

---

⁴³⁰ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 223.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические, идеологические, социально-экономические процессы, вызванные Первой мировой войной, сыграли важную роль в повседневной жизни населения России, начиная с 1914 г. Миграции, в военных условиях приводили к переселению беженцев в центральные губернии, в том числе, в Саратовскую губернию, из-за чего изменялся состав городского населения. Особыми раздражителями для населения городов Саратовской губернии стали мобилизация населения на фронт, усиливающая дороговизна продовольственных и промышленных товаров и принятые чрезвычайные меры на территории губернии. Вместе с тем, разрушение привычных жизненных ценностей и стирание рамок дозволенного, что повлияло на активизацию насилия различных форм уже в послевоенное время, в том числе в период Великой российской революции.

Влияние продовольственной ситуации в военный период на настроения городского населения было значительным, обострение кризиса провоцировало «раскачивание» социально-политической стабильности. По территории Саратовского Поволжья «пронеслась» череда погромов в уездных городах: как винных складов солдатами тыловых гарнизонов, так и солдатками, вынужденными в одиночку кормить своих детей в условиях растущих цен. Невозможность в условиях Первой мировой войны привычного использования продовольственных ресурсов, дороговизна, очереди, вызывало неудовлетворенность, а порою приводило к «погромному настроению». Все эти факторы привели к смене отношения населения к Первой мировой войне, первоначально воспринятую с подъемом патриотических чувств, студенческими манифестациями и воззваниями в поддержку правительства, но к 1916 г. сменившуюся на антиправительственные настроения и негативное отношение к войне, ухудшающей благосостояние общества.

Социально-стратификационный анализ показывает, что солдаты, рабочие, крестьянство, студенчество, женщины и дети во многом негативно восприняли начало войны. В некоторых случаях война, вскрывая несовершенство политической системы, становилась причиной революционизирования населения, в котором большую роль играло эмоциональное восприятие событий. Отдельные группы населения, особенно чутко реагируя на несправедливость внешнего мира, проникались оппозиционными настроениями, протестуя против различных форм насилия. Война не столько стала фактором единения, сколько породила источники для новых социальных проблем и конфликтов и тем самым сыграла дезинтегрирующую и деструктивную роль.

Первая мировая война, разрушила привычные жизненные ценности. Война нивелировала привычные нормы и модели поведения, что повлияло на активизацию насилия различных форм уже в послевоенное время, в том числе в период Великой российской революции.

Амбивалентность настроений весны 1917 г. отчасти объясняется парадоксальной природой революции, в которой проявились несбывшиеся мечты периода патриотической мобилизации общества 1914 г. Тогда надежды на общенациональное единение провалились, теперь революция дарила новые надежды на начало возрождения страны. Революционный энтузиазм февральско-мартовских дней нес в себе сильнейшую патриотическую составляющую, главной ценностью которой становилась идея свободной демократической России.

Российская революция, сочетавшая общие как негативные, так и позитивные реакции, оказалась сильным эмоциональным потрясением для публики. Но итоги 1917 г. оказались неутешительными: рухнули мечты о свободной, демократической России (современники признавали, что уже в ноябре – декабре 1917 г. надежд на Учредительное собрание у них практически не оставалось), сбылись опасения о погружении страны в пучину Гражданской войны.

Первая мировая война оказалась прелюдией российской революции. Обострившиеся экономические проблемы, социальные и национальные конфликты, политические противоречия привели страну к относительно короткому периоду попыток глубинного обновления в 1917 г., а затем в пожаре Гражданской войны – к радикальной перестройке всей общественно-политической системы. Вместе с тем, как известно, революции сначала происходят в головах и лишь затем вырываются на улицы.

Ментальные процессы имели вполне материальный фундамент в виде растущего рабочего движения, крестьянского недовольства земельным вопросом, ухудшением продовольственного снабжения городов. Многие из этих проблем сохранялись на протяжении всего начала XX в., но Первая мировая война обострила и углубила противоречия.

На мировоззрении населения Российской империи начала XX в. отразились идеологический кризис, вызванный кризисом церковных институтов, а также начавшийся процесс десакрализации царской власти. Поддержанная церковью, как государственным институтом, война сменилась революционной реальностью. Первоначальная реакция духовенства на падение монархии различалась, однако встречались в среде саратовских священнослужителей и те, кто принял передачу власти Временному правительству как данность и те, кто с энтузиазмом отнесся к свержению царя. Однако начавшиеся гонения на церковь и национализация церковного имущества постепенно приведет к смене чувств духовенства по отношению к новой власти. Показательным актом подавления большевиками служителей культа стал судебный процесс над саратовским духовенством в октябре 1918 г.

Самый взрывоопасный потенциал в революционной стихии имела солдатская масса, которая долгое время оставалась скрытой угрозой для новой большевистской власти. Саратовская губерния в годы Первой мировой войны обзавелась значительным количеством солдат из тыловых гарнизонов, что повлияло на революционные события в Саратове. Эйфория в солдатской

среде к октябрю 1917 г. сменяется апатией к происходящим политическим событиям. Лояльную часть солдатской массы новому большевистскому правительству удастся организовать в отряды Красной гвардии, ставшей одним из главных инструментов в борьбе с политическими противниками и неугодными настроениями населения.

После февральских событий 1917 г. активизация деятельности политических партий оказала значительное влияние на эволюцию массовых настроений населения аграрной по характеру Саратовской губернии, в которой большевики, меньшевики и эсеры представляли главные политические силы и боролись за власть. Каждая из партий старалась оправдать именно свои действия и выставить в неблагоприятном свете конкурентов и соперников.

С течением времени, в особенности к осени 1917 г. либеральные ценности кадетской партии вступали в противоречия с массовыми традиционными представлениями крестьян, с их патриархальной культурой, поэтому постепенно стали усиливаться позиции левых партий. Программа решения аграрного вопроса у меньшевиков была непонятна крестьянам и не соответствовала их требованиям, что во многом определило судьбу меньшевиков наряду с либеральными силами.

Российский электорат в период Великой российской революции формировал мнение о партии не столько путем изучения ее программы, сколько воспринимая их мифологизированный имидж, сложившийся в народном сознании. Успех партии определялся соответствием ее практической деятельности по отношению к психологии и базовым мировоззренческим установкам широких масс населения, а также обозначением позиции по решению самых острых проблем – аграрного вопроса, и до весны 1918 г. – вопроса о войне.

В революционный период в России массовые настроения являлись одновременно объектом воздействия политико-идеологических конструкций, и фактором, оказывающим влияние на сами политические партии.

Большевики оказались единственной партией, у которой получилось оперативно реагировать на изменения настроения масс и использовать массовое сознание для достижения своих политических целей. При этом центральная линия в детальности партии оказывала влияние на работу местных партийных органов.

На протяжении 1917 г. борьба политических сил за власть и их влияние на настроения населения происходила параллельно с общей милитаризацией общества и властных институтов, приводившей к хаосу. Грабеж и насилие нагоняли страх на обывателей, что постепенно приводило к ожиданию порядка. В этой ситуации большевистское властное начало представляло надежду на упорядочение хаоса и наведение порядка. Из отчаяния и надежды рождалась вера в то, что большевизм можем послужить панацеей от смуты, происходящей в стране.

Хаос революции, грабеж и насилие нагоняли страх на обывателей, что к октябрю 1917 г. постепенно привело к формированию надежд и психологической потребности на установление порядка, ожидание стабильности и спокойствия. После большевистского переворота революционный порыв сменился стремлением к порядку, довлевшим над всем остальным. Равнодушие городских низов увеличивалось, как отмечал В.П. Булдаков «используя апатию масс от хаоса, большевики повели за собой недоумевающий народ, как медведя за протетое в ноздри кольцо»⁴³¹.

Несомненным преимуществом Советов перед другими революционными институтами управления была их мобильность и гибкость. Рабочая и солдатская секции вели совместную работу в рамках агитационных и митинговых комиссий, отвечавших не только за пропаганду, но и за порядок во время проведения митингов и собраний. Были у Советов и силовые подразделения: фабрично-заводская (рабочая милиция) и Красная гвардия.

---

⁴³¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С 223.

Таким образом, романтические революционные настроения и эйфория, активизировавшиеся после февральских событий 1917 г. у части населения, к октябрю 1917 г. сменились апатией и стремлением к порядку, довлевшим над всем остальным. Одним из главных элементов утверждения новой власти и ее отношений с населением стало постепенно концентрировавшаяся в руках Советов монополия большевистской диктатуры и применение жестких инструментов насилия в борьбе с контрреволюцией.

Разгон Учредительного собрания был воспринят массами равнодушно, более важное значение в этот период, приобретал вопрос об утверждении монополии на насилие. Демонстративным актом утверждения государственного «порядка» стало провозглашение «красного террора».

В целом, в процессе эволюции массовых настроений городского населения в период Великой российской революции применительно к Саратовскому региону можно выделить следующие этапы:

Первый этап. 1914 – февраль 1917 гг. – наиболее «военноцентричный» период, безусловно, вопрос о мире будет играть большую роль в борьбе политических сил на протяжении всего 1917 г., однако до февральских революционных событий именно военный вопрос и связанные с ним процессы внутри российского общества, формировали массовые настроения обывателей. Этот период характеризуется сменой патриотического подъема лета 1914 г. недовольством мобилизацией, чрезвычайными мерами, введенных в губернии в связи с Первой мировой войной, дороговизной и обострения продовольственного вопроса. В этот период в Саратовской губернии активизируется забастовочная деятельность рабочих, усиливается критика правительства со стороны солдатской массы, происходит рост оппозиционных настроений среди студентов-киевлян и саратовцев, среди которых активизируется работа эсеров и социал-демократов. Влияние политических партий на горожан Саратовской губернии в этот период было незначительным;

Второй этап. Февраль 1917- октябрь 1917 гг. – период, который начался с пиковой точки революционной эйфории на системе координат массовых настроений у значительной части городского населения. На протяжении 1917 г. происходит активизация противостояния политических партий, их борьба за симпатии среди населения губернии. Однако к осени на место революционной романтики и эйфории приходят настроения апатии и нарастание тенденций абсентизма среди городского населения Саратовской губернии. В первую очередь, это было связано с нерешенностью основных социальных проблем. Преобладающими чертами модели поведения обывателя к октябрю 1917 г. становятся самосохранение, выживание, желание переждать кризис в стороне. Нарастает противостояние большевиков с политическими оппонентами, в ходе которого стремительно теряют позиции либеральные силы.

Третий этап. Октябрь 1917 – конец 1918 гг. – массовые настроения городского населения Саратовской губернии характеризуются усилением равнодушия городских низов к политическим событиям, усталостью от хаоса, что приводит к стремлению к порядку, довлевшим над всем остальным. Образ сильной власти, способной покончить с революционным хаосом и ростом преступностью начинает ассоциироваться с большевистской партией, провозгласившую советскую власть в Саратове. Большевики на данном этапе смогли установить собственную монополию на насилие, путем создания отрядов Красной Гвардии, революционной охраны и ЧК. Последовавшие события Гражданской войны в России изменили факторы формирования массовых настроений, главным образующим звеном в складывании мировоззрения населения становится вооруженное противостояние различных политических сил. Обстановка, в которой происходила маргинализация общества, насилие, красный и белый террор изменила представления о революции среди народных масс.

В условиях разворачивающейся Гражданской войны влияние политических партий приобрело иной характер. Отныне на настроения и

поведение народных масс действовали не только тактические шаги в лавировании между требованиями и желаниями масс, но и силовое воздействие политических сил. Основные требования социальных слоев населения губернии: рабочих, крестьян будут частично удовлетворены в рамках положений НЭПа в 1921 г.

Список использованных источников и литературы

И. Источники

И. 1. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

И.1.1. Ф. 102 (Департамент полиции министерства внутренних дел. Д-3).

Ф. 102. ОО. Д. 59. Ч. 69; Оп. 265. Д. 992.; Оп. 109. Д. 1 ч. Л. А.

И. 1.2. Ф. 1796 (Главный земельный комитет Министерства землевладения правительства)

Оп. 6. Д. 164 а; Оп. 1. Д. 117; Оп. 1. Д. 167 а.

И. 1.3. Ф. 1791 (Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан Министерства внутренних дел Временного правительства)

Оп. 6. Д. 167; Оп. 1. Д. 179.

Государственный архив Саратовской области (ГАСО)

И. 1. 4. Ф. 53. (Саратовское губернское жандармское управление)

Оп.8. Д. 15, 21, 9; 10, 7; 8; 15, 18, 4, 26; Оп 9 Д. 368;

И. 1. 5. Ф. 55. (Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Вольском, Хвалынском и Кузнецком уездах).

Оп. 3. Д. 7, 9, 10, 15, 17.

І. 1. 6.Ф. 56. (Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Новоузенском уезде, г. Новоузенск Самарской губернии)

Оп. 2. Д. 12, 3, 21.

І. 1. 7. Ф. 60. (Саратовский полицмейстер)

Оп. 2. Д. 2, 3, 5, 10;

І. 1. 6.Ф. 421. (Саратовский губернский статистический комитет Министерства внутренних дел)

Оп. 2. Д. 13, 21, 26.

І. 1. 7. Ф. 813. (Балаковская городская управа, г. Балаково Самарской губернии)

Оп. 2. Д. 12, 14, 15

І. 1. 8.Ф. 831. (Хвалынская городская управа, г. Хвалынк Саратовской губернии).

Оп. 2. Д. 2, 13, 18.

І. 1. 9. Ф.10. (Прокурор Саратовского окружного суда)

Оп.1.Д.2748; 2740; 2736; 2725; 2705; 2651; 2641; 2637; 2632; 2635; 2631, 2629;

І. 1. 10. Ф. 1283. (Славин И.Я. Коллежский советник почетный мировой судья г. Саратова)

Оп. 1. Д. 7;

І. 1. 11. Ф. Р-507. (Саратовский революционный трибунал. 1917-1923 гг.)

Оп. 1. Д. 50; 61; 71; 78;

І. 1. 12. Ф. 471. (Саратовский губернский революционный комитет, уездные, волостные революционные комитеты губернии 1918-1921 гг.)

Оп. 1. Д. 24; 19;

І. 1. 13. Р-514. (Саратовский уездный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и волостные исполкомы уезда 1917-1928 гг.)

Оп. 1. Д. 21, 29.

**Государственный архив новейшей истории Саратовской области
(ГАНИСО)**

I. 1. 14. Ф. 27 (Саратовский Губком ВКП (б) за 1918-1920 гг.)

Оп. 1. Д. 1, 3, 11, 24, 75, 76, 116, 117, 122, 189, 366, 365, 420.

I. 1. 15. Ф. 28. (Саратовский губернский комитет ВЛКСМ)

Оп. 1. Д. 43, 44, 45, 73, 74, 78, 81, 85.

I. 1. 16. Ф. 29. (Саратовская губернская контрольная комиссия ВКП (б))

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 21, 24, 32, 41, 48, 52.

I. 1. 16. Ф. 81. (Октябрьский райком КПСС г. Саратова 1917-1947 гг.)

Оп. 1. Д. 3, 5, 30, 34, 42, 49, 51, 56.

I. 1. 17. Ф. 136. (Фрунзенский райком ВКП (б) г. Саратова)

Оп. 1. Д. 1, 5, 7, 10, 15, 16, 17, 18, 19.

I. 1. 18. Ф. 1388 (Городской райком РКП (б) г. Саратова)

Оп. 1. Д. 1, 5, 7, 16, 25, 29, 31, 34, 35, 37, 39.

I. 1. 19. Ф. 199 (Саратовская областная комиссия по собиранию и изучению материалов по истории партии большевиков. Истпарт)

Оп. 2. Д. 210, 211, 220, 222, 228, 229.

Оп. 3. Д. 1, 3, 8, 11, 15, 17, 27, 28, 29.

**ГУК Саратовский областной музей краеведения
(СМК)**

I. 1. 20. НА. СМК 52240, 548/3, 47293, 53027, 16926/2, 20963/110, 20963/107, 20963/109, 20963/111, 38127, 17961/2, 9108, 22408/89, 211/7, 231331/3, 23131/3, 23131/11, 48615, 3348, 31168, 27038, 18052/2, 180052/1, 17958, 13275/9; НВСП 21115, 23131/9, 28153, 3295, 20020/552.

МУК Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского

(ГДМЧ)

И. 1. 21. ГДМЧ 3842.1205, 3842.1206, 3842.1216, 3842.976, 3842.976, 3842 . 1037, 3847.1040, 3842.969, 3842. 971, 3842/1176, 3842.1206, 3842.1019, 3842.1173, 3842.976, 3842 . 1037.

И. 2 Воспоминания, письма, дневники

1.2.1. Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. Т. 1. М.; Л.: Гос. изд-во Истпарта, 1925. 310 с.

1.2.2. Антонов-Саратовский В. П. Саратов в годы империалистической войны (1914–1916 гг.) и «Наша газета» (Из личных воспоминаний) // Пролетарская революция. 1923. № 4 (16). С. 7–80.

1.2.3. Васильев-Южин М. И. 1917 год в Саратове. Накануне Февральской революции // За власть Советов. Воспоминания участников революционных событий в Саратовской губернии. Саратов: Саратовское кн. Изд-во, 1957. С. 5–46.

1.2.4. Ежов А. В Саратове (1907–1917 гг.) // Коммунистический путь. 1923. № 10 (35). С. 186–191.

1.2.5. Красичков В.Н. В саратовских железнодорожных мастерских // За власть Советов. Воспоминания участников революционных событий в Саратовской губернии. Саратов: Саратовское кн. Изд-во, 1957. С. 11–127.

1.2.6. Посадский А. Письма предводителя дворянства // Волга – XXI век. 2004. № 1–2. С. 174–177.

1.2.7. Ситников В. Н. Пережитое: Дневник саратовского обывателя. 1918–1931 гг. / публикация Ю. Песикова. Саратов: Изд-во «Слово», 1999. 96 с.

1.2.8. Ухтомский А. День ожидаемого огня. Письма к В. А. Платоновой // Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях / отв. ред. А. С. Батуев; сост. А. В. Соколова, Г. М. Цурикова, И. С. Кузьмичев; предисл. Г. М. Цуриковой и И. С. Кузьмичева, примеч. Л. В. Соколовой. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 24–204.

- 1.2.9. Ходаков С. Живая вода революции // Новый мир. 1957. № 4. С. 132–139.
- 1.2.10. Щербаков П. К. Дни великих свершений // За власть Советов. Воспоминания участников революционных событий в Саратовской губернии. Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1957. С. 83–109.
- 1.2. 11.1917 год в Саратове // За власть Советов: Воспоминания участников революционных событий 1917 г. — Саратов, 1957.
- 1.2.12. Октябрьская революция в Саратове // Победа Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. воспоминаний. — М., 1958.
- 1.2.13. Попов, К. И. Записки о Саратове [Текст] / К. И. Попов // Старый Саратов : свидетельство прошлого. - Саратов, 1995. - Т. 1. - С. 29-219.

1.3. Периодические издания

- 1.3.1. Саратовский голос [Текст]. - Саратов, 1917. - № 54 - 76.
- 1.3.2. Саратовский вестник [Текст]. - Саратов, 1917. - № 127 - 251.
- 1.3.3. Саратовский листок [Текст]. - Саратов, 1914, 1915, 1916, 1917. - № 114 - 284.
- 1.3.4. Саратовский дневник [Текст]. - Саратов, 1917. - № 96 - 205.
- 1.3.5. Саратовские губернские ведомости [Текст]. - Саратов, 1917. - № 51 - 97.
- 1.3.6. Известия Саратовской городской думы [Текст]. - Саратов, 1917. - № 51 - 97.
- 1.3.7. Саратовские епархиальные ведомости [Текст]. - Саратов, 1917. - № 26 - 97.
- 1.3.8. Аткарский уезд [Текст]. - Саратов, 1916, 1917 - № 42 - 112.
- 1.3.9. Голос народа [Текст]. - Саратов, 1917 - № 46-86.
- 1.3.10. Известия [Текст]. - Саратов, 1917-1920.
- 1.3.11. Социал-демократ [Текст]. - Саратов, 1917-1918.

II Специальная литература

II. 2. Монографии и статьи

1. Айхенберг Ю. Из солдат – в штатские, из штатских – в солдаты: Польша и Ирландия после Первой мировой войны // Герварт Р., Хорн Д. (ред.) Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917 – 1923: Сб. статей/ Под ред. Герварт Р., Хорн Д. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

2. Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914-1918 / Владислав Аксенов. - Москва : Новое лит. обозрение, 2020.

3. Аленичева Н.В. Эволюция поведенческих детерминант солдатских масс летом-осенью 1917 года в контексте психо-социальной динамики революционной эпохи (по материалам Саратовской губернии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета № 3 (66). Сургут, 2020 С. 133-140. ISSN 2078-7626.;

4. Аленичева Н. В. Концепция «брутализации» общества и ее возможности для анализа Великой российской революции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022 Т. 22, вып. 2 С. 158–163.

5. Аленичева Н.В. От революционной романтики до деморализации: настроения саратовского студенчества в переломную эпоху (1914-1917 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 3 (78). 2022. С. 128-135.

6. Аленичева Н. В. Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4.

7. Бакулин В.И. Между догмой, иллюзией и реальностью: Меншевизм в 1917 году // Отечественная история. – 2004. – № 1. – С. 69–83.
8. Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода имперской России. М., 2004.
9. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
10. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986.
11. Бравина М.А. Повседневная жизнь Симбирска в условиях революции и гражданской войны: 1917-1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары. 2008.
12. Булгаков А.О. Балашов в кольце фронтов. 1917–1921. Сост. и науч. ред. А.В. Посадский; Ассоц. исследователей рос. о-ва (АИРО-XXI) . М., 2019.
13. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. - изд. 2-е, доп. - М., 2010.
14. Варфоломеев Ю.В. Саратовская «молодая адвокатура» на политических процессах в годы войн начала XX века // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Материалы научных конференций «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в Николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2005 г.). – Саратов, 2006.
15. Варфоломеев Ю.В. . «Эти башибузуки среди местного населения пользуются достойной ненавистью», или обратная сторона «Триумфального шествия советской власти в Саратовском Поволжье // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4.
16. Васильева Е. И. Первая мировая война, расстановка политических сил в 1917 г. и позиции интеллигенции г. Рыбинска // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007.
17. Васькин В.В. Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов: Издательство Саратовского ун-та. 1976.

18. Васькин В.В. Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов: Издательство Саратовского ун-та. 1976.
19. Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917 – 1923: Сб. статей/ Под ред. Герварт Р., Хорн Д. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 400 С.
20. Волошин М.А. Из литературного наследия (Из неизданного). – Вып. II. – СПб., 1999. – С. 160.
21. Воронежцев А. В. Из истории военной цензуры в период первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии) // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Материалы научных конференций «Саратовский край в войнах начала XX века и документальное наследие» (30 сентября 2004 г.) и «Саратовский край в николаевскую эпоху и документальное наследие» (6 октября 2005 г.). Саратов, 2006.
22. Выжлецов Г. П. Духовные ценности и судьбы России. // Социально-политический журнал, 1994. № 3-6.
23. Герасименко Г. А. Политическое положение в саратовской деревне осенью 1917 г. // Поволжский край. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1988. Вып. 10.
24. Герман А.А. Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов. 1985.
25. Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009.
26. Гольц И. По дорогам и ухабам жизни (Последний меньшевик). – Иерусалим: NOY typography, 2003.
27. Даль В.И. Разыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. СПб., 1844.

28. Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М.: Воениздат. 1992. С. 147.

29. Дмитренко В.П. Экономика России 1918 г. как поле противоборства социальных интересов // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Материалы первой сессии международной научной конференции 28-30 июня 1993 года. Ч. II. М., 1994.

30. Долан Э. Британская культура военизированного насилия в ирландской войне за независимость // Герварт Р., Хорн Д. (ред.) Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917-1923. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

31. Зайнетдинов Ш.Р. Революция, насилие, прогресс // Отечественная история. – 1995. – № 5.

32. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. - М.: РОССПЭН, 1999.

33. Иванова Н. А. Проблемы формирования классов предпринимателей и рабочих в условиях сословного общества Российской империи // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: материалы IV Межд. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Кострома, 2007.

34. Ионенко И.М. Солдатские массы в Октябрьской Революции. По материалам Поволжья и Урала. Казань: Издательство Казанского ун-та. 1982.

35. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997.

36. Казанцев А. А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005.

37. Каппелер А. Образование наций и национальные движения // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005.

38. Кара-Мурза С.Г. Мышление, методология и знание большевиков. Сборник Революция 1917-го в России. Как серия заговоров / Сборник. М., 2016.
39. Кен О.Н. После революции – что? // Дело. 2008. № 8 (501)..
40. Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. – М., 2005.
41. Кириллов Н.П. Массовое сознание. Структура. Генезис. Сущностные характеристики (Вопросы теории и методологии). – Кн. II. – Томск, 1995.
42. Кичеев В.Г. Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году. Дис. ... канд. истор. наук. – СПб, 1993.
43. Кищенко М.С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2.
44. Ковалевский А.Г. Очерки по демографии Саратова (Рождаемость и смертность за 1914-1927 гг.). Саратов, 1928. 217 с.
45. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. / Санкт-Петербургский ин-т истории Российской акад. наук, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. — М.: НЛЮ, 2010. — 664 с.
46. Колоницкий Б. И. К изучению механизма десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 72–86; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
47. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб., 2001. – 350 с.
48. Космач В.А. Великая Российская революция 1917-1922 гг. и ее последствия: опыт сравнительно- исторического анализа// Метаморфозы истории. ПГУ. 2014. № 5.
49. Кремлев С. Ленин в 1917 году. К 100-летию Великой революции. «Яуза», 2017

50. Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем: В 2 кн. Кн.1. - Авторы, науч. ред. Кумаков А.А., Симонов А.А. Изд-во «Волга». Саратов, 2016.
51. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет. 1995. С. 234.
52. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 13. Май-сентябрь 1906. Издательство политической литературы. М., 1972.
53. Мальков А.А. Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914-1925 гг. Саратов, 1926. 76 с.
54. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России // Российские либералы: кадеты и октябристы. – М., 1996.
55. Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовский край в годы первой мировой войны // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 272.
56. Малинин Г.А. Киевский университет в Саратове // Поволжский край: межвуз. науч. сб. Вып. 7. Вопросы социально-экономической и политической истории / отв. Ред. С.А. Соколов. Саратов. 1984. С. 107-113.
57. Марченя П.П. Политические партии и массы в России 1917 г.: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. М., 2008.
58. Международный день против империалистической войны // Коммунистический интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ / под ред. Бела Куна. — М.: Партийное издательство, 1933.
59. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 1. СПб., 2000.
60. Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб. 1999.

61. Мраморнов А.И. Саратовский императорский университет в годы Первой мировой войны (1914-1917 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «История. Международные отношения». 2009. Т. 9. Вып. 1.

62. Мраморнов А.И. Судебный процесс против православного духовенства в Саратове в 1918–1919 гг. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 97–104; Его же. Предыстория и исторический контекст судебного процесса над саратовским духовенством в 1918–1919 гг. // XIX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. М., 2009. Т. 1.

63. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Яров С. В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287–232; Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского электростанции в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб., 1999; Зубкова Е. Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948. По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99–108; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008; Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. М., 2008.

64. Нарский И. Е. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001

65. Пайпс Р. Русская революция. М., 1994.

66. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918

г.). Екатеринбург, 2000. С. 181, 211; Ее же. Рабочие, крестьяне и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

67. Посадский А. Письмо предводителя дворянства // Волга – XXI век. 2004. № 1–2.

68. Посадский А.В. Зеленое движение в гражданской войне России в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. Новейшие исследования по истории России. Центрполиграф. М., 2018.

69. Посадский А. В. Социально-политические интересы крестьянства и их проявление в 1914–1921 годах (на материалах Саратовского Поволжья): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 1997.

70. Посадский А.В., Булгаков А.О., Виноградский В.Г. Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов. 2-е изд. СОИРО. Саратов. 2018.

71. Рейли Д. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны // Вестник Самарского государственного университета: Гуманитарный выпуск. 2001. № 1 (19).

72. Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове / Пер. с англ. – Саратов: Издательство «Слово», 1995. – 400 с.

73. Рейли Д. Дж. Саратов от августа 1914 до августа 1991. Россия глазами американца / пер. с англ.; под ред. В. А. Динеса. Саратов, 1994. С. 99.

74. Розанов В.В. Уединенное: Соч. – М., 1998. – С. 422.

75. Розенберг У.Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // Герварт Р., Хорн Д. (ред.) Война во время мира... С. 37.

76. Романов О. А. Первая мировая война, психология масс и ее роль в войне // Первая мировая война: история и психология: мат. Российс. науч. конф. СПб., 1999.; Дашковский П. К. К вопросу о психологических последствиях первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология. Вып. 2. М., 2001;

77. Семенова Е.Ю. Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914-начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография. Издательство СНЦ РАН. Самара. 2012.
78. Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009.
79. Соломонов В.А. Революционное студенческое движение в Саратове 1910-1917 годов / Под ред. В.В. Всемирова. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991.
80. Якупов Н.М. Партия большевиков в борьбе за армию в период двоевластия. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1972.
81. Ямщиков С.В. Детерминанты солдатской революции 1917 года в России // ИПиСИ. Т.3, №2(2). 2008.
82. Яров С.В. На заре советского следствия: идеология и практика, 1918-1919 // Минувшее. Т. 18. М., 1986.
83. Allport G., Postman L. Psychology of Rumor. Russell and Russell. 1951. P. 75.
84. Knapp R. A Psychology of Rumor. Public Opinion Quarterly. 8/1. 22–37. 1944.
85. Lefebvre G. La Grande peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires. Paris, 1988.
86. Mosse G. De la Grande Guerre au totalitarisme. La brutalisation des sociétés européennes. Paris: Hachette Littératures, «Histoires», 1999. P. 185.
87. Mosse G. L. Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1990.
88. Picard E. A propos d'une notion récente : la culture de guerre. Frédéric Rousseau. Guerres, paix et sociétés, 1911–1946, Atlande, 2004. P. 667–674. ffhalshs-00585931 URL :<https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00585931/document> (дата обращения: 10.06.2021)

89. Prost A. 'Les Limites de la brutalisation: tuer sur le front occidental en 14–18' // Vingtième siècle: Revue d'Histoire, 5, January-March. 2004/1. № 81
90. Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001.
91. Rosenwein B. H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
92. Schumann D. Europa, der erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuität der Gewalt? // Journal of Modern European History. 2003. Vol. 1. P. 23–43.
93. Stern W. Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen über Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Vol. XXII. Cahier 2/3, 1902.

II.3. Авторефераты и диссертации

1. Аншакова Ю. Ю. Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918-1920 гг. Дисс. канд. ист. наук. Самара, 1998.
2. Безгин В. Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни. 1921-1928 гг. (по материалам губерний Центрального Черноземья). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Пенза, 1998.
3. Бойко С. И. Деятельность ВЧК в годы гражданской войны и перехода к НЭПу 1917-1922. Дисс. канд. ист. наук. Саратов. 2001.
4. Васильев А. А. Продовольственная политика Советского государства в 1918-1920 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Дисс. канд. ист. наук. Саратов. 2001.
5. Васьковский О. Советы Саратовской губернии в борьбе за организацию тыла в период первого и второго походов Антанты. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саратов, 1983.
6. Герман А. А. Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918-1941 гг.). Дисс. докт. ист. наук. Саратов, 1995.

7. Гуменюк А. А. Переход к НЭПу в Саратовской губернии: социально-экономические и политические процессы (1921-1923 гг.). Дисс.канд. ист. наук. Саратов, 2002.
8. Есиков С. А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900-1921 гг.). Автореф. дисс.докт. ист. наук. М., 1998.
9. Диндаров А. И. Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917-1918 гг. Дисс.канд. ист. наук. Казань, 2002.
10. Журавлева М. Д. Крестьянство Среднего Поволжья в годы мировой. Саранск, 2001.
11. Заворотин Е. Ф. Организационно-экономические основы развития земельных отношений в сельском хозяйстве Поволжья. Дисс.докт. ист. наук. Саратов, 2000.
12. Земцов Б. Н. Социально-психологические предпосылки революции 1917 г. в России. Дисс.докт. ист. наук. Москва, 1999.
13. Захарова Л. Б. Российское общество в 20-е годы XX века, социальный аспект развития (на материалах Самарской, Саратовской, Симбирской губерний). Дисс.канд. ист. наук. Самара, 2001.
14. Кристалли А. М. Голод 1921 года в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Дисс.канд. ист. наук. Москва, 1997.
15. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922. Дисс.докт. ист. наук. Пенза, 2001.
16. Телицын В. Л. Феномен крестьянского бунтарства, конец 1917 начало 1918. Дисс.докт. ист. наук. Москва, 2002.
17. Хитрина Н. Е. Аграрная политика Временного правительства России в 1917 г. Дисс.докт. ист. наук. Москва, 2002.
18. Шадский О. Г. Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918-лето 1920). «Предантоновщина». Дисс. канд. ист. наук. Тамбов, 2000.
19. Яковлев П. Комитеты деревенской бедноты Саратовской губернии. Дисс. канд. ист. наук. Саратов, 1953